

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1983

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ—1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА, Р. М. БИРЮКОВИЧ

РЕЛИКТЫ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО СИНТАКСИСА В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА)

Для тюркских языков во все периоды их исторического развития была характерна структура присоединенных простых предложений, семантические отношения или зависимости между которыми выражались только посредством их примыкания друг к другу.

Самый ранний этап в историческом развитии тюркского предложения, очевидно, отличался абсолютным преобладанием простого предложения. Об этом свидетельствует материал как общетюркских памятников, так и памятников отдельных тюркских языков, сохранивший структуру нанизываемых один за другим простых предложений, которые выражали не только сочинительные, но и подчинительные отношения.

Длинная цепь предложений, непосредственно отражающая ход описываемых событий в наиболее упрощенной грамматической форме, была характерна для языка ранних памятников древнетюркской письменности, памятников Монголии и Киргизии. Встречается она также и в современных тюркских языках (в фольклорном, а также других жанрах) наряду со сложными предложениями союзного типа¹.

Наиболее яркие примеры бессоюзного соединения предложений представлены в чулымско-тюркском языке, сохранившем структурный тип синтаксических связей, характерных для древнейшего периода.

Важной особенностью чулымско-тюркского синтаксиса является широкое использование примыкания как универсального средства выражения целого ряда синтаксических отношений.

В чулымско-тюркском языке примыкание, для которого не характерны какие-либо формальные показатели, многие века выражало фактически любые синтаксические отношения, и до сих пор оно является главным средством выражения сочинения и подчинения. Факты чулымско-тюркского языка позволяют проследить особенности функционирования древнейшего способа обозначения синтаксических связей — примыкания².

¹ Подробнее об этом см.: Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 207—272.

² На настоятельную необходимость изучения сложноподчиненного бессоюзного предложения указывает А. Н. Кононов (см. А. Н. Кононов. Некоторые проблемы исторического синтаксиса тюркских языков. — В кн.: «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков», М., 1967).

Рассмотрим отрывок из фольклора на чулымско-тюркском языке, в котором представлены различные средства, обеспечивающие смысловую и структурную целостность текста при отсутствии специальных внешних средств выражения синтаксических значений.

1) qara qan aq qan per turada čurtaptyrlar. 2) taŷylaptyrlar. 3) angzyn parshyn. 4) qonuqqa pergä kejbellär. 5) urycha pyžyr salŷannar. 6) o:lurup či:ptärlär. 7) aq qan aždybyly. 8) čättigipickän. 9) «äp-čem pož ämäš qalyan». 10) sa:tyštyrlar. 11) a:žin či:p salŷannar. 12) sa:tyštyrlar. 13) qo:nupyshannar. 14) «piske tyŷalašarŷa kārāk». 15) ärtän aš e:tep či:ptärlär. 16) qara qan čättigipickän. 17) qara qan: «me:ng äpčim pož ämäš qalyan. 18) se:ng qa:dyng pož ämäš, me:ng qa:dym pož ämäš, tyŷalašaq. 19) se:ng ma: me:ng sa: qys polsa perse o:l polsa pergä perektäre». 20) igise dā qynybylar. 21) olar angzyn parshannar. 22) čazlap curturlar.

1) Черный хан (и) белый хан в одном городе жили. 2) Охотились. 3) Охотясь, ходили. 4) На ночевку вместе возвращаются. 5) Сварили. 6) Сев, едят. 7) Белый хан заговорил. 8) Поперхнулся. 9) «Жена (моя) в положении осталась». 10) Разговаривают. 11) Еду съели. 12) Разговаривают. 13) Готовятся ко сну. 14) «Нам породниться надо». 15) Утром еду приготовив, едят. 16) Черный хан поперхнулся. 17) Черный хан: «Моя жена в положении осталась. 18) Твоя жена в положении, моя жена в положении, давай породнимся. 19) Ты мне, я тебе, если дочь будет, а другой — сын, отдадим». 20) Обоим понравилась (мысль). 21) Они охотятся. 22) Охотясь, (лето) ходят.

Приведенный текст, организованный как единое смысловое и структурное целое³, представлен простыми предложениями, как бы нанизанными одно на другое⁴ и связанными между собой способом примыкания. Способом примыкания связываются как предложения, так и слова. Примером может служить предложение (1). Сочинительные и подчинительные связи в приведенном тексте не имеют внешних средств выражения, однако предложения образуют смысловое и структурное единство. Предложения, взятые безотносительно друг к другу, не могут свидетельствовать о существующих между ними связях. Эти связи обнаруживаются лишь на уровне сверхфразового единства и контекста⁵.

На наличие структурной связи между предложениями в данном отрывке указывают как левосторонние (анафорические, отсылающие к ранее сказанному), так и правосторонние (катафорические, отсылающие к изложению последующих событий) связи.

Показателем катафоры здесь служит рекуррентность ключевых слов и словосочетаний. Например: словосочетания angzyn parshyn 'охотились', či:ptärlär 'едят', sa:tyštyrlar 'разговаривают', čättigipickän 'поперхнулся', pož ämäš qalyan 'осталась в положении', повторяясь, как бы скрепляют текст. Эту же функцию выполняют синонимические замены и перефразы, например: angzyn parshyn = taŷylaptyrlar = čazlap čurtur, tyŷalašarŷa kārāk = tyŷalašaq и др.

³ В данной статье говорится главным образом о структурной целостности текста, вопросы смысловой и коммуникативной целостности практически не затрагиваются.

⁴ Бессоюзное соединение предложений, нанизываемых одно на другое, в чулымско-тюркском языке впервые отметил А. П. Дульзон (см. А. П. Дульзон. Чулымско-тюркский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», ч. II, 1966, стр. 461).

⁵ Механизм такого способа синтаксической связи, как примыкание, может быть объяснен, по-видимому, с позиций грамматики. Обширную литературу по данному вопросу см.: О. И. Москальская. Грамматика текста. М., 1981.

Существенным фактором, обеспечивающим семантическую и структурную целостность текста в чулымско-тюркском языке, является использование форм способов действия и временных форм (которые в этом языке включают семы соотнесенности с моментом речи и способов действия).

В тексте употреблены различные временные формы в сфере настоящего времени: форма на *-tur*, выражающая активность субъекта, интенсивность действия, и форма на *-yl* (по терминологии А. П. Дульзона на *-byl*), выражающая малую степень активности субъекта. Распределение временных форм в начале текста указывает, что развитие повествования идет слева направо. В первых двух предложениях употреблена форма на *-tur*. В предложении (3) глагол представлен в форме на *-gan*, являющейся единственной формой в сфере прошедшего времени и в связи с этим нейтральной по отношению к способу действия. В предложении (4) указывается уже на меньшую активность субъектов действия, что находит выражение в форме на *-yl*. Предложение (4) имеет непосредственную связь с предложением-партнером⁶ (3), но не имеет прямой связи с предложением (5). Предложение (5) связано непосредственно со своим предложением-партнером (6). Связь между ними также имеет направленность слева направо, обусловленную формами способа действия глагола в предложениях (5) и (6). В предложении (5) глагол представлен в форме способа действия, выражающего завершенность и активность производителя действия. В предложении (6) глагол представлен в форме на *-tur*, также свидетельствующей об активности субъекта действия. Связь между предложениями-партнерами (7) и (8) осуществляется формами, выражающими способы глагольного действия. Малая степень активности субъекта, выраженная глагольной формой на *-yl* в предложении (7), прогнозирует форму на *-us* в предложении (8), выражающую способ глагольного действия со значением ингрессивности⁷.

Таким образом, рассматривая весь текст, можно установить отношения линейной последовательности, при рассмотрении которой исследователи исходят из релевантной синтаксической позиции предложения в тексте⁸ и связывают позицию предложения с коммуникативным содержанием текста. Для чулымско-тюркского языка, как видно из материала, отношения линейной последовательности теснейшим образом связаны с формой способа действия.

До сих пор говорилось только лишь об отношениях между предложениями-партнерами в пределах целого текста и о способах связи в рамках сверхфразового единства.

При использовании такого способа синтаксической связи, как примыкание, важной проблемой является установление средств подчинительной связи.

Способы выражения синтаксических отношений подчинения в чулымско-тюркском языке, использующем, как правило, примыкание, различны. К ним следует отнести соотношение форм времени и способов действия между предложениями-партнерами. Так, в предложениях (7) и

⁶ Об этом термине см.: H. Isenberg, *Texttheorie und Gegenstand der Grammatik*. — «Linguistische Studien», III. Berlin, 1974.

⁷ Подробнее о способах глагольного действия в чулымско-тюркском языке см.: Р. М. Бирюкович. Семантика и формы выражения способов глагольного действия в чулымско-тюркском языке. — «Советская тюркология», 1980, № 1.

⁸ E. Wittmers. Über das Modell einer allgemeinen Grundstruktur des Textes als Mittel zur Erfassung spezifischer Textgesetzmäßigkeiten, erläutert am Beispiel der Ellipse. — «Textlinguistik I», Dresden, 1970.

(8) средством выражения противительной связи («Белый хан заговорил, но поперхнулся») является использование формы на *-ys* в предложении (8), предсказывающем форму на *-yl* в предложении (7). Форма *čattigi-piskän* не могла бы следовать за формой на *-tur* (*ajduptyr*), так как она обозначает действие, активно совершаемое субъектом-агентом.

Предшествование, например, выражено соположением предложений (13) и (14), одно из которых является прямой речью без каких-либо вводных слов. И только местоимение 1-го лица показывает, что предложение (14) передает прямую речь. Вводится же прямая речь в данном случае формой глагольного действия на *-ys* в предложении-партнере (13). Форма на *-ys*, заключающая в себе смысл начинание и завершенность (то есть ингрессивность), предполагает ситуацию, при которой коммуниканты произнесли фразу *piske tɣalašarɣa gägäk* 'Нам породниться надо', когда начали засыпать (*qo:puryshannag*), то есть перед тем как заснули.

Причинно-следственные отношения выражены средствами лексического повтора, например, в предложении (18). Отношения условия выражены бессоюзным соединением двух простых предложений в одно сложное, при этом показатель условного наклонения *-sa* выступает связующим средством, то есть здесь используется морфологический способ выражения подчинительной связи. Благодаря частице *da*, являющейся средством выражения сочинительной связи, предложение (20) сигнализирует о наличии этой связи между предложениями (21) и (22).

Индикаторами смысловой и структурной межфразовой связи в чулымско-тюркском языке являются широко используемые слова *ämdä* 'теперь', 'затем', *paɣaq* 'опять', 'снова', *azonda* 'затем' с временными значениями моментов отсчета времени и предполагающие дальнейшее развитие какого-либо события. Приведем отрывок из фольклорного текста: *ämdä to:ɣus čajyqɥ ödüp šyqqa:m. to:ɣus čajyqɥ šyqtym. ämdä qara:ɣum körüngän čärgə päre:dym. ol paɣam. ma: toɣaşqan a:lyp. ämdä ol toɣaşyp ma: ajthan. me:ne čanarɣa ajthan. ämdä čany:bylmän. mastynybylmän. ör be qaş py mastynybylmän. äpke čedebelmän. äpke če:dep kerge:m. äpke kerge:m kemde čöyl. ämdä be:ɣem ärtep pardy.* 'Затем девять болот пройдя, вышла. К показавшейся земле пошла. Так (в том направлении) пошла. Мне повстречалась таёжная волшебница. Повстречавшись, сказала мне. Мне сказала возвращаться. Тогда возвращаюсь. С печалью пою (я). Долго ли, коротко ли с печалью пою. Домой возвращаюсь. Дома достигнув, вошла. Домой вошла — никого нет. Так (и) прожила (свой) век'.

Текстообразующая роль вышеуказанного слова *ämdä* в этом отрывке видна со всей очевидностью. Кроме того, использованы дейктические элементы: личные и указательные местоимения. Очень четко выражена структурная связь, осуществляемая лексическими повторами и грамматическими средствами анафоры. В рамках приведенного сверхфразового единства наблюдается синтаксический параллелизм, заключающийся в построении цепочки предложений, повторяющих одну и ту же синтаксическую модель.

Очень часто в разговорной речи межфразовые связи, не имеющие внешних средств выражения, основываются на логических отношениях: *maty:zy sa:tyshan qysta:rynang äptä tätä:zi tärzä žanda eskän satty:ryn, ol angnal tämnängän nönä olar satyštɣr* 'Мать разговаривала со своими дочерьми в доме, (а) отец слушал у окна разговор, (и) пытался понять, о чём они говорили (отношения сочинения и подчинения); *män luɣublum pər. čas qyrda, körüblüm kičäč o:l tusvara:d'i ruša* 'Я стою уже целый час на берегу, вижу, (что) маленький мальчик спускается на лед' (отношение подчинения — выражена объектная связь); *pün mən čorop ra-*

γam, köp istänge:m 'Сегодня я устал, (так как) много работал' (отношение подчинения — выражена причинная связь); mǎn kälge:m ol sa:n qayas. '(Когда) я пришел, он читал книгу' (отношение подчинения — выражена временная связь).

Бессоюзное присоединение простых предложений для выражения различных типов синтаксических отношений характерно не только для фольклорного жанра, но и для современной разговорной речи.

Ниже даются два варианта⁹ ответа на вопрос: как готовится хлеб.

1. qartorqa ara qulanaq sa:hyl, azonda talγan pulγabył. ara sa:był, qo:s salγan, andyn testo açyp parγan. ämdä ärtän turup ol testene talγan sa:p pulγadym. ämdä mǎn a:ny itpāk e:tim. ämdä päcke suγubył-mǎn. ol itpāk pyš pardy. ol itpākti pis či:belbis. 'В картошку хмель кладется, затем мука мешается. Вода (во внутрь) вливается (кладется). Ставится (тесто). От этого (всего) тесто скисает. Затем утром встав, в это тесто муку положив, мешаю. После этого из него хлеб делаю. Затем в печку кладу. (Когда) хлеб поспел, мы его едим'.

2. suγ ur salodym. tus sap salodym.¹⁰ talγan sa:p açyt salodym. ärtän tursam, talγan älgāp qumasla tyq salodym. azonda o:duŋga kirep, päč töplāp sodym. päč täplāp salsam peže ärtāp parza, köp sa:p itve:gen qatajlap sa:p, päčkä tastap sodym. azonda saslonga a:p salodym. per čas itve:ge çadody, azonda apsalodym. 'Воду наливаю. Соль кладу, муку положив, квашу. Когда утром встану, муку просеив, делаю хлебцы. Затем дрова принеся, печь растапливаю. Печь растопив, когда печь разгорится, уголь собрав, хлеб раскатав, в печь бросаю. Затем заслонкой закрываю. Один час хлеб лежит. Затем вынимаю'.

И в этих текстах способы выражения межфразовых связей те же: лексические (ämdä 'затем', azonda 'потом', 'затем') и грамматические (форма условного наклонения и формы, выражающие определенные способы действия). Кроме того, примечательна широко распространенная в чулымско-тюркском языке особенность, характерная и для других языков, — употребление деепричастных форм для выражения цепочки последовательных действий в рамках простого предложения. Это положение в следующем примере нашло особенно наглядное проявление: çip sa:dyp a:p, rü paylap, quγuq metra paylap sa:p, azonda çato:zyn qattap sa:p, uthun a:p so:dubys 'Нитки купив, сеть связав, сорок метров связав, затем верхнюю часть собрав, на веревку надеваем'.

Таким образом, примыкание, по существу универсальное средство выражения различных синтаксических отношений в чулымско-тюркском языке, проявляется в рамках сверхфразового единства. Отсутствие формальных средств, предназначенных для выражения межфразовых связей, восполняется целым набором языковых средств (лексических и морфологических), которые и создают синтаксическую архитектуру текста. Отсюда следует, что примыкание не препятствует осуществлению коммуникативной функции языка и в течение многих веков остается основным синтаксическим средством соединения предложений в чулымско-тюркском языке.

Объединение простых предложений в одно сложное первоначально происходило путем простого примыкания, сочинения предложений. Со-

⁹ Первый текст — образец тутальского говора, второй — мелетского говора среднечулымского диалекта.

¹⁰ Текст записан у информанта Татынкиной Насти Дмитриевны (село Пасечное), в речи которой зафиксирован звук *a>o* в формах настоящего времени на *-ady* (saladym > salodym) и в аффиксе множественного числа в форме категории принадлежности (qarandastä:rym > qarandasto:rym).

чиненные предложения в тюркских языках развивались из сложения простых предложений с сохранением их грамматической самостоятельности.

Соединение двух простых предложений в целях выражения подчинительных отношений¹¹ происходило на базе языковых средств, свойственных тюркским языкам. Развита система глагольных именных форм в тюркских языках способствовала развитию масдарных, причастных и деепричастных конструкций.¹²

Второе столетие в тюркологической литературе идет спор относительно этих конструкций.

Одна группа тюркологов рассматривает все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции как придаточные предложения только на том основании, что и те и другие имеют одинаковый смысл. Эта точка зрения, имеющая довольно давнюю традицию, основана на чисто логическом подходе к природе тюркских синтаксических явлений.

Другая группа тюркологов относит к придаточным предложениям только конструкции со своим подлежащим.

Достаточное распространение нашла точка зрения, согласно которой решающим критерием при определении придаточного предложения является наличие сказуемого в личной форме. Ее сторонники все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции относят к составу простого предложения, рассматривая их как обороты, выполняющие функцию развернутых членов предложения¹³.

Разделяя последнюю точку зрения, обратимся к материалу чулымско-тюркского языка, для синтаксиса которого наряду с обычными простыми предложениями характерны также простые предложения, осложненные причастными конструкциями¹⁴.

Конструкция с формирующим членом на -*gan* выражает объектные, атрибутивные и обстоятельственные отношения.

При выражении объектных отношений используется конструкция, состоящая из причастия на -*gan* с аффиксом винительного падежа и существительного в основном падеже или местоимения в именительном падеже, обозначающего субъект действия: (1) *kiži moƣalaq täptepeskanni körgen* 'Человек видел, как бежал медведь'; *me:ng oj tätäm olar sataşapnu e:žitkän*. 'Мой отчим слышал, как они разговаривали'.

Атрибутивные отношения выражаются конструкцией, состоящей из определения в форме причастия на -*gan* и определяемого, выраженного местоимением в именительном падеже или существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица, обозначающего, субъект действия: (2) *pis olar üç kün iste:n moƣalaqtu atqabys* 'Мы застрелили медведя, за которым они охотились три дня', или *pis aƣa:zu üç kün iste:n moƣalaqtu atqabys* 'Мы застрелили медведя, за которым его отец охотился три дня'.

¹¹ Подробнее об этом см.: Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 207—237. Согласно другой точке зрения, сложные предложения подчинительного типа образовывались путем усложнения простого предложения на почве развития его отдельной части; см., например: Э. В. Севортян. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», М., ч. III, 1961, стр. 126.

¹² Там же, стр. 128; В. Г. Гусев. О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1977, № 5, стр. 41.

¹³ См.: Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 243; (Ср. контраргументы: А. А. Юлдашев. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, стр. 209—210).

¹⁴ Масдарных конструкций в чулымско-тюркском языке нет, поскольку отсутствует такой класс слов, как имя действия. Деепричастные конструкции фактически также не встречаются.

Обстоятельственные отношения могут быть выражены:

а) Причастием на *-gan* с аффиксом дательно-направительного падежа и существительным в основном падеже или местоимением в именительном падеже. В этом случае конструкция выступает в функции обстоятельства причины: *oɣlanɲar ärtä polıanɲa pol çınuqıbus* 'Так как дети дома, мы пол мыть не будем' (досл.: 'Из-за пребывания детей дома мы пол мыть не будем').

б) Причастием на *-gan* с аффиксом местного падежа; способы выражения субъекта те же, что и в конструкциях под пунктом (а): *aɣaıt terek polıanda pis e:ben röğünbebes* 'Когда отец был жив, мы не заботились о доме'. Выражает данная конструкция временное значение.

в) Причастием на *-gan* с аффиксом родительного падежа и послелога *ıñın*; форма выражения субъекта действия аналогична формам предыдущих конструкций: *Ol'ga syqtaptarganınyı ıñın pis a:ny albuqıbus* 'Так как Ольга плачет, мы ее не возьмем' (досл.: 'Из-за Ольгиного плача мы ее не возьмём').

г) Причастием на *-gan* с аффиксом *-ça/ña*; субъект действия выражается существительным в основном падеже непряжательного или притяжательного склонения, а также местоимением в именительном падеже: *palä:zy ärtä alğanña içe:ze ärtä kör ist:en* 'Мать дома много работала, пока сын не женился'. Эта конструкция также выражает временное значение (предел во времени).

Конструкция с формирующим членом на *-ıyq* выражает атрибутивные отношения и состоит из причастия будущего времени на *-ıyq* и относящегося к нему в качестве определяемого субъекта действия, выраженного местоимением в именительном падеже или существительным с аффиксом принадлежности 3-го лица: *palä:zy çurıyq är ayaç ağa:zynda tırubul* 'Дом, в котором будет жить (его) сын, стоит в лесу'.

Конструкция с формирующим членом на *-galaq*, состоящая из причастия еще не совершившегося действия, выражает временную соотнесенность действия с другим действием: *qarçarım da ätkälekem açuı qagındä:žum kälğän* 'Не успела я сделать и половины дел, пришел мой двоюродный брат'.

Н. А. Баскаков, анализируя масдарные, причастные и деепричастные конструкции в тюркских языках, показал, что они представляют собой особый тип определительных словосочетаний,¹⁵ с чем нельзя не согласиться. Однако, видимо, отсутствие достаточных и убедительных доказательств этого служит причиной того, что исследователи, вновь обращающиеся к данной проблеме, рассматриваемые конструкции нередко толкуют как придаточные предложения¹⁶.

Разделяя мнение о том, что данные конструкции являются оборотами в рамках простого предложения, представляющими собой определительные словосочетания, попытаемся доказать это.

Ученые, рассматривающие данные конструкции как придаточные, предполагают наличие во включающих их предложениях двух предикаций¹⁷. Это, возможно, верно на уровне логического анализа, но не на

¹⁵ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 204—206, 244.

¹⁶ См., например, интересную работу М. И. Черемисиной, появившуюся значительно позже указанной работы Н. А. Баскакова: М. И. Черемисина. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979.

¹⁷ В. М. Насилов именует неличные конструкции подобного типа предикативным компонентом подчиненного комплекса в сложном предложении; см. В. М. Насилов. Глагольные имена в их развитии в тюркских языках. — «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 66. См. также, например, о двух типах предикаций — независимой и зависимой: М. И. Черемисина. Указ. раб., стр. 20—30; М. З. Закиев. О некоторых признаках предикативности в конструкциях рассматриваемого типа. — В кн.: «Современный татарский литературный язык. Синтаксис», М., 1971, стр. 171.

уровне синтаксических отношений¹⁸. Рассмотрим предложение *pis körgebes moʻyalaq täptepeskänni* 'Мы видели, как медведь бежал' (досл.: 'Мы видели бег медведя'), в котором действительно две пропозиции¹⁹, однако они объединены единым событием, и на синтаксическом уровне (в предложении) обозначают одну ситуацию. В данном случае выражается ситуация восприятия, предполагающая воспринимающий субъект (мы), воспринимаемый объект (бегущий медведь) и акт восприятия. Наличие же здесь двух предикаций можно установить только в случае расчленения данного предложения на два самостоятельных, где каждое из них обозначает отдельное событие: *pis körgebes* 'Мы видели' и *moʻyalaq täptepeskän* 'Медведь бежал'. Именно подобный способ — соположение простых предложений — характерен для чулымско-тюркского языка. Предложение же *pis körgebes moʻyalaq täptepeskänni* 'Мы видели медведя бег' обозначает одно событие, хотя и содержит две пропозиции.

Здесь сказывается тенденция языка — сохранять простые предложения, используя возможности агглютинативного строя²⁰.

Объединение простых предложений осуществлялось посредством трансформаций, основывающихся на закономерностях образования структуры тюркского предложения. Согласно этим закономерностям, структура тюркского предложения избегает наличия двух самостоятельных форм *verbum finitum*, что объясняется чрезвычайно богатой системой глагольных имен, присущей тюркским языкам.

Рассмотрим причастную конструкцию *moʻyalaq täptepeskänni*. Думается, ее нельзя считать придаточным предложением, поскольку в ней отсутствует основа предикативности (выражение отношения между предметом и приписываемым ему признаком). Позицию объекта в структурной схеме предложения заполняет причастная форма в винительном падеже, и это, на наш взгляд, убедительное доказательство того, что обозначаемое данной формой явление действительности включается в класс предметных понятий. Вряд ли правомерно говорить о склонении предложений, предикативном склонении, как это иногда делается в литературе²¹. Рассматривая специфику причастий, употребленных с падежными аффиксами, Е. И. Убратова справедливо отмечает: «Падежные формы причастий в безличном и лично-притяжательном склонении резко отличаются от падежных форм имен существительных»²². Это различие обусловлено тем, что существительные, называющие предмет, указывают на его предметно-пространственные отношения, в то время как причастия, являющиеся эквивалентом предложения, обозначают события (ситуации, положение дел). «Область семантики, расположенная в плоскости предметно-пространственных отношений, — пишет Н. Д. Арутюнова, — противостоит пропозитивной семантической сфере.

¹⁸ Ср. замечание А. М. Щербака: «Многие предложения с оборотами и развернутыми сочетаниями с точки зрения содержания являются сложными, однако в плане выражения они простые» (см. А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 2—19).

¹⁹ Под пропозицией обычно понимается вневременной набор отношений между объектами, лежащий в основе описываемого факта. Различный подход к понятию пропозиции см.: Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976, стр. 21—38. Автор имеет в виду два факта, основу которых составляет отношение атрибута (в широком смысле) к предмету.

²⁰ Б. А. Серебренников. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — В кн.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965, стр. 16.

²¹ М. И. Черемисина. Указ. раб., стр. 39 (со ссылкой на Е. И. Убратову).

²² Е. И. Убратова. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение, кн. 1. Новосибирск, 1976, стр. 135.

организуемой осью времени»²³. Будучи снабженным падежным аффиксом, причастие переходит в класс имен с пропозитивным значением (восходящим к семантике предложения)²⁴. Речь, следовательно, идет об имени с семантикой предложения.

Форма *moʻyalaq*, выраженная существительным в основном падеже, наводит исследователей на мысль, что это самостоятельное подлежащее, между тем элементы *moʻyalaq* и *täptepeskänni* характеризуются отношениями определяющего и определяемого, что подтверждается возможностью трансформаций данного предложения: *pis moʻyalaqlıng täptepeskänni körgebes* (досл. 'Мы медведя «бежание» видели'), где форма родительного падежа *moʻyalaqlıng* говорит о функции определения. Использование форм в основном падеже в роли определения — явление, как известно, весьма распространенное в тюркских языках.

Причастная конструкция с именем (традиционно рассматриваемым как подлежащее) в роли определения обозначает некоторый фрагмент действительности, некое событие, протекающее во времени (поскольку причастие выражает динамический или процессуальный признак предмета)²⁵. И поэтому причастный оборот выглядит как свернутая пропозиция. Это дает основание видеть в причастных конструкциях придаточные предложения. Правда, Э. А. Грунина, стремясь более осторожно подойти к решению вопроса, говорит о необходимости различать в подобных случаях придаточные предложения и атрибутивные словосочетания.²⁶ Для сравнения ею приводятся две причастные конструкции в узбекском языке: *Буллар орасида Ризо севган Мехрибон бор эди* 'Среди них была Мехрибон, которую любил Ризо' и *Рассомлик унинг севган машғулоти-дир* 'Живопись — его любимое занятие (занятие, которое он любит)'.

Причастную конструкцию во втором предложении Э. А. Грунина относит к атрибутивным словосочетаниям, а в первом — (*Ризо севган*) — к придаточным предложениям. по двум причинам: 1) сочетание *Ризо севган* может быть изъято без нарушения структурной и смысловой целостности предложения; 2) нарушен порядок в законе следования «определение — определяемое». Поскольку в конструкции наблюдается иная последовательность, то здесь выступает, согласно Э. А. Груниной, предикативное сочетание. Необходимо заметить, что сочетание *Ризо севган* действительно можно вычленить, но функционировать как предикативная единица оно не сможет, так как теснейшим образом связано с определяемым словом *Мехрибон*, причем отношения между ними достаточно сложные. С одной стороны, признак, выраженный причастной формой, приписывается понятию, выраженному существительным *Ризо*, а это позволяет констатировать наличие отдельной пропозиции (но не предложения). С другой стороны, этот признак непосредственно связан с предметным понятием, выраженным существительным *Мехрибон*, и соотносится с ним, ограничивая предметное понятие.

Эти сложные отношения между предметами и признаковым понятием представлены, однако, как единая ситуация с семантическими актантами субъекта и объекта. На поверхностном уровне причастная форма позволяет представить некий фрагмент действительности в виде

²³ Н. Д. Арутюнова. Указ. раб., стр. 78.

²⁴ Там же, стр. 70.

²⁵ Н. А. Баскаков. О классификации причастий в тюркском языке. — «Вопросы языкознания», 1959, № 5.

²⁶ Э. А. Грунина. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», М., 1961, ч. IV, стр. 140—141.

одной целостной ситуации, хотя в содержании высказывания можно выделить две пропозиции, то есть данное содержание представить как две ситуации, обозначенные двумя предложениями: «Была Мехрибон» и «Ризо любил». Однако данная причастная конструкция (*Ризо севган*) служит для обозначения атрибута одного из предикатных предметов и, следовательно, причастная конструкция используется для того, чтобы избежать двух предложений.

Именно потому, что причастная конструкция выступает в роли атрибута, а не в роли актанта (предикатного предмета), причастия в подобных конструкциях не склоняются. (Ср. чул.-тюрк. *olar pis üc kün iste:n moʻalaaqʻu atqan* 'Они застрелили медведя, которого мы выслеживали три дня'; *palā:zu čirtuq ār...* 'дом, в котором будет жить сын...').

Употребление субъекта при действии, выраженном причастием, связано, по-видимому, с выражением (точнее невыраженностью) залоговых отношений²⁷.

С. Н. Иванов отмечает, что форма на *-gan* может выступать в качестве определения, не принимая никаких специальных залоговых показателей, и что в большей части образующихся при этом определительных словосочетаний значение залога в данной форме вообще не может быть установлено²⁸. Поскольку в причастной форме в конструкциях рассматриваемого типа залоговые отношения не выражены, то для того, чтобы обозначить воздействие на предмет (выступающий в функции определяемого) вводится со стороны субъект действия, выраженный причастием. (Ср. приведенные выше примеры: узб. *Ризо севган Мехрибон*; чул.-тюрк. *palā:zu čirtik ār, üc kün iste:n moʻalaaqʻu*).

Предложения, содержащие причастные конструкции, выступающие в функции обстоятельства с различного рода временными значениями, соотносятся с двумя пропозициями, обозначая два события, связанные временными отношениями. На синтаксическом уровне признак, приписываемый предмету, выражен именем (глагольным), причем в причастных конструкциях причастие принимает падежные аффиксы. Это ясно и четко указывает на то, что хотя причастия и являются формой глагола, однако они представляют обозначаемое явление не как событие, а как предметное понятие, охарактеризованное временем, выступая как событийные имена. Это обуславливает слияние двух пропозиций в одно предложение, что позволяет говорить о явлении синтаксической компрессии. Например, предложение *olar kalgändä pis čomaq yshabys* 'Когда они пришли, мы рассказывали сказки' более точно обозначает: 'При их приходе (прихождении) мы сказки рассказывали'. Слово «приход» («прихождение») не обозначает предмета, но оформляет выраженное понятие как предметное, как разряд событийных имен, в котором событие обозначается нерасчлененно; поэтому и нельзя обнаружить в причастной конструкции предикативные отношения. Так называемые самостоятельные подлежащие в причастных конструкциях по существу не являются подлежащими. К мысли о том, что субъект действия, выраженного причастием, является подлежащим, приводит исследователей форма существительного (основной падеж) или местоимения (именительный па-

²⁷ Вопрос о категории залога формы на *-gan* подробно рассмотрен С. Н. Ивановым, см.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-gan* и ее производные) Л., 1959.

²⁸ С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 65. Другую точку зрения высказывает Э. А. Грунина, см. Э. А. Грунина. Указ. раб., стр. 145—146.

деж). Здесь явно сказывается влияние европейской грамматики. В тюркских же причастных конструкциях формы в основном падеже (или именительном) выступают в качестве определений к имени предмета, выраженного причастной формой.

Как было показано выше, *moƣalaq täp̄tepeckänni* трансформируется в *moƣalaqtyng täp̄tepeckänni*, *olar satařhanny>olarnyng satařhanny*, *oƣlannar äptä poƣyanga>oƣlannarnyng äptä poƣyanya*, *olga syqtaptarƣan ücün>olganynğ syqtaptarƣannyng ücün*.

Следовательно, в причастных конструкциях между именем существительным в основном падеже (или местоимением в именительном падеже) и причастием существуют отношения определения и определяемого. Хотя указанные трансформации и вполне возможны, в языковой норме закреплены формы существительных в основном и местоимений в именительном падежах. Такое положение обусловлено историческим развитием тюркских языков, в которых на раннем этапе для обозначения атрибутивных отношений использовался безаффиксный способ примыкания двух имен.

Примыкание первого существительного в атрибутивных сочетаниях сохранилось и в современных тюркских языках в изафетах I и II.

В современных тюркских языках изафет широко используется как способ связи слов в предложении при сочетании определения и определяемого. В якутском языке он является также средством выражения подчинительных отношений в сложноподчиненном предложении. Ср. *Мин суруйбут кипим* 'Мой написавший человек — человек, которому (про которого) я написал'. В кумыкском языке вообще трудно провести смысловое разграничение между изафетами I и II. Для кумыкского языка изафет I наиболее типичен. Имеются факты, свидетельствующие о том, что второй тип изафета выступает в значениях, более свойственных первому типу²⁹. Однако эти случаи отражают своеобразие употребления изафета лишь в отдельных тюркских языках. В общетюркском масштабе в процессе конкуренции трех типов изафета победу одерживает первый как наиболее удобный для выражения отношений между словами с помощью одних синтаксических средств.

Что касается падежных форм, то в некоторых тюркских языках они, возможно, являются факультативными грамматическими средствами экспликации связей³⁰.

Кроме имени в форме основного падежа, субъект действия в причастных конструкциях обозначается иногда именем в форме родительного падежа; например, чул.-тюрк. *a:nyng kilgenen*, *ol pilibil* 'Он знает, что он придет (Он знает о его приходе)'. Все сказанное выше свидетельствует о том, что имя существительное или местоимение в причастных конструкциях не являются подлежащими, хотя обозначаемые ими предметы на семантическом уровне могут быть субъектом действия.

Что касается конструкции на *-gança*, то в ней субъект действия выражен местоимением в именительном падеже или существительным в основном падеже в силу норм, обусловленных развитием языка. Хотя

²⁹ Подробнее об этом см.: Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 108—118.

³⁰ В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — «Советская тюркология», 1981, № 3, стр. 30; В. Г. Гузев. О функциональных особенностях родительного и винительного падежей в старобалхашско-тюркском языке. — «Востоковедение. 5. Ученые записки ЛГУ», № 383. Серия востоковедческих наук, вып. 18, стр. 8—12; Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. II. Саратов, 1981, стр. 118.

эта конструкция в чулымско-тюркском языке не поддается преобразованию в атрибутивную, данные других языков свидетельствуют о том, что само причастие в некоторых тюркских языках принимает аффиксы принадлежности. Например,³¹ *хак... пеер читкенімча, угрем сооп парча* 'Пока я сюда добираюсь, суп успевает остыть', казах. *Мен телефонга жаткенімше, шылдырлаганы басылды* 'Пока я подходила к телефону, звонки прекратились' (точнее: 'Звонки прекратились во время моего подхода к телефону'). Таким образом, налицо простые предложения с синтаксической компрессией, выражающие временную соотнесенность двух событий.

В конструкции с формирующим членом на *-galaq* для выражения субъекта действия наравне с существительными в основном падеже и местоимением в именительном падеже употребляется и местоимение в родительном падеже, что является доказательством определительных, а не предикативных отношений между элементами причастной конструкции; к тому же следует учесть, что причастие принимает падежные аффиксы (аффиксы местного падежа), демонстрируя тем самым принадлежность к классу имен; например: *se:ng kälgelektä män a:nu pilge:m* 'Когда ты еще не пришел, я (уже) знал об этом' (досл. 'При твоём еще «неприходе» я уже знал об этом').

Мы не касаемся здесь деепричастных и масдарных конструкций, с относящимися к ним именами, обозначающими субъект действия, отличный от такового, выраженного глаголом-сказуемым, так как в чулымско-тюркском языке, как было указано выше, деепричастные конструкции подобного рода практически не встречаются.

При этом следует иметь в виду факт отсутствия в деепричастиях категории времени. Деепричастная конструкция, обладая пропозитивным значением, характеризуется осью времени, проходящей через другое действие, выраженное глаголом-сказуемым, однако эту конструкцию нельзя отнести к придаточному предложению, поскольку деепричастие, как часть речи, лишённая категории времени, не может стать элементом предикативной конструкции, обозначающей событие.

Итак, древнее состояние тюркских языков, характеризовавшееся господством простого предложения, сохранилось и в современных тюркских языках. Ярким примером этого может служить синтаксис чулымско-тюркского языка, в котором преобладают простые предложения, а синтаксические отношения сочинения и подчинения осуществляются способом примыкания. Примыкание как основной прием пронизывает всю синтаксическую структуру тюркских языков, передавая самые разнообразные нюансы сочинительных и подчинительных отношений на уровне всех синтаксических единиц — от словосочетания до сложного целого. Таким образом, примыкание как основной прием выражения синтаксических отношений является универсалией, характеризующей синтаксическую структуру языков различной типологии. Это не только тюркские, но и, например, индоевропейские языки³². Однако, при универсальности самого приема, его удельный вес различен. В тюркских языках способ примыкания объясняет системно связанные синтаксические явления. Отсутствие литературного языка и обусловленное этим господство разговорного стиля речи явилось причиной преобладания в чулымско-тюркском языке способа примыкания, корнями уходящего в глубокую древность. Этим объясняется сохранение в чулымско-тюрк-

³¹ Примеры даются по работе М. И. Черемисниной, см. М. И. Черемисина. Указ. раб., стр. 56.

³² См.: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 363, 377 и др.; В. М. Жирмунский. Развитие строя немецкого языка. М.—Л., 1936, стр. 66—67.

ском языке древних особенностей синтаксического строя тюркских языков.

Механизм же функционирования древнейшего способа обозначения синтаксических связей — примыкания — вскрывается на уровне сверхфразового единства и целого текста и может быть понят с позиций грамматики текста.

В каждом языке, однако, существует известная тенденция к грамматическому совершенствованию — созданию для соответствующих значений специальных грамматических показателей. Проявлением этой тенденции и явился в тюркских языках способ так называемой трансформации, то есть известного преобразования одного предложения в целях выражения его подчинительного отношения к другому. При стягивании двух предложений в одно появляется необходимость логико-грамматической соотнесенности двух действий. Для обозначения одного из событий используется чрезвычайно широко развитая в тюркских языках система глагольных имен, обладающих событийной семантикой в силу присущего им значения процессуальности. В этом значении заключена возможность выражения его отдельной пропозицией. Однако на синтаксическом уровне признаковое понятие представляется как событийное имя, что и создает синтаксическую компрессию (конструкции с неличными формами), необходимую для организации целостного текста.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Т. А. КИЛЬДИБЕКОВА, В. П. ГУЩИНА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТЮРКИЗМОВ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ XVII—XVIII ВЕКОВ)

В пополнении словарного состава того или иного языка определенную роль, как известно, играют заимствования из родственных и неродственных языков, относящиеся к внешним средствам номинации, в отличие от внутренних языковых средств (словообразования, семантического переосмысления слов и т. д.).

В лексической системе русского языка значительное место занимают заимствования из тюркских или через посредство тюркских из других восточных языков (арабского, персидского и т. д.), объединяемые вследствие этого общим термином «тюркизмы»¹. Отмечая, что среди тюркизмов следует различать несколько пластов (слова «собственно тюркские» и заимствованные через тюркские языки), Н. К. Дмитриев указывает на возможность и недифференцированного подхода к их описанию: «Во всех тюркских языках есть большой процент арабских, персидских, а иногда и монгольских лексических элементов. Арабские и персидские термины относятся к области мусульманской религии, научной и административной терминологии. Все эти моменты строго различаются в тюркологических работах. Однако при исследовании Turco-Slavica подобная классификация признается излишней, так как все тюркизмы русского словаря, какова бы ни была их предыдущая история, попали в русский язык ближайшим образом из тюркских языков»².

Что касается путей заимствования тюркизмов русским языком, то, как указывает Э. В. Севортян, они были стабильными: проникновению тюркских слов в русский язык способствовали «экономические и культурные связи с ближайшими к русским тюркскими народами: печенегами, булгарами, хазарами, тюркскими племенами и народами Поволжья и Крыма, позднее тюркскими народами Сибири, Кавказа, Средней Азии и т. д.»³.

¹ Вслед за многими исследователями мы принимаем термин «тюркизм» также в широком понимании. Так, в наших материалах встречаются «собственно тюркизмы» (*аргамак, армяк, байберек, доломан, емурлук, епонча, камчуг, карандаш, ковер, кушак, лошадь, стакан, тебенек, толмач, чулки, штаны, яшми* и др.), слова, восходящие к арабскому (*атлас, кармазин, нашатырь, таз* и др.) или персидскому (*балахон, миткаль, нефть, обгяр, сафьян, тафта, чемадан, чердак* и др.) языку-источнику.

² Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: «Строй тюркских языков», М., 1962, стр. 515.

³ Э. В. Севортян. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера. — В кн.: «Лексикографический сборник», вып. V, М., 1962, стр. 21.

Тюркские лексические элементы в русском языке всегда были объектом внимания исследователей⁴. Однако до сих пор они изучались преимущественно в историко-этимологическом плане. Анализу подвергались также отдельные группы тюркизмов в составе тематических групп⁵.

Между тем исследование тюркизмов предполагает не только выявление перечня слов, входящих в те или иные тематические группы, но и описание их семантической эволюции в лексической системе русского языка⁶.

Цель данной статьи — проследить семантические процессы, связанные с вхождением тюркизмов в лексическую систему русского языка. Материалом для статьи послужили памятники письменности XVII—XVIII веков различных жанров и разной региональной характеристики. Использовались также материалы картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (КДРС).

Известно, что контакты русского и тюркских народов были продолжительными и многосторонними (политические, экономические, дипломатические, торговые и т. д. отношения)⁷. Особенно интенсивными они были в период монгольского нашествия (XIII—XV вв.), усилившего воздействие на русский язык «кипчакского тюркского языка — основного языка Золотой Орды». Таким образом, хронологические рамки заимствований весьма широки. Первые тюркизмы, судя по данным этимологических словарей и специальных исследований, относятся к начальным векам н. э. Верхняя граница проникновения тюркского лексического пласта определяется XVII веком — периодом становления русского национального языка. Именно в это время активность тюркизмов особенно усилилась и большинство из них прочно вошло в лексическую систему русского языка. Об этом свидетельствует, с одной стороны, их высокая частотность в текстах этого периода, а с другой — их семантическая активность в лексической системе русского языка, которая проявлялась в вытеснении отдельных исконных наименований тюркскими, в закреплении их в качестве доминант синонимических рядов или общих родовых названий и проникновении в различные сферы языка.

⁴ М. А. Казембек. Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков. — В кн.: «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», т. I, СПб., 1854; И. Н. Березин. Замечания о восточных словах в областном великорусском языке. — Там же; Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского). — «Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», т. 7, кн. 2, 1902; т. 8, кн. 4, 1903; П. М. Мелиоранский. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. — «Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», т. 10, кн. 4, 1905; К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979; И. Г. Добродомов. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). Автореф. канд. дисс., М., 1966 и др.

⁵ «Тюркизмы в восточнославянских языках». М., 1974; А. Жаримбетов. Тюркизмы в русских названиях растений. Авт. к. д., М., 1975; Д. С. Сегаров. Тюркизмы в русских названиях животного мира. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1971. Отдельные тюркизмы рассматриваются также в следующих работах: И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959; Г. Ф. Одинов. Из истории гипотетической лексики в русском языке. М., 1980 и т. д. Полный список тюркизмов приводится в «Словаре тюркизмов в русском языке» Е. Н. Шиповой (Алма-Ата, 1976).

⁶ Семантическое освоение отдельных тюркизмов рассматривается в работах: К. Р. Бабаев. Тюркизмы в лексико-семантической системе современного русского литературного языка. Автореф. канд. дисс., Горький, 1974; А. Д. Эфендиева. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI—XVII вв.). Кандид. диссертация, Л., 1975; диссертация написана в основном в историко-этимологическом плане.

⁷ См. об этом: А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982.

Для XVIII века характерен определенный спад активности тюркизов, что объясняется проникновением лексических заимствований из западноевропейских языков, под напором которых многие тюркизмы либо постепенно выходят из употребления, либо сфера их функционирования суживается. В качестве примера можно привести чрезвычайно активный в лексике русского языка XVII века тюркизм *чердак*, выражавший широкое недифференцированное значение, возникшее на базе исходного семантического признака в языке-источнике, — 'отгороженное место в верхней части строения' [*чардак* — 1) (Каг. Т.) 'верхний покой'; 2) (Кгм. Осм.) 'балкон'; 3) (Тел.) 'чердак'; 4) 'будка для сторожа' — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3, СПб., 1905, стр. 1869]. Данная лексема употреблялась в следующих значениях, объединенных указанным выше семантическим признаком: «отгороженное место наверху», «верхнее помещение над домом», «помещение, где собирались послы», «помещение на судне», «отгороженное помещение в театре», «отгороженное место на слонах», «разновидность царского трона»: «А хоромного строения горница на потклЕтЕ сЕни с чардаком и с чюланами»* (МДБП, 155); «По городу 2 башни с проЕзжими ворота 6 башень глухихъ всЕ с чердаками и крыты сосновой дранью» (Баг. мат. XXII, 66. КДРС); «Сшедчись с свейскими послы в обчем съезжем чердаке и витався, сели за особые столы» (РШЭО, 273); «Збито долой чердакъ котор[ой] был на кормЕ» (В—К II, 187); «180 Г. мая въ 10 день по указу великого государя... [т] дати ис приказу Галицкіе чети на обивку стЕнь и оконъ въ чердакахъ что на дворЕ боярина Ильи Даниловича Милославского, гдЕ быть комЕдіи, 12 положитинокъ ослымъ аршинъ суконъ анбурскихъ зеленыхъ» (Док. моск. театра. КДРС); «А въ дарехъ къ шаху шесть слоновъ, четыре съ чердаки, а два безъ чердаковъ» (Посольство Барятинского, 422. КДРС); «А црь приЕхавъ из божницы в полаты свои црские сядетъ на прстоль царское в чердакЕ одномъ болшомъ нареченномъ црьской чердакъ» (Основ. Царьгр., 772. КДРС) и т. д.

Позднее семантика тюркизма *чердак* суживается: «подсобное помещение между потолком и кровлей дома». Этому способствовало проникновение заимствований из западноевропейских языков, в частности слов *каюта*⁸, *беседка* и грецизма *трон*⁹.

Аналогичные процессы происходят и в тематической группе слов, обозначающих драгоценные камни, в которой тюркизмы *лал*, *яхонт* вытесняются западноевропейскими названиями *гранат*¹⁰ и *рубин*.

Проникновение тюркизов в лексику неадекватно отражается на структуре, а также на количественном составе словаря русского языка. Сложность процесса заимствования, вызывающего существенные изменения в принимающем языке, отмечает У. Вайнрайх: «Говорить о таких явлениях как о заимствовании, т. е. как простом дополнении к языковому инвентарю, было бы чрезмерным упрощением. Как пишет Фогт, „любое обогащение или обеднение системы неизбежно влечет за собой перестройку всех ее прежних различительных оппозиций. Допускать, что данный элемент просто добавляется к системе, принимающей его без каких-либо последствий для себя, разрушило бы само понятие системы”»¹¹.

* Здесь и далее буква «яъ» заменена заглавным «Е». (Примеч. ред.).

⁸ Слово *каюта* зафиксировано в источнике 1703 года; см.: Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, стр. 368.

⁹ См.: А. Д. Эфендиева. Указ. раб., стр. 167—168.

¹⁰ О. Д. Кузнецова. Гранат — драгоценный камень, цветом темно-красный. — «Русская речь», 1981, № 3, стр. 135—136.

¹¹ См. об этом: У. Вайнрайх. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979, стр. 22.

При анализе процесса заимствования необходимо иметь в виду два типа явлений. С одной стороны, при вхождении заимствованных слов в систему принимающего языка изменяются их семантическая и оценочная характеристики в результате сужения, расширения и переосмысления значений. С другой стороны, происходят существенные изменения в лексической системе и самого заимствующего языка: усиление тематической дифференциации, перестройка и видоизменение отношений между членами лексико-семантических групп, возникновение новых синонимических рядов и т. д.

Что касается первой группы явлений, то можно, видимо, отметить разные стадии в процессе вхождения лексических заимствований в систему русского языка. Первая стадия функционирования тюркизмов — это употребление их в качестве экзотизмов, когда заимствованное слово используется только для обозначения реалий, ранее неизвестных носителям русского языка. Вторая стадия характеризуется утратой заимствованием экзотической окраски и окончательным включением его в лексическую систему русского языка.

Так, например, тюркизм *аршин*, который фиксируется в памятниках русской письменности с конца XV в., первоначально имел экзотическую окраску, поскольку использовался только как мера для тканей, ввозимых через Турцию. Позднее (с середины XVI в.) эта лексема теряет свою экзотичность, начав употребляться для измерения тканей отечественного производства и как мера длины вообще¹²: «Да посилаю к тебе с Иваном четыре аршины доброго сукна на епанчу локот по три еоимка» (В—К III, 118); «Попраси млсти у батюшка своею чтобы пожалываль изволил купит поларшина парчи мие на касой чепецъ» (Ист., 55); «Другая пицаль длиною 3 аршина безъ полувершка» (ДАИ, X, 104).

Первоначально экзотической и социальной окраской характеризовались тюркизмы *зипун*, *кафтан*, *ковер*, *ковш*, *кушак*, *сафьян*, *стакан*, *тазик*, *чарка*, *чепрак*, *чердак*, *чулки*, *штаны* и многие другие, впоследствии утратившие ее.

Следует подчеркнуть, что заимствования приводят как к количественным, так и к качественным преобразованиям в словарном составе.

В силу экстралингвистических причин отдельные тематические разделы русской лексики пополнялись целыми группами тюркских слов.

На период становления русского национального языка приходится интенсификация торговли русского государства с восточными странами. Из Средней Азии ввозились ткани, из Турции — шелк и различные предметы одежды, из Крыма — различные ремесленные изделия, в том числе и скотоводческого хозяйства. Закупались восточные ковры, сафьян, драгоценные камни, в большом количестве лошади. Таким образом, уже в XVI веке азиатские товары были в широком ходу в русском государстве¹³.

Оживленные торговые связи с тюркскими народами не могли не сказаться на лексике русского языка. Вместе с новыми реалиями в русский язык целыми группами проникали тюркские слова. Примером такого группового вхождения тюркских слов являются названия тканей.

¹² Г. Я. Романова. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.

¹³ С. В. Бахрушин. Научные труды. I. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI—начала XVII в. М., 1952; А. Ф. Рихтер. Исследования о влиянии монголо-татар на Россию. — «Отечественные записки», ч. 22, М., 1825; Н. В. Устюгов. Научное наследие. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в русском государстве XVII в. М., 1974 и т. д.

В памятниках письменности XVII века широко распространены тюркские названия шелковых (*атлас, парча, тафта, алтабас, байбелек, дороги, зендень, камка, китайка, кутня, объяр*), хлопчатобумажных (*бязь, киндяк, кумач, миткаль, мухояр*) и шерстяных (*кармазин, сукманина*) тканей.

Тюркизмы — названия тканей, не конкурировали с исконными словами, а лишь количественно увеличивали тематические ряды слов. Подобная картина наблюдается и в других тематических рядах. Так, значительное количество тюркизмов можно отметить в рассматриваемый период в названиях драгоценных камней (*алмаз, изумруд, лал, яхонт, яшма*), в названиях одежды (*азям, армяк, балахон, доломан, емурлук, епанча, кафтан, сарафан, ферязь, чуга, штаны* и др.), в наименованиях, связанных с коневодством (*лошадь, аргамак, арчак, тебенек, хомут, чепрак*) и т. п.

Встречаются также единичные заимствования и в других сферах: *толмач* — в сфере дипломатической терминологии; *каюк* — в лексике судоходства; *нашатырь, камчуг* — в медицинской терминологии; *нефть, карандаш*¹⁴ — в горном деле и др.

Слова, входящие в перечисленные тематические группы, как правило, являются однозначными.

От тех случаев, когда слова проникают в заимствующий язык как наименования новых реалий, отсутствующих в его словаре, необходимо отличать тюркоязычные инновации, в известной степени дублирующие исконные термины. Особенность тюркизмов этой группы состоит в том, что они не тождественны исконным наименованиям, а вычленяют какой-то их дифференциальный признак. Таковы, например, тюркизмы *толмач* 'устный переводчик' наряду с исконным *переводчик*; *сеуницик* 'гонец, который приносит радостную весть' параллельно с исконным *гонец*¹⁵; *кушак* 'широкий пояс'¹⁶, наряду с исконным *пояс*; *кош* 'военный обоз' наряду с исконным *обоз*; *орда* 'тюркское войско' параллельно с исконным *войско*; *сакма* 'кочевая тропа' наряду с исконными *дорога, путь*¹⁷ и т. д.

Вхождение тюркизмов в определенные лексико-семантические группы способствовало стабилизации отношений между их членами. Примером может послужить тематическая группа названий лошадей, которая, как показывают специальные исследования, в древнерусский и старорусский периоды была очень подвижной и богатой. Так, например, в работе Г. Ф. Одинцова «Из истории гиппологической лексики в русском языке» проанализировано более пятидесяти названий лошадей; большинство из них к рассматриваемому периоду уже вышло из употребления. В XVII веке происходит стабилизация лексико-семантической группы названий лошадей, что привело к ограничению количества лексем. Словом-доминантой становится тюркское наименование *лошадь*, остальные члены ряда (*конь, кляча*) впоследствии стали выражать лишь дифференциальные признаки.

Аналогичные изменения произошли и в лексико-семантической группе *стадо, табун, отара*. В процессе развития языка под влиянием заимствований *табун, отара* наметилась дифференциация в употреблении этих тюркизмов и исконного существительного *стадо*: существительное *стадо*

¹⁴ В анализируемых памятниках данное слово имеет значение «минерал темного цвета, графит».

¹⁵ Тюркизм *сеуницик* выходит из употребления, вытесняясь заимствованием *курьер*.

¹⁶ П. Савваитов. Описание старинных утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896, стр. 70.

¹⁷ В данной лексико-семантической группе в XVIII веке начинает функционировать западноевропейское заимствование *тракт*.

стало использоваться в широком значении: «группа животных одного вида, содержащихся, пасущихся вместе», в отличие от лексем *табун* и *отара*, получивших дифференциальные признаки: *табун* — «стадо лошадей, сленей, верблюдов»; *отара* — «большое стадо овец».

Дифференциация в употреблении исконных и тюркских слов под влиянием заимствованных тюркизмов произошла и в синонимической группе слов *торг*, *базар*. Отглагольное существительное *торг*, кроме абстрактного значения «купля — продажа», имело и конкретное значение «место торговли». В XVII веке лексема *торг* в конкретном значении «место торговли» вытесняется тюркизмом *базар*. Таким образом, происходит сужение семантики этого исконного слова, чему способствует также заимствование из средневерхненемецкого языка слова *рынок*.

Приведенное выше показывает, что при заимствовании тюркских слов в лексике русского языка наблюдается следующая закономерность: большинство из них входит в лексико-семантическую систему русского языка с конкретным, узко определенным значением, в отдельных случаях даже как номинации актуализированных дифференциальных признаков.

С другой стороны, прослеживается и иная закономерность: тюркские лексические инновации закрепляются в русском языке как слова предельно широких значений. Одно и то же наименование какое-то время функционирует для обозначения нескольких денотатов, относящихся к различным сферам жизни. Это приводит к диффузности, к расширению семантики отдельных слов, когда стержнем многозначного слова оказывается не какое-то отдельное его значение, а те семантические элементы, которые оказываются общими для всех значений слова. Эта общность опирается на тождество материального знака, обуславливая взаимопроницаемость объединенных значений, в ряде случаев реального употребления слова, как бы незаметно переходящих друг в друга¹⁸.

Диффузность значения, свойственная определенной части словаря, особенно ярко проявляется при заимствовании. Выше мы говорили о семантической структуре лексемы *чердак*, для которой характерна широта, диффузность значения, основанная на общем семантическом признаке, пришедшем из языка-источника.

Аналогичные диффузные значения имеют место в тюркизмах: *амбар*, *товарищ*, *косяк*, *ковчег*, *сарай* и т. д.

Существительное *амбар* в рассматриваемый период характеризовалось широким смысловым объемом, что было обусловлено его прикрепленностью к различным функциональным сферам: оно обозначало «место для хранения хлеба, соли, разнообразных предметов быта (например, снастей)»; «строение для торговли и хранения товаров»; «постройку производственного назначения», а также «часть церковного помещения»: «И для товаров своих анбары наймут дорогою ценою» (РШЗО, 105); «Да два анбара а в них шестеры жернова на ходу со всею мелнишною снастью» (ДПВК, 48); «Призывали его Ивашку Нижегородцы посадские люди къ Николаю чудотворцу подъ паперть въ анбаръ» (ДАИ, X, 66); «Приказали мнѣ Василии Остаѣвичу было описат в Сереговском заводе в анбарех трубной желѣзной снасти і хлѣбъ скот і всякой заводъ» (Гр., 112); «Шесть еунтов для смаски селитры опыта десет топоров добрых да надобно засевальной анбар длиною семи сажен другие стены пяти сажен в крутильной анбар надобно на мостъ сто пятдесят досок еловых длиною трех сажен» (МДБП, 144). Как видим, тюркизм *амбар* обозна-

¹⁸ Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, стр. 79—80; см. также: Т. С. Коготкова. Русская диалектная лексикология. М., 1979, стр. 19.

чает реалии самого разного характера, использовавшиеся в быту, торговле и ремесле.

В XVIII веке, в период обильного притока в русский язык лексических инноваций с Запада, происходит процесс семантической дифференциации номинативных средств языка. В частности, в употребление входит целый ряд слов, конкурирующих с лексемой *амбар* в соответствующих функциональных сферах, что приводит к сужению ее смысловой структуры до узко бытовой семантики. Как обозначение «места для хранения товаров» начинают употребляться заимствования из западных языков — *депо*¹⁹, *магазин*²⁰, *пакгауз*²¹, *цейхауз* (*цейхауз*)²²: «Ружье, которое купцы имЕют на пЪродажу, держать им за их печатью в магазЕинах, а не въ домах, и никому не продавать, кромЕ развЕ на наше войско» (ПБ Петра В, XII, 253); «Во время отаки сего города от швецкого губернатора выдано ис королевского цекхоуса здешним обывателем немалое число ружья ж» (ПБ Петра В, XII, 256).

Конкурентом тюркизма *амбар* в значении «производственная постройка» в рассматриваемый период становится заимствование из средневерхненемецкого языка *цех*, которое постепенно вытесняет тюркское наименование. В XVIII веке начинает также употребляться слово *фабрика*, имеющее близкую к лексеме *амбар* сферу функционирования. В «Памятниках Московской деловой письменности XVIII в.» (М., 1981) отмечаются следующие контекстные реализации слова *фабрика*: «шапная фабрика», «полотняная фабрика», «лентошная фабрика», «суконная фабрика», «шелковая фабрика» и т. д.

Широкой функциональной сферой характеризуется тюркизм *товарищ*, обозначавший представителей различных социальных слоев, компаньонов в каких-либо делах, а также соратников, друзей, приятелей. О широте функционирования существительного *товарищ* свидетельствует многочисленность его контекстуальных употреблений: «дети боярские с товарищи», «атаман с товарищи», «ногайские мурзы и их аталыки с своими товарищи», «твой радетель, товарищ и друг» и т. д.

Как показывают примеры, существительное *товарищи* обозначает людей, связанных различными отношениями, в том числе и производственными: «Асаднай голова Прокозеи Михайлович Шишкин взяв с собою абаполных людей добрых и приехов в Воронежская уездъ в Минину Струкова с товарищи пустош в помЕсною и смета по их дачем землю и всякая угодя и за их дачеми лишнюю землю и всякая угодя отделил в помЕстье воронежцам» (ПЮВН, 67).

На основе анализа текстов можно заключить, что в XVII веке отмечались лакуны, пустые звенья, в семантическом пространстве, включающем наименования совокупности лиц по различным признакам. Из слов с собирательным значением употреблялись только лексемы *артель* и *ватага*, называвшие «совокупность людей, связанных общим промыслом». Видимо, высокая частотность тюркизма *товарищи* в какой-то сте-

¹⁹ Слово *депо* в XVIII веке употреблялось как название «места хранения военных припасов, вооружения», в конце XVIII — начале XIX века оно выходит за рамки военной сферы и начинает функционировать в значении «склад, место хранения чего-либо», см.: Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Указ. раб., стр. 118.

²⁰ Лексема *магазин* отмечена с последнего десятилетия XVII века как наименование «здания, места хранения припасов для военных нужд»; в последней трети XVIII века служит обозначением «склада каких-либо вещей». — Там же, стр. 281—282.

²¹ Слово *пакгауз* заимствовано из немецкого языка и буквально означает «склад», см.: Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, стр. 322.

²² Лексема *цейхауз* (*цейхауз*) заимствована из немецкого языка и означает «место для хранения оружия и амуниции», см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 4, М., 1973, стр. 296.

пени компенсировала отсутствие в языке XVII века слов, обозначавших различные объединения людей в обществе (не случайно существительное *товарищ* почти во всех случаях употребляется во множественном числе). В XVIII веке указанные лакуны в лексико-семантической системе русского языка заполняются многочисленными заимствованиями: «*партия, факция, класс, компания, цех, труппа, банда, секта, гильдия*»²³: «Понеже получили мы в Едомость, что великая партия протвѣных поляков в Польшу впала, х каторой многия пристали и пристають» (ПБ Петра В, XII, 261); «Ежели, от чего боже сохрани, в малоросиском крае покажутца факци тайные из знатных особ... такие имеют быть сокращены» (ПБ Петра В, XII, 188).

Активное пополнение данной лексико-семантической группы заимствованиями объясняется экстралингвистическими причинами: в XVIII веке происходит развитие и дифференциация производственных, социальных, общественных отношений, что вызывает к жизни значительное количество лексических инноваций.

Как видим, лишь определенная часть тюркского лексического пласта вошла в русский язык с предельно широким значением. Вряд ли можно согласиться с А. Д. Эфендиевой, распространяющей эту закономерность на всю заимствованную лексику тюркского происхождения. Как было показано выше, значительная часть тюркизмов характеризовалась однозначностью и узостью значения. Однако А. Д. Эфендиева права, отмечая, что тюркизмы с широким значением оказались более слабым звеном в лексической системе русского языка. Постепенно сфера их функционирования суживается, и они закрепляются в языке как слова узко бытового характера²⁴.

В заключение укажем также, что «борьба» исконных и заимствованных тюркских слов нередко завершалась вытеснением исконных членов ряда. В качестве примера можно привести тюркизм *телега*, вытеснивший из употребления исконно русское слово *кола* 'повозка', которое встречалось в памятниках письменности с XI века. Этим словом называли колесную повозку, бывшую в те времена распространенным средством передвижения. С XII века в памятниках письменности отмечается другое название повозки — *телега*, заимствованное из тюркских языков и постепенно вытеснившее из общенародного языка лексику *кола*²⁵.

Подобным же образом наиболее древний исконно русский термин *тул* 'колчан, вместилище для стрел' был вытеснен тюркизмами *колчан*, *сайдак* (*саадак*, *сагадак*)²⁶. В рассматриваемых памятниках письменности XVII—XVIII веков исконное *тул* уже не встречается, тогда как тюркизм *сайдак* весьма распространен, функционирует он и в современном русском языке.

Аналогичную активность в лексико-семантической системе русского языка проявил также тюркизм *кирпич*. У реалии, представлявшей собой брусок из обожженной глины, было три наименования: *плинф* (греч. слово «кирпич»), *керамида* (также греческое слово) и общеславянское *лайно* 'помет, кизяк' в сочетании *плова лайно*²⁷. В сферу функциониро-

²³ Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Указ. раб., стр. 322.

²⁴ А. Д. Эфендиева. Указ. раб.

²⁵ Старинное слово *кола* сохранилось в южных диалектах русского языка в значении «телега», «простая повозка»; в болгарском же и сербском языках слово *кола* является живым и распространенным. См. об этом: Д. С. Ледяева. История некоторых названий средств передвижения в русском языке. — «Ученые записки Кишиневского университета», т. 47, вып. 1, Кишинев, 1962.

²⁶ Г. Ф. Одинцов. Из истории названий *тул*, *колчан*, *сайдак* (и их вариантов) в русском языке. — В кн.: «Этимология, 1973», М., 1975, стр. 98—109.

²⁷ Р. А. Юнаева, К. Р. Галиуллин. К истории слова *кирпич* в русском языке. — «Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков. Серия 12. (Язык и литература)», 1974.

вания указанных лексем вторгся тюркизм *кирпич*; вытеснивший из русского языка названные греческие и исконные лексемы.

Как показали наблюдения, процесс эволюции тюркизмов в лексической системе русского языка был продолжительным, многоаспектным и характеризовался разнообразными семантическими изменениями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Баг. мат.* — «Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетиях, собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем». Харьков, 1886.
- В—К II* — «Вести-куранты». 1642—1644. М., 1976.
- В—К III* — «Вести-куранты». 1645—1646, 1648. М., 1980.
- Гр.* — «Грамотки XVII — начала XVIII века». Изд. подготовили Н. И. Та-рабасова и Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.
- ДАИ* — «Дополнения к актам историческим». Т. X, СПб., 1837.
- ДПВК* — «Деловая письменность Вологодского края XVII—XVIII вв.». Во-логда, 1979.
- Док. моск. театра* — «Московский театр при царях Алексее и Петре». Материалы, собран-ные С. К. Богоявленским. — «Чтения в Обществе истории и древ-ностей при Московском университете», 1914, кн. 2, отд. 1.
- Ист.* — С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского на-родно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. М., 1964.
- КДРС* — Картотека «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (Институт рус-ского языка АН СССР, Москва).
- МДБП* — «Московская деловая и бытовая письменность XVII в.». Изд. под-готовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- Основ. Царьгр.* — «О основании Царяграда и зданиях его изряднейших». Рукопись. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щед-рина (Ленинград), QXVII, № 8.
- ПБ Петра В.* — «Письма и бумаги императора Петра Великого». Т. XII, вып. I, М., 1975.
- Посольство Бяратинского* — «Посольство князя Михаила Петровича Бяратинского. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Пер-сией». Изд. под ред. Н. И. Веселовского, т. III, СПб., 1898 («Труды Восточного отделения Русского археологического общества», т. 22).
- ПЮВН* — «Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги». Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.
- РШЭО* — «Русско-шведские экономические отношения в XVII веке». Сборник документов. М.—Л., 1960.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

М. С. ФОМКИН

ОБ ИЗУЧЕНИИ ТЮРКСКИХ СТИХОВ СУЛТАНА ВЕЛЕДА

Начало изучению тюркских стихов Султана Веледа положило издание И. Хаммер-Пургшталема в 1829 году 156 тюркских бейтов поэта из рукописи «Rübab-name», хранившейся в Императорской Венской библиотеке¹.

Это издание включает немецкий перевод стихов Султана Веледа, общие сведения о Джелальэддине Руми и самом Султане Веледе, довольно подробно изложено содержание «Rübab-name». Опубликованные бейты Хаммер назвал «сельджукскими стихами», и это название закрепилось за ними в науке, хотя В. Д. Смирнов в статье «„Сельджукские стихи“ и турецкое христианство» (1897) и выступил против него, утверждая, что поэма не дает для этого никаких оснований. При этом В. Д. Смирнов ссылаясь на слова самого Султана Веледа, который просил читателя извинить его за то, что среди персидских стихов поместил и несколько десятков тюркских; при этом Султан Велед со всей категоричностью называет эти стихи не сельджукскими, а именно тюркскими². И все же название «сельджукские стихи» представляется вполне правомерным, поскольку «этим термином обозначалась и подтверждавалась принадлежность этих сочинений к памятникам анатолийско-малоазиатско-тюркского языка второй половины XIII в. — времени господства малоазиатских Сельджукидов»³.

Вслед за публикацией Хаммера появилась работа М. Викерхаузера, содержащая выверенную транскрипцию и перевод на немецкий язык тех же 156 тюркских бейтов из Венской рукописи, причем подчеркивалась их «поэтическая ничтожность»⁴.

Вышедшие несколько позднее работы В. Бернауэра и Фляйшера посвящены тем же 156 бейтам из «Rübab-name», однако основаны они уже на двух рукописях: из Венской и Мюнхенской библиотек⁵. Этими авторами были предложены отдельные уточнения в чтении и переводе указанных стихов.

В русском востоковедении к тюркским стихам Султана Веледа впервые обратился В. В. Радлов (1890)⁶. В 1892 году К. Г. Залеман дополняет работу В. В. Радлова⁷. Оба исследования носят описательно-лингвистический характер. Работу Радлова подверг критике В. Д. Смирнов, не согласившийся с его выводами⁸.

Посвященные «Rübab-name» работы И. Куноша⁹ и И. Тури¹⁰ не привнесли ничего существенно нового в изучение проблемы.

Довольно много внимания уделил тюркским стихам Султана Веледа Э. Гибб в своей «Истории османской поэзии»¹¹, остановившийся именно

на их литературной стороне, однако, к сожалению, лишь в самых общих чертах. По мнению Э. Гибба, Султан Велед не был выдающимся поэтом и его турецкие стихи не отличаются высокими литературными достоинствами¹². Главную заслугу Султана Веледа Э. Гибб видит в том, что поэту удалось «приспособить грубый язык города и базара к изложению религиозного учения в стихотворной форме», используя для этого почти исключительно национальные элементы¹³.

В этот же период Велед Челеби (Veled Gelebi)¹⁴, а затем — Неджип Асим (Necip Asim)¹⁵ сделали свои первые сообщения о вновь открытых турецких газелях Султана Веледа.

В 1917 году в Петрограде вышла в свет публикация Н. Мартиновича об обнаруженном им новом сборнике стихов Джезальеддина Руми и Султана Веледа¹⁶. Впервые Н. Мартинович сделал предварительное сообщение об этом сборнике на заседании редакции «Записок Восточного общества Русского археологического общества» 30 апреля 1909 года. Его работа, посвященная этому сборнику, впервые познакомила научный мир с турецкими стихами Султана Веледа из «Ibtida-name». Данная работа содержит небольшой лингвистический комментарий, фрагменты оригинального текста из «Ibtida-name», несколько газелей на анатолийско-турецком языке и их перевод на русский язык.

В 1922 году в Стамбуле вышла в свет книга Веледа Челеби, в которую впервые были включены все турецкие стихи Султана Веледа: газели из его дивана и фрагменты из «Ibtida-name» и «Rübab-name»¹⁷. Тексты сопровождалась небольшими комментариями.

В 1941 году Феридун Узлук издал «Диван Султана Веледа», составленный из его газелей на персидском и анатолийско-турецком языках с предисловием Веледа Челеби¹⁸. Можно вспомнить также несколько статей и заметок, касающихся данной темы¹⁹. Наиболее значительной работой является монография М. Мансуроглу «Турецкие стихи Султана Веледа»²⁰, содержащая библиографию вопроса (в настоящее время уже не полную), критический транскрипционный текст 367 бейтов поэта, обширный грамматический комментарий, словарь, грамматический указатель и приложение в виде факсимиле некоторых страниц различных рукописей. Можно отметить также монографию С. Хури «Султан Велед и его произведения»²¹.

Весьма примечательно, что за почти 150-летнюю историю изучения турецких стихов Султана Веледа они, за небольшим исключением, были предметом главным образом лишь лингвистических исследований. Поэтому в настоящее время мы располагаем добротными критическими текстами, имеем довольно полное представление о языке того периода²², об опыте первых переводов турецких стихов Султана Веледа на другие языки, в том числе на русский.

С другой стороны, сами «стихи» — как явление литературы — были обойдены вниманием востоковедов. Возможно, главная причина этого заключалась в том, что со времен Хаммера-Пургштала их традиционно было принято считать «поэтически ничтожными» или, по оценке М. Мансуроглу²³ «не имеющими художественной ценности».

Однако стихи Султана Веледа, несмотря на это, продолжали существовать как литературный факт и, думается, настало время осмыслить их значение именно с литературной точки зрения. Вероятно, исходя именно с этой позиции, В. Бьёркман в своей статье «Староосманская литература» отмечает, что большинство работ по данному вопросу уже устарело, и что необходимо их пересмотреть²⁴.

Потребность в новом подходе к поэтическому творчеству Султана Веледа выразилась в появлении за последние годы литературоведческих работ, посвященных его турецким стихам. К ним в первую очередь сле-

дует отнести статью Ст. Рымкевич «Газели Султана Веледа», анализирующую поэтику его стихов: особенности стихотворного метра и рифмы газелей²⁵.

Литература, посвященная тюркским стихам Султана Веледа, характеризуется расхождениями во мнениях исследователей. Нет, например, единого мнения в вопросе о том, знал ли Султан Велед тюркский язык. Этот частный вопрос является частью общей проблемы: существовали ли до Султана Веледа поэтическая традиция и опыт создания тюркских стихов?

А. Н. Кононов считает, что Султан Велед тюркский язык знал плохо²⁶. Это мнение основывается на словах самого поэта: «Если бы я знал тюркский язык...»²⁷. Такой же точки зрения придерживается и В. С. Гарбузова²⁸.

Напротив, Э. Гибб считал, что произведения Султана Веледа свидетельствуют о прекрасном знании им тюркского языка, и что незнание им языка было бы весьма странно, так как он всю свою жизнь провел в Турции. Приведенные же выше слова С. Веледа указывают, по мнению Гибба, только на то, что он тюркские стихи писал не с такой же легкостью, как персидские²⁹.

Велед Челеби, считая слова С. Веледа с незнанием им тюркского языка обычным поэтическим приемом, пишет: «Тюркские стихи Султана Веледа — самый превосходный тюркский язык той эпохи. В них нет недостатков ни в лексике, ни в смысле, ни в размере. Это изысканный тюркский язык столицы тогдашнего султаната [. . .] ...Султан Велед и его отец в совершенстве знали тюркский язык высшего общества»³⁰.

Подобного мнения придерживается и В. Бьёркман: «Хотя С. Велед говорит, что не знает тюркского языка, его тюркские стихи показывают обратное [. . .] Очевидно, что он хорошо знал тюркский язык, т. к. всю жизнь прожил в тюркском окружении»³¹.

Однако Ст. Рымкевич в названной выше работе утверждает, что в «„İbtida-name“ „Rübab-name“ и газелях нам открывается поэт, который плохо знал тюркский язык, в результате чего был не в состоянии изложить свои мысли так, как желал бы этого»³². При этом Ст. Рымкевич основывается на несовершенстве, по ее мнению, его газелей с точки зрения классических принципов арабо-персидской метрики, в частности, на нерегулярном и неправильном размещении внутренних рифм в газелях-муссаматах³³. Ст. Рымкевич считает, что именно плохое знание С. Веледом тюркского языка влияло как на его рифмотворчество вообще, так и на систему рифм в газелях-муссаматах: несовершенство стихов выразилось в определенных отклонениях от классических основ.

Однако по данному вопросу существуют и другие суждения. Велед Челеби пишет: «...В произведениях Султана Веледа я не увидел никаких недостатков ни со стороны содержания, ни со стороны поэзии, и утверждаю, что их нет»³⁴.

Но, пожалуй, главный аргумент против вывода Ст. Рымкевич содержится в работе А. Мартынцева, посвященной особенностям рифмовки в стихах Юнуса Эмре. А. Мартынец подчеркивает непоследовательность использования и нерегулярность внутренней рифмы в газелях Юнуса Эмре и указывает, что аналогичные формы встречаются и в тюркских стихах Султана Веледа³⁵. Однако никто на этом основании не выражает сомнения в знании Юнусом Эмре анатолийско-тюркского языка. Видимо, отмеченное Ст. Рымкевич явление (нерегулярность внутренних рифм, а следовательно, нарушение норм классической арабо-персидской метрики) имеет другую причину. Любопытно мнение, высказанное В. Бьёркманом. Он не только считает, что Султан Велед хорошо владел тюркским стихом; но и высказывает предположение, что до него

уже существовали поэтическая традиция и опыт создания тюркских стихов. Он пишет: «Хотя его (Султана Веледа — М. Ф.) стихи и не высокопоэтичны, они все же являются достижением. Речь так гладка, будто это не первая попытка, будто существовали длительная традиция и богатый опыт. Можно с определенной уверенностью предположить, что уже раньше были суфийские стихи и рассказы на тюркском языке, которые могли послужить ему образцом»³⁶. Это предположение В. Бьёркмана не лишено, как нам кажется, оснований.

Где же проявлялись эти традиции и опыт? Наиболее перспективными представляются поиски предшествующей традиции в тюркском устном народном творчестве.

В настоящее время является общепризнанным, что тюркские стихи Султана Веледа написаны с целью пропаганды суфизма среди широких народных масс, говоривших по-тюркски³⁷. Это подтверждают слова самого поэта, написанные им в конце «Rübab-name»: «Я написал в этой тетради о вещах, которые мне известны. Хотя это очень высокие понятия, я принизил их до уровня, понятного народу. Это уровень, который сможет понять даже салик [то есть „вступивший (на путь познания)“. — М. Ф.] среднего сословия»³⁸. Это, естественно, требовало доступного «салику среднего сословия» языка, привычных и знакомых ему форм и стиля. Наличие именно таких поэтических форм, характерных для народных произведений, констатирует Ст. Рымкевич в газелях Султана Веледа. Основываясь на беспристрастном и строгом анализе поэтики газелей поэта, она пишет, что он в своих газелях совершенно сознательно прибегал к метрам и формам, близким к народным, чтобы легче можно было влиять на адептов своего учения³⁹. Это, видимо, позволяет говорить об использовании им народной поэтической традиции. Для сравнения отметим, что В. Б. Куделин, исследователь творчества другого суфийского поэта — Юнуса Эмре (современника Султана Веледа), указывая на языковое сходство произведений этих поэтов, пишет, что Юнус Эмре находился под непосредственным воздействием народной песенной традиции и фольклорных мотивов⁴⁰.

Косвенное подтверждение тому, что Султан Велед мог сознательно обратиться к опыту тюркского народного поэтического творчества, можно найти, в истории развития суфийской поэзии в Иране. Известно, что первые проповедники суфизма в Иране обращались к самым широким слоям населения на вполне доступном им языке. Они умели на персидском языке города и базара выражать тончайшие оттенки человеческих переживаний. Для усиления психологического воздействия на аудиторию суфизм прибегнул к помощи поэзии. В привилегированных кругах общества эта поэзия не отличалась от существовавшей в Ираке арабской, но для широких народных масс нужна была поэзия на родном персидском языке. С другой стороны, только еще зарождавшаяся персидская поэзия не располагала для этого необходимым материалом и соответствующими выразительными возможностями (аналогичная ситуация существовала и в турецкой литературе XIII века). Поэтому суфии в Иране обратились не к «литературной» поэзии, а к существовавшему в это время народному творчеству, что и сделало персидскую суфийскую лирику близкой к народной песне⁴¹.

Главной особенностью зарождавшейся суфийской поэзии как на тюркском, так и на персидском языке, было использование первыми поэтами-суфиями опыта народной поэзии на соответствующем языке.

Следует указать, что факт влияния народной традиции на тюркские стихи Султана Веледа отмечен Ст. Рымкевич при анализе поэтики лишь его газелей, причем только их метра и системы рифм⁴². Остаются

неисследованными в этом плане многие вопросы поэтики как газелей, так и фрагментов из «Ibtida-name» и «Rûbab-name».

Требует своего решения также проблема стихотворного размера тюркских стихов Султана Веледа. Здесь имеется три точки зрения. Согласно первой из них, которой придерживается, в частности, М. Мансур-оглу, тюркские стихи С. Веледа написаны размером *аруз*, то есть они представляют собой образец метрической (квантитативной) системы стихосложения⁴³. Представитель другой точки зрения, Э. Гибб высказал мнение, что тюркские стихи Султана Веледа представляют собой смесь силлабической и метрической систем стихосложения. Он писал, что эти стихи «...обычно, но не всегда, являются силлабическими в соответствии с истинной тюркской манерой. В некоторых случаях они — квантитативны, таким образом, мы видим в этом самом первом стихе начало борьбы между народной тюркской и персидской системами стихосложения...»⁴⁴. Сходное мнение, но в более категоричной форме, высказал А. Е. Крымский: «Стихотворный размер этих двустий — силлабический, т. е. истинно-тюркский, простонародный, турецкий, „пармак хысабы“. Стихов, составленных персидским метром, [...] очень немного»⁴⁵.

Третье мнение связано с анализом поэтики тюркских газелей Султана Веледа, сделанного Ст. Рымкевич. Она отмечает, что благодаря использованию соответствующего стихотворного размера с цезурой в середине полустаха «бейт газели может быть хорошо воспринят, как 4-х-стишная строфа, характеризующая тюркское народное творчество»⁴⁶. Хотя произведение написано в форме газели и в классической метрике, оно имеет черты основных форм народной поэзии»⁴⁷. Анализируя форму газелей, Ст. Рымкевич пишет: «...Трудно противиться впечатлению, что она не является делом случая, а появляется в результате размышлений поэта, ищущего наиболее соответствующие, удачные средства, позволяющие достигнуть поставленной цели»⁴⁸. Исследования Ст. Рымкевич позволяют предположить, что тюркские стихи Султана Веледа написаны в размере, который может рассматриваться и как силлабический (тюркский народный) и как метрический (*аруз*), но это не механическая их смесь, а, если можно так выразиться, сплав, органическое слияние.

Обзор существующей литературы показывает, что до сих пор остается нерешенным целый комплекс вопросов, связанных с творчеством Султана Веледа. К изучению многих проблем вообще не приступали, по другим высказывались разноречивые мнения. Разрешение этих проблем, несомненно, прольет свет на такие вопросы, как степень самобытности ранней турецкой литературы, мера влияния на нее других восточных литератур, роль и значение первых турецких поэтов.

Литературоведческое изучение тюркских стихов Султана Веледа, исследование их поэтики только началось, но уже дало интересные и ценные результаты. Важность и плодотворность исследования поэтики произведений турецкой литературы подчеркивал еще Е. Э. Бертельс, говоря о различии художественных канонов Запада и Востока. Он писал, что при изучении тюркских литератур «...придется отказаться от широкого охвата и перейти к изучению деталей, сосредоточить все внимание на отдельном произведении, учитывая мельчайшие его особенности. Только таким путем мы можем прийти к уяснению роли турецкой литературы в мусульманской культуре и установлению значения отдельных ее представителей»⁴⁹.

⁴³ J. v. Hammer. Jahrbücher der Literatur, 1829, Bd. 46, 1—26, Bd. 48, Anzeige-Blatt, стр. 103—120.

⁴⁴ W. D. Smirnov. Les vers dits «Seldjouk» et le christianisme turc. Actes du XI-me Congrès International des Orientalistes, Paris, 1897, III sect., стр. 143.

- ³ А. Н. Кононов. К истории формирования турецкого языка. — «Тюркологический сборник. 1976», М., 1978, стр. 259.
- ⁴ M. Wickerhauser. Seldschukische Verse. — «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», XX. Band, Leipzig, 1865, стр. 574—589.
- ⁵ W. F. A. Behrman. Über die 156 seldschukischen Distichen aus Sultân Weled's Rebâb-nâme nebst Nachtrag von Prof. Fleischer, ZDMG, XXIII. Band, Leipzig, 1869.
- ⁶ W. Radloff. Über alttürkische Dialekte. I. Die seldschukische Verse im Rebâb-nâmeh. — «Mélanges Asiatiques», т. 10, Livraison 1. СПб., 1890, стр. 17—77.
- ⁷ C. Salemann. Noch einmal die seldschukischen Verse. — «Mélanges Asiatiques», т. 10, Livraison 2. СПб., 1892, стр. 173—245.
- ⁸ W. D. Smirnov. Les vers dits «Seldjouk»..., стр. 141.
- ⁹ I. Kunos. Egy ő-török nyelvemlék. Nyelvtudományi Közlemények XII, 1892, стр. 480—497.
- ¹⁰ J. Thury. Török nyelvemlék a XIV. század végéig. Ertekezés a nyelv-es szepetudományok köréből. XVIII, 7, Budapest, 1903, стр. 23—26; то же по-турецки: Milâdî XIV asr. sonuna kadar türk lisanı yadigârları. — «Millî Tettebbuat Mecmuası», № 4, 1331 h. (1915), стр. 103—105.
- ¹¹ E. J. W. Gibb. A history of Ottoman poetry. London, 1900, v. I, стр. 151—163.
- ¹² Там же, стр. 153.
- ¹³ Там же, стр. 156.
- ¹⁴ «Edebiyat-ı osmaniye: Tercüman-ı Hakikat ve Servet-i Fünun tarafından Girit muhâcirleri menfaatine müştereken çıkarılan fevkalâde nusha»; а также: *Veled Celebi*. Sultân Veled hazretlerinin bazı şiirleri. — «Türk Derneği» (1327), стр. 7—11, 41—45.
- ¹⁵ «Türk tarihi», Istanbul, с. I, 1931, стр. 439—442.
- ¹⁶ Н. Н. Мартинович. Новый сборник стихов Джеляледдина Руми и Султана Веледа. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. 24, вып. 1—4. Пг., 1917, стр. 205—232.
- ¹⁷ *Veled Celebi*. Divan-i türki-i Sultan Veled. Istanbul, 1341.
- ¹⁸ F. N. Uzluk. Divan-i Sultan Veled. Istanbul, 1941.
- ¹⁹ В. Д. Смирнов. Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XIV в. Calpinus Cyriscelebes. ВВРАО, т. 18, СПб., 1908, стр. 28, 52, 59; *Ibrahim Necmi*. Tarih-i edebiyat dersleri. Istanbul, 1338 h. (1919), стр. 21—23; «Körösi Csoma Archivum I (1924—1925)», т. 4 и 5 — фотокопия 157 турецких бейтов из будапештской рукописи; M. F. Köprülüzade. Türk edebiyatı tarihi, Istanbul, 1926, стр. 310—312; его же. Divan-i türki-i Sultan Veled. — «Türkiyat Mecmuası», II, 1928, стр. 475—481; то же в кн.: «Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar», Istanbul, 1934, стр. 162—173; J. Rybka. Dějiny perské a řazické literatury. Praha, 1956; J. H. Kramers. Sultan Walad. — «Encyclopédie de l'Islâm», т. 4, стр. 572—573.
- ²⁰ M. Mansuroglu. Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri. Istanbul, 1958. Автор этих строк, пользуясь случаем, выражает благодарность академику А. Н. Кононову за предоставленную возможность ознакомиться с этой книгой.
- ²¹ S. Huri. Sultan Veled ve Eserleri. Konya, 1963.
- ²² В. Г. Гусев. Староосманский язык. М., 1979; его же. Краткий обзор исследований по языку тюрок Малой Азии XIII—XVI вв. — «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 69—92.
- ²³ M. Mansuroglu. Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri, стр. 1.
- ²⁴ W. Björkman. Die altosmanische Literatur. — «Philologiae turcicae fundamenta», Wiesbaden, 1965, стр. 407.
- ²⁵ St. Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda. — «Przegląd orientalistyczny», Warszawa, 1962, 1, стр. 3—17.
- ²⁶ А. Н. Кононов. К истории формирования турецкого языка, стр. 259.
- ²⁷ M. Mansuroglu. Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri, стр. 16, бейт 78; стр. 24, бейт 97.
- ²⁸ В. С. Гарбузова. Поэты средневековой Турции. Учебное пособие, Л., 1963, стр. 43.
- ²⁹ E. J. W. Gibb. A history of Ottoman poetry, стр. 154.
- ³⁰ V. Celebi. Takriz. — F. N. Uzluk. Divan-i Sultan Veled, стр. 111.
- ³¹ W. Björkman. Die altosmanische Literatur, стр. 407.
- ³² St. Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda, стр. 15.
- ³³ Там же.
- ³⁴ V. Celebi. Takriz, стр. 111.
- ³⁵ А. Мартынец. Об особенностях строфического оформления стихов Юнуса Эмре. — «Советская тюркология», 1976, № 3, стр. 45.
- ³⁶ W. Björkman. Die altosmanische Literatur, стр. 407—408.
- ³⁷ А. Н. Кононов. К истории формирования турецкого языка, стр. 259; В. С. Гарбузова. Поэты средневековой Турции, стр. 43; E. J. W. Gibb. A history of Ottoman poetry, стр. 153; St. Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda, стр. 16.
- ³⁸ F. N. Uzluk. Divan-i Sultan Veled, стр. 36.
- ³⁹ St. Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda, стр. 16—17.
- ⁴⁰ В. Б. Куделин. Поэзия Юнуса Эмре. М., 1980, стр. 68—69, 85.

- ⁴¹ Е. Э. Бертельс. Основные моменты в развитии суфийской поэзии. — «Восточные записки», Л., 1927, т. I, стр. 98—99.
- ⁴² St. Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda, стр. 16—17.
- ⁴³ M. Mansuroglu. Sultan Veled'in Türkce marzumeleri, стр. 10—14.
- ⁴⁴ E. J. W. Gibb. A history of Ottoman poetry, стр. 153.
- ⁴⁵ А. Е. Крымский. История Турции и ее литературы М., 1916, т. I, стр. 262.
- ⁴⁶ Аналогичное явление отмечал А. Мартынец в газелях Юнуса Эмре; см.: А. Мартынец. Об особенности строфического оформления стихов Юнуса Эмре, стр. 45.
- ⁴⁷ St. Rymkiewicz. Gazele Sultana Veleda, стр. 15—16.
- ⁴⁸ Там же, стр. 13.
- ⁴⁹ Е. Э. Бертельс. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, стр. 378.
-

ОНОМАСТИКА

О. Т. МОЛЧАНОВА

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЮРКСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

(СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ
В СОСТАВЕ ТОПОНИМОВ)

Наряду с совершенно определенно выраженными словообразовательными характеристиками, имена собственные обладают целым рядом морфологических и синтаксических показателей, которые заслуживают того, чтобы на них остановиться особо. Конечно, в топонимике ведущим принципом остается принцип деривации, который при всем многообразии последней сводит к минимуму потребности и возможности морфологического анализа как такового. Тем не менее, наши наблюдения показывают, что морфологическая и синтаксическая организация онимов в различных языках имеет свои специфические особенности, что делает необходимым их рассмотрение.

Грамматическое оформление имен собственных

Вопрос о грамматике имен собственных весьма актуален. Вокруг него ведется немало споров, высказываются различные нередко совершенно противоположные мнения¹. Однако в тюркской ономастике данной проблеме не уделялось необходимого внимания, тогда как в целом ряде языков этот вопрос уже имеет сложившиеся традиции. Напомним, что еще В. Гумбольдт² почти сто пятьдесят лет тому назад высказал мысль о безграничных возможностях языка использовать имеющиеся у него ограниченные средства, и об обязанности грамматики описывать процессы, обеспечивающие эту возможность³. Периферийное, или близкое к этому, положение имен собственных в системе любого языка называется на том, что те ограниченные грамматические средства, о которых говорил В. Гумбольдт, оказываются здесь предельно лимитированными. Лимитированность грамматических средств оформления имен собственных является одной из топонимических универсалий. Грамматической особенностью большинства имен собственных является то, что они не имеют формы множественного числа в обычном употреблении.

¹ Л. П. Калакуцкая. О специфичности ономастики как лексической категории. — «Востонославянская ономастика. Исследования и материалы», М., 1979, стр. 75—84.

² W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit des Menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1836.

³ N. Chomsky. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Massachusetts, 1972, стр. V.

В тюркских языках имена собственные исключаются из конструкций, выражающих неопределенность. Имена автоматически выступают вполне определенными, подобно личным местоимениям. Тюркские географические имена в основном двучленны или одночленны, примыкание — главная связь между компонентами. Кроме того, как отмечает В. И. Рассадин⁴, в тофаларском языке имена собственные в функции прямого дополнения употребляются лишь в винительном падеже, что связано с оформлением определенности, тогда как существительные нарицательные могут употребляться в неопределенном падеже. Та же особенность имеется и в хакасском языке, где винительный падеж обязателен в том случае, когда в качестве прямого дополнения выступают имена собственные и прозвища людей, а также клички животных. Данное положение распространяется и на имена собственные неодушевленных предметов, хотя здесь встречаются случаи употребления основного падежа: *Иван Васильевич Аркасты* (вин. падеж) *көө чох удурлаан* 'Иван Васильевич хмуро встретил Аркаса'; *Но Тöö кизіре* 'Через Тею (реку)'. Наричательное имя, стоящее при собственном падежа: *Сыгда айланьбызып, Охчын апсахты* (вин. падеж) *көр салган* 'Оглянувшись, Сыгда увидел старика Охчына'; *Мрас сугны* (вин. падеж) *кизіп килдім* 'Переправился (я) через реку Мрас'. Предполагается, что обязательность такого употребления была связана с категорией одушевленности⁵.

Алтайский язык характеризуется той же особенностью: *Кадын-Сууны* (вин. падеж) *эжинип кечип болбос* 'Катунь нельзя переплыть'⁶; *Алтан түмен албатызын Алтайды* (вин. падеж) *тоно деп агытты* 'Шестидесятитысячный народ пустил грабить Алтай'⁷. Сложное имя, как один из членов предложения, располагая одним лексическим и категориально-грамматическим значением, присоединяет падежную флексию ко второму компоненту наименования. Приведем примеры склонения алтайских топонимов: *Койлорды ту Сары-Кобының одо жынаң тапкам* 'Овец (я) нашел вон (с той) с противоположной стороны Желтого лога' (стр. 35); *Сары-Кобының* выступает в родительном падеже. *Аза-Јалаңга ол төртөн жыл кайра, эски саксызын коштоп, эки-үч малын айдап, көчүп келди* 'В Аза-Јалан он переехал сорок лет тому назад, навьючив на коня свое старье и пригнал две-три скотины' (стр. 45). *Аза-Јалаңга дано в дательном-направительном падеже*⁸. *Кызыл-Өзөктөн бері кезик улус машина келди* 'С Кызыл-Озека часть людей приехала на машине' (стр. 98). *Кызыл-Өзөктөн* — находится в исходном падеже⁹. *Алтыртынаң көргөн дө алты толукту үстүртинен көрөгөндө үч толукту Кан-Алтай* 'Если снизу посмотреть, то шестиугольным кажешься ты, почтенный Алтай, если

⁴ В. И. Рассадин. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, стр. 16.

⁵ «Грамматика хакасского языка». М., 1975, стр. 347.

⁶ Е. Н. Чунжекова. Односоставные предложения в алтайском языке. — «Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ)», 9, Горно-Алтайск, 1970, стр. 115.

⁷ «Маадай-Қара». Алтайский героический эпос. М., 1973, стр. 277. Далее после цитат указываются страницы данного издания.

⁸ Т. М. Тоцакова. Послелог в алтайском языке. — «Ученые записки ГАНИИИЯЛ», 1, Горно-Алтайск, 1956.

⁹ Н. А. Кучигашева. Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке. — «Ученые записки ГАНИИИЯЛ», 3, Горно-Алтайск, 1960.

сверху посмотреть, то треугольным кажешься ты, почтенный Алтай' (стр. 72). *Кан-Алтай* — в основном падеже¹⁰.

В русском языке случаи акциденции рассматриваются как приложения («город Москва», «река Волга», «озеро Байкал»). Такие приложения обнаруживают тенденцию к сохранению формы именительного падежа во всех случаях падежного изменения определяемого имени. Для многих сочетаний отсутствие изменения стало нормой: «озеро Байкал» — «на озере Байкал». Однако в ряде случаев имеются колебания: «в селе Горки» — «в селе Горках». По отношению к распространенным старым названиям в единственном числе действует правило обязательного падежного изменения определяющего существительного: «город Париж» — «в городе Париже». В тех случаях, когда в географическом имени определяющее имя предшествует географическому номену, сливаясь с ним в неразложимое целое, определяющее слово не склоняется: «Сапун-гора» — «на Сапун-горе». При географическом номене «река» предшествующее ему географическое имя склоняется: «Волга река» — «Волгой рекой» и т. п.¹¹

Собственный грамматический признак имен складывается не только из специфичной для определенной группы языков грамматической оформленности указанных единиц, но и того набора грамматических классов слов, который составляет онимию языка. Иными словами, собственный грамматический признак имен определяется также совокупностью языковых единиц, способных участвовать в номинации.

Морфологическая структура

Совершенно естественно предположить, что наиболее функционально приспособленными для исполнения акта наименования являются именные части речи: существительные, прилагательные, числительные. Кроме именных частей речи, обладающих абсолютной номинативной значимостью, в тюркском топонимиконе Горного Алтая встречаются глагольные формы, наречия, имитативы, местоимения. Наиболее многочисленной является группа существительных.

Существительные. Среди именных частей речи доминантную позицию с точки зрения их номинативной значимости занимают существительные: они в большей степени, чем другие части речи способны выступать в функции собственно наименования, имея в своей основе значение предметности. Для части тюркских имен «не существует логического различия между существительными и прилагательными как в формальном, так и синтаксическом смыслах. Причина этого состоит в том, что невозможно определить их концептуально. ...Следовательно, тюркское имя — это не существительное и не прилагательное, но именно то и другое одновременно»¹². Все это формальное и смысловое неразличение в значительной группе словарных единиц находит свое выражение в широкой потенции слов к отношению их по конверсии, которое затрагивает тюркский топонимикон настолько, что в ряде случаев (особенно в одноосновных формах) трудно выделить прилагательные и существительные, если речь идет о неприводных основах. Тем не ме-

¹⁰ Н. А. Кучиашева. Теленгитский диалект алтайского языка. — «Ученые записки ИАИИИЯЛ», 4, Горно-Алтайск, 1961.

¹¹ «Русская грамматика». Т. II. М., 1980, стр. 58.

¹² K. Grönbech. The Structure of the Turkic Languages. Translated by J. R. Krueger. Bloomington: Indiana University Uralic Altaic Series. Vol. 136, 1979, стр. 24—25.

нее, это положение не создает никаких трудностей в восприятии непроемных именных форм.

В связи с многокомпонентностью семантики имен собственных содержательная сторона исходной лексемы становится значимой не во всяком контексте, а потому часто и не требуются в связной речи апелляции к прилагательному или существительному, образующим имена. Если же такая связь становится необходимой, то она легко устанавливается и в самом контексте, и через денотат. Во всяком случае, такая нерасчлененность между частями речи в именах собственных еще менее способна создавать двусмысленность, чем в обычном диалоге.

Для анализа нами были взяты 3143 тюркских топонима области (без учета повторяющихся названий), образованные 1846 тополемами с 1092 непроемными и 754 производными основами. По частям речи указанные тополемы распределяются следующим образом: именных 1646, глагольных — 166, имитативных — 29, наречных — 5. В непроемных формах, а их было 1092, особенно сложно отграничить от других частей речи имена. В многокомпонентных образованиях этому способствует сама синтаксическая структура с определением и определяемым, ибо употребление в функции определения само часто указывает на адъектив, хотя в атрибутивной функции может быть и существительное без перехода в прилагательное. В однокомпонентных именах преобладают существительные, неслучайно наиболее представленными здесь оказываются следующие лексико-семантические поля: 1) **личные имена** (населенный пункт *Адым*, река *Аламбай*, лог *Алтымат*, урочище *Аргамай*, лог *Байбож*, река *Байбыш*, гора *Балдан* и др.); 2) **обозначения рельефа** (хребет, перевал, долина, урочище, мыс *Ажу*, гора, урочище *Бел*, река, гора, урочище, стоянка, населенный пункт *Белтир* и др.); 3) **обозначения водоемов** (все *Карасу*, кл., н. п. *Коол*, кл., ур., г., местность *Көл*, р. *Орек*, р. *Суг* и др.); 4) **деревья и лес** (р. *Арыскан*, г. *Балан*, ур. *Кайың*, р. *Караай* и др.); 5) **этнонимы** (р. *Бова*, н. п. *Иман*, р. *Иркут*, руч. *Катай*, место *Куван* и др.); 6) **различные именованья людей по возрасту, роду занятий, общественному положению** (р. *Аңчы*, р., г., ур. *Балыкчы*, р., ур. *Боскун*, р. *Малчы* и др.); 7) **растения** (3 реки, 2 лога *Балтырган*, лог *Jeңес*, р., г. *Кулча* и др.). Коррелятивным признаком существительных, впрочем как и других частей речи в аффиксальных образованиях, служит аффикс. Так существительные маркируют аффиксы группы -*к* (ур. *Арбачак*, р., н. п. *Бабачак*, г. *Балачак* и др.), -*лар* (р. *Куйакнар*, р., лог *Мөштөр*, лог *Чаалдэр* и др.), падежные аффиксы (р. *Аңыстан*, г., тайга *Аптырга* и др.), аффиксы принадлежности (р. *Мойындың*, г. *Отпудуның*, ур., г. *Серкези* и др.), отчасти аффикс -*ч* (г. *Аспакча*, ур. *Маңдайча* и др.). То же наблюдается и в многокомпонентных формах.

Следует указать также, что независимо от способов словообразования и составности, наличия аффиксов или географических номенов в качестве маркирующих элементов, парадигмы тюркских имен собственных совпадают с частными парадигмами нарицательных существительных.

Прилагательные. Существует мнение, что в тюркском языке прилагательные не имели особых морфологических показателей, даже само их существование в то время как отдельной части речи сомнительно¹³. Выделение прилагательных в самостоятельную категорию шло и

¹³ А. М. Шербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, стр. 108—113.

через трансформацию существительных, и через формирование особой морфологической системы, одной из характерных черт которой стало образование форм, выражающих степень признака и т. п. Среди качественных прилагательных, участвующих в оформлении тюркских топонимов Горно-Алтайской автономной области, выделяются обозначающие признаки, присущие непосредственно географическим реалиям и предметам, с ними связанным: **цвет** (р. *Аламык*, р., г. *Кара*, ур. *Карамтык*, р. *Көгөш* и др.), **вес** (р. *Jeңил-Сал-Юк*), **вкус** (р. *Тус-Көл*, р. *Ачу-Саргай*), **запах** (3 речки *Жыгу-Булуң*, оз. *Сасык-Көл*), **размер** (р. *Јаан*, дол. *Јаан-Терек*, лог *Кичй-Ойбок* и др.), **температуру** (р. *Изй-Суу*, 2 г. *Соок-Кыр*, р., лог *Тоңмок-Суу* и др.), **форму** (р., лог *Мукур-Ачык*, оз. *Тегерик-Көл* и др.).

Относительные прилагательные являются производными, для них характерна семантическая соотнесенность с тем словом, от которого они образованы посредством определенных аффиксов. Являясь частью географических имен, они указывают на признаки имеющие отношение к природным реалиям или предметам с ними связанным. Аффикс *-л°(к)*¹⁴ и его варианты, участвующие в оформлении относительных прилагательных, по-разному представлены в одно- и многокомпонентных образованиях, что позволяет судить о месте, занимаемом относительными прилагательными в топонимах: 23,91% — в однокомпонентных формах, 19,48% — в двухкомпонентных и 15,69% — в трех- и четырехкомпонентных образованиях: р. *Адагашту*, руч., кл. *Аланчыкту*, лог. г. *Балтырган-ду*, пер. *Агашту-Боочы*, г. *Ак-Башту-Төң* и др. Когда относительное или качественное прилагательное стоит в финальной части географического имени или само его оформляет, то в связном контексте оно выражает все словоизменительные категории существительного, например: числа, падежа¹⁵ и другие: «Ты говоришь, твой дядя живет в урочище Ару? Это Ару далеко отсюда? А кто еще там с ним живет?» *‘Таайың Ару деген кобыда жадыры деп айдадың ба? Ол Ару мының ыраак па? Оныла база кем кожо жадыры?’*; «Вы из Эбелю воду берете? Она ведь недалеко отсюда» *‘Слер Эбелүдең суу алып жадыгар ба? Ол мынаң ыраак эмес болгодый’*.

Существует мнение, что в тюркских языках грамматический класс относительных прилагательных не получил сколько-нибудь значительного развития; здесь нет притяжательных прилагательных, невелико количество относительных, а отношения между предметами или свойствами предметов по принадлежности выражаются изафетными конструкциями¹⁶. Тюркские географические имена представляют несколько иную картину, так как процент относительных прилагательных в них сравнительно высок (см. цифры, приведенные выше). Думается, что само название имен собственных, а также выбор денотативного признака в качестве основы наименования связаны с необходимостью закрепления в топониме определенных отношений и свойств; именно поэтому относительные прилагательные занимают здесь значительное место.

Интересным представляется соотношение аффиксальных и безаффиксальных однокорневых основ, зафиксированных в топонимии Гор-

¹⁴ Подобные аффиксы Н. А. Баскаков называет «аффиксами функционального словообразования имен» и ограничивает от аффиксов словоизменения (аффиксы множественного числа, личной принадлежности, падежей, лица), см.: Н. А. Баскаков. Историк-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, стр. 40.

¹⁵ J. H. Greenberg. Some Universals of Grammar. — «Universals of Language. Second edition edited by J. H. Greenberg». Stanford University, 1961, стр. 95.

¹⁶ В. З. Панфилов. Философские проблемы языкознания. М., 1977, стр. 135.

ного Алтая, особенно в однокомпонентных формах. Приведем эти пары без указания на род объектов, к которым они относятся: *Аланчык — Аланчыкту, Аржан — Аржанду, Аркыт — Аркытту, Бака — Бакалу, Балкаш — Балкашту, Балтырган — Балтырганду, Балык — Балыкту, Белтиреш — Белтирештү, Бозого — Бозоголу, Боом — Боомду, Булук — Булукту, Јодро — Јодролу, Јыгын — Јыгынду, Кажаа — Кажаалу, Кайа — Кайалу, Кайың — Кайыңду, Караай/Карагай — Карагайлу, Качак — Качакту* и др. Подсчет показывает наличие таких пар в одноосновных образованиях. Объекты, названные ими, почти уравниены, как по количеству, так и по типам. Безаффиксальные формы относятся к 148 объектам, аффиксальные — к 164. Небольшое количественное превосходство аффиксальных образований наблюдается лишь в наименованиях рек, логов, ручьев, долин, хребтов, и, наоборот, безаффиксальные формы тех же слов в количественном отношении несколько преобладают в названиях гор, урочищ. Относительные прилагательные с аффиксом *-л°(к)*, указывающим на наличие того, что обозначено производящей основой, субстантивируются при образовании имен, если находятся в финале. Аффикс в именах собственных становится их маркирующим элементом, функционально близким географическому номену. Разница между аффиксальными и безаффиксальными однокоренными формами в однокомпонентных образованиях практически сведена на нет, если, конечно, не происходит никаких сдвигов в семантической структуре нерасчлененного опорного имени: *Куй* ('пещера; пещерный') — *Куйлу* ('с пещерами'), *Балык* ('рыба; рыбный') — *Балыкту* ('имеющий рыбу'), *Кайың* ('береза; березовый') — *Кайыңду* ('с березами'). Помимо того, что аффикс *-л°(к)* является средством топонимизации, он, видимо, передает также усиленное значение наличия, посессивности. Преобладание безаффиксальных форм над аффиксальными в ряду однокорневых имен объясняется, на наш взгляд, наличием значительного числа метафорических и метонимических переносов в именах орографических объектов: *Көрүк* ('бурундук' > 'как бурундук'), *Түлкү* ('лиса' > 'как лиса'), *Чадыр* ('юрта, шатер, полот' > 'как шатер').

В двусловных моделях оформления определения аффиксом *-л°(к)* получило большее распространение. При сравнении однокоренных определений с географическими номенами выясняется, что безаффиксальные формы представлены меньшим числом, поэтому параллельные пары отмечаются еще реже: *Айу-Кыр — Айулу-Кыр, Балык-Суу — Балыкту-Суу, Јар-Кобы — Јарлу-Кобы*. Следует подчеркнуть, что при всей их семантической близости определения в первых членах представленных выше пар могут быть интерпретированы неоднозначно: *Айу-Кыр* ('медвежья гора' или 'медведь-гора'), *Јар-Кобы* ('береговой лог' или 'лог у крутого берега') и т. д. Наличие однокоренных определений, аффиксальных и безаффиксальных, в двукомпонентной синтагме выражается соотношением 118:74 соответственно. Приведем однокоренные атрибутивы: *айу — айулу, балкаш — балкашту, балык — балыкту, бука — букалу, јака — јакалу, јалама — јаламалу, јар — јарлу, јол — јолду, јоло — јололу, јыраа — јыраалу, јыш — јышту, изү — изүлү, кайа — кайалу, кайың — кайыңду, как — какту, каңза — каңзалу, корум — корумду, көл — көлдү, кујур — кујурлу, куу — куулу, күдү — күдүлү, күрт — күрттү, кыйу — кыйулу, кыр — кырлу, обоо — обоолу, сай — сайлу, сал — салду, сас — састу, суу — суулу, таш — ташту, тебее — тебеелү, тожоң — тожоңду, тош — тошту, төргүн — төргүндү, тус — тусту, чай — чайлу, чет — четтү*. Только в трех из приводимых ниже примеров безаффиксальный атрибутив удерживает преимущество: *Кайа-Айры, Кайа-Бажы, Кайа-Јүрек, Кайа-Кыр, Кайа-Кышту — Кайалу-Орой, Кайалу-Чоку, Сай-Кайа, Сай-Кечү, Сай-Конуш, Сай-Коол — Сайлу-Јарык,*

Сайлу-Кем; Туу-Айаң, Туу-Бел, Туу-Јул, Туу-Кайа, Туу-Мойын, Туу-Өзөн — О.

При видимой разнице между качественными и относительными прилагательными их объединяет общая семантическая основа — понятие качества, а также то, что они выражают «внутреннюю» атрибутивную связь, то есть признаки, включающиеся в семантику определяемого¹⁷, что особенно ярко выявляется в топонимии: здесь фиксированный набор определяемых отчетливо проявляет тенденцию к отбору определений.

Таким образом, относительные прилагательные, обладающие известной однозначностью и семантической связанностью с производящей основой, встречаются в тюркском топонимиконе Горного Алтая в не малом количестве, особенно в однокомпонентных формах топонимов. Для качественных прилагательных, наоборот, характерна многозначность, участие, как правило, в многокомпонентных синтагмах.

Числительные. Название данного раздела несколько условно, ибо включение в него одних только числительных лишило бы его полноты и достоверности, поскольку все количественные, встречающиеся в географических именах, характеризуются известной связанностью, универсализмом многокомпонентных моделей, единством их семантического содержания, иррелевантностью.

Об участии числительных и счетных слов в образовании тюркских топонимов Горно-Алтайской автономной области уже писалось¹⁸. Приведенное здесь дополняет сказанное. Участие числительных в географических именах тесно связано с более широкой проблемой выражения количества вообще, ибо число как основа наименования соответствующих объектов представляется и другими лексико-семантическими группами слов, а также посредством аффиксов, например, словоизменения. Категория количества принадлежит к числу наиболее абстрактных и располагает самыми разнообразными средствами выражения (лексическими и грамматическими), которые проникают в географические имена в различных вариантах, в зависимости от языка. Топонимы, как часть культурного наследия народов, теснее, чем какие-либо другие части лексики, связаны с этнографией. Именно поэтому в них, как и в эпосе, обнаруживается преобладание нечета над четом и т. д.

Число само по себе в алтайском эпосе играет огромную роль. «Девяностосажженная яма», «шестидесятиугольный дворец», «девятирядная подошва» — подобные обороты здесь весьма часты. Число в эпосе не выражает точного количества. Это видно хотя бы из того, что нередко рядом стоят два взаимоисключающих числа. Например, «в два раза громче заплакала, в десять раз сильнее зарыдала». Или: «шестьдесят ханов на земле живущих, семьдесят ханов на земле обитающих». Таким образом, в алтайском эпосе числовые выражения часто служат для выражения лишь общего понятия (представления) о большом количестве. Например:

*Јетен айры кёк талайдың белтиринде,
Јети јаан кёб тайсадың калтыгында*

¹⁷ В. М. Павлов. Развитие определительного сложного существительного (с первым компонентом — существительным) в немецком языке. Автореф. канд. дисс., Л., 1958, стр. 7—10.

¹⁸ О. Т. Молчанова. Числительные и счетные слова в алтайских топонимах. — «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции», Томск, 1976, стр. 151—155. В этой статье автор ссылался на все вышедшие до 1975 года работы, посвященные числительным и счетным словам в топонимах. Этот список можно дополнить еще одной работой: С. Кудайбергенев. Числительные в составе киргизских топонимов. — «Ономастика Средней Азии. 2», Фрунзе, 1980, стр. 164—170.

*Јүс быдакту мөңкү терек
Айга-күнге бу чагылган,
Алтын сырлу турбай кайтты*

‘Там, где сливаются семьдесят рек,
В долине между семью большими горами-крепостями
Стостволный вечный тополь,
Под лучами луны и солнца,
Как золото, сверкая, стоит’ (стр. 68).

*Одорлудаң малы өдүйп,
Одус тайга ажа бертир,
Одындудаң юны өдүйп,
Јетен өзөк кече ле бертир*

‘От своих пастбищ скот ушел,
За тридцать гор перевалил,
От своих стоянок народ ушел,
Семьдесят долин переехал’ (стр. 72)¹⁹.

В алтайском эпосе небо имеет нечетное количество слоев (три, семь, девять). Известно также, что созвездие Орион называется в алтайском Уч-Мыйгак (‘три маралухи’). По наблюдениям В. И. Вербицкого, алтайские девушки заплетают 3, 5, 7 кос (непреренно нечет)²⁰. Он же отметил такую деталь быта: «Позади огня на стене, противоположной двери, наставлены идолицы около четырех вершков длины, тоненькие, с большой башкой, с пуговицами вместо глаз. В ряд с ними веревка с девятью (разрядка наша. — О. М.) тряпочками (само), из коих средняя имеет вид животного. Точно такие лоскутки бывают и снаружи у некоторых юрт на веревочке привязанной концами к двум березам»²¹.

Остановимся на топонимах, в состав которых входят квантитативы (по одному) с указанием их частотности: Это *кос-кош*₂₀ ‘пара; парный, смежный, двояенный’ (ур., н. п. Кош-Агач), *үч*₁₅ ‘три’ (р. Уч-Аланчк), *эки*₁₄ ‘два’ (ур. Эки-Тошту), *бес-беш*₁₁ ‘пять’ (г. Беш-Иирдү), *јети*₁₀ ‘семь’ (лог Јети-Јодо), *јаңыс-наас*₈ ‘один, одинокий, единственный’ (местность Јаңыс-Терек), *тогус*₈ ‘девять’ (г. Тсгус-Ада), *он*₅ ‘десять’ (н. п. Он-Очок), *калың*₄ ‘многочисленный, состоящий из большого числа’ (р. Калын-Агаш), *төрт*₄ ‘четыре’ (пер. Төрт-Кош), *көп*₃ ‘много, множество’ (р., пер. Көп-Төш), *муң*₃ ‘тысяча’ (р., н. п. Муң-Калыыр), *экинчи*₃ ‘второй’ (руч. Экинчи-Карасу), *ас*₂ ‘мало, немного, небольшое количество’ (г. Ас-Айры), *јарым/јарым-2* ‘половина’ (р. Јарымду, р. Јарым-Тыт), *јүс*₂ ‘сто’ (г. Јүс-Таш), *карбак*₂ ‘горсть’ (р. Карбак), *одус*₂ ‘тридцать’ (р. Одус-Суугаш), *үчек*₂ ‘шепотка’ (р., ур. Учек), *алгы*₁ ‘шесть’ (лесной массив Алты-Қайын), *бакча*₋₁ ‘пачка предметов’ (г. Бакчалу-Таш), *бежен*₁ ‘пятьдесят’ (ур. Бежен-Эки), *бөлүк*₋₁ ‘часть’ (р. Бөлүгөш), *бир*₁ ‘один’ (ур. Бир-Сөөгөш), *куспак*₁ ‘охапка’ (г. Эски-Куспагач-Тав), *түй*₁ ‘пара’ (н. п. Түй-Кем), *ума*₁ ‘множество’ (г. ур. Ума-Таш), *үчен*₁ ‘тридцать’ (ур. Учен-Куба).

Полный список содержит 128 (из 3143) топонимов, включающих в свой состав квантитатив, что составляет 4,07%. Объектов, носящих имена с квантитативами, — 185 (из 5322), что составляет 3,47%. Если из числа всех квантитативных имен отобрать только числительные, то полученный результат можно свести в таблицу.

¹⁹ «Маадай-Қара». Алтайский героический эпос. М., 1973.

²⁰ «Алтайские инородцы». Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера В. И. Вербицкого. М., 1893, стр. 9.

²¹ Там же, стр. 12.

Таблица

Числительные	Количество топонимов, имеющих в своем составе числительное	Количество объектов, с ними соотносимых
<i>йч</i> 'три'	15	18
<i>эки</i> 'два'	14	16
<i>бес-беш</i> 'пять'	11	14
<i>јети</i> 'семь'	10	15
<i>тогус</i> 'девять'	8	11
<i>он</i> 'десять'	5	6
<i>тöрт</i> 'четыре'	4	6
<i>муң</i> 'тысяча'	3	6
<i>экинчи</i> 'второй'	3	3
<i>јүс</i> 'сто'	2	12
<i>одус</i> 'тридцать'	2	2
<i>алты</i> 'шесть'	1	1
<i>бежен</i> 'пятьдесят'	1	1
<i>бир</i> 'один'	1	1
<i>йчен</i> 'тридцать'	1	1
Итого:	81	113

Как видно из таблицы, соотношение количественных топонимов с географическими объектами довольно ограничено, что объясняется узостью области их референции. Об этом же говорит небольшое число употребляемых с ними географических номенов. У количественных меняется их понятийная соотношенность, а границы денотата становятся расплывчатыми²². При сравнении киргизской, тувинской и алтайской топонимии распределение числительных в порядке убывания выглядит следующим образом: кирг. *йч*, *беш*, *кырк*, *эки*, *тöрт*, *јети*, *тогус*, *он*; тув. *алды*, *чеди*, *чээрби*, *ийи*, *йш*, *тос*, *он*, *дöртөн*; алт. *йч*, *эки*, *бес-беш*, *јети*, *тогус*, *он*, *тöрт*, *муң*, *экинчи*, *јүс*, *одус*, *алты*, *бежен*, *бир*, *йчен*²³. Попробуем подключить сюда монгольский материал, подсчитанный на большом количестве единиц (13644). Здесь распределение числительных в порядке убывания происходит таким образом: *гугбан* 'три' (101 топоним), *тавин* 'пять' (80), *qоуаг* 'два' (37), *dolon* 'семь' (27), *dörben* 'четыре' (17), *гүсип* 'тридцать' (13), *пайман* 'восемь' (12), *арбан* 'десять' (9), *јіган* 'шесть' (8), *mingуап* 'тысяча' (5), *döcі* 'сорок' (4), *yisün* 'девять' (2), *qогip* 'двадцать' (2)²⁴. Таким образом, из первой десятки в киргизских географических именах представлены 3, 5, 2, 4, 7, 10, в тувинских — 6, 7, 2, 3, 9, 10, в алтайских — 3, 2, 5, 7, 9, 10, 4, 6, 1, в монгольских — 3, 5, 2, 7, 4, 8, 10, 6, 9. Из остальных числительных в киргизских географических именах фигурируют 40, в тувинских — 20, 40, в алтайских — 1000, 100, 30, 50, в монгольских — 30, 1000, 40, 20. В казахской топонимии

²² А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М. 1973, стр. 196, 197.

²³ См.: О. Т. Молчанова. Числительные и счетные слова в алтайских топонимах.

²⁴ М. Haltod. Mongolische Ortsnamen. Wiesbaden, 1936, стр. 53.

мии, по мнению Т. Д. Джанузакова, особое место занимают числа 7, 9, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 1000²⁵.

Приведенные данные говорят о том, что по трем языкам (киргизский, алтайский, монгольский) ведущими числительными являются 3, 5, 2, 7. Данная унификация имеет не только этнографическое объяснение (преобладание нечета), но и психологическое, которое процитируем по книге В. З. Панфилова: «Однако способность непосредственного восприятия количества имеет одно существенное ограничение — такого рода восприятие возможно лишь в тех случаях, когда соответствующие множества состоят не более, чем из 7—9 предметов. Экспериментальные исследования показали, что такого рода ограничение обусловлено емкостью тех каналов, по которым соответствующие раздражители поступают через органы чувств человека (или животных). В статье Дж. А. Миллера, подводящей итоги соответствующих экспериментальных исследований, констатируется, что емкость этих каналов такова, что человек способен без подсчета правильно определять различие в количестве тех или иных раздражителей, воздействующих на какой-либо из органов чувств, только в том случае, если этих раздражителей будет семь с возможными отклонениями в ту или иную сторону на два, то есть в пределах 7 ± 2 »²⁶. Заслуживает внимания и то, что в топонимах в общем выражении количества посредством числительных и других счетных слов значительное предпочтение отдается понятию «два, пара». Вспомним количество форм с *кос-кош*, которые вместе с *эки* представляют уже внушительную цифру — 34 (из 128 топонимов, без учета повторяющихся имен), то есть 26,56%. Можно предполагать, что в топонимах, содержащих числительные от 1 до 9, происходило закрепление точносчетного характера представленного числа, в остальных число воспринималось как «много; большое количество; несметное множество». Известны случаи вхождения числительных в названия тюркских племенных объединений, где число имело чисто символическое значение²⁷. Существует мнение, что некоторые другие числительные, например, *үч* ('три'), были когда-то предельными числами со значением неопределенного множества, что находит свое выражение в топонимии, когда эти числительные по частотности своих вхождений в географические имена занимают первое место (в ряде тюркских языков, а также монгольском). В отношении *беш* ('пять') существует точка зрения об этимологической связи его с одним из названий руки (счет по пальцам: пять пальцев, рука-пятерня → пять). В. А. Гордлевский считал, что «30» было когда-то у тюрков максимальным числом²⁸. Кроме того, продуктивной для топонимики оказывается мысль о том, что числительное *бир* ('один'), употребленное в несобственном значении, становится своеобразным неопределенным артиклем²⁹. Как видно из приводившихся выше примеров, существительные после числительных стоят в единственном числе — явление, классифицированное К. Грёнбеком следующими словами: «Другим остатком старого лингвистического типа является хорошо известное явление, общее для всех современных тюркских языков, что

²⁵ Т. Д. Джанузаков. Основные проблемы сноматики казахского языка. Автореф. доктор. дисс., Алма-Ата, 1976, стр. 56—58.

²⁶ В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 163.

²⁷ См.: А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). Л., 1980, стр. 103.

²⁸ Подробный этимологический анализ числительных и их семантики см. в книге: Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, стр. 38—52.

²⁹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 142.

«после числовой или количественной единицы имя всегда в единственном числе»³⁰. Разумеется, в тюркских языках имеются случаи, когда существительные после числительных стоят во множественном числе³¹, однако в тюркской топонимии Горного Алтая таких примеров нет.

Итак, в данном разделе речь шла лишь об употреблении неопределенно-количественных числительных в географических именах. Категория количества в связи с именами значительно шире. Она касается как общетюркской противопоставленности единичности и множественности, различных типов самой множественности, так и способов выражения единичности и множественности. Географические имена дают примеры собирательной множественности (в том числе формы с *-лар*), а также неопределенной и определенной множественности. Топонимы, содержащие конкретный лексический и морфологический показатель множественности, относятся к узкой области референции, на что указывает небольшой процент одноименности и незначительное число географических номенов в их составе. Понятийная соотнесенность при этом изменяется. Хотя известное положение, гласящее о том, что категория качества предшествует категории количества и что они взаимно обусловлены и определены, касается языка в целом, тем не менее в географических именах они воплощаются синхронно³². Частотность и выбор числительных имеют свою этнографическую и психологическую мотивацию, демонстрируя известную материальную общность тюрко-монгольских языков.

³⁰ К. Grönbech. Указ. раб., стр. 65.

³¹ См. одну из многих работ: О. П. Анжиганова. Слобосочетания с именами числительными в качестве зависимого слова. — «Ученые записки ХНИИЯЛИ», 20, серия филологическая, № 3, Абакан, 1976, стр. 136—137.

³² Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 63—68.

Ю. М. НАСИБОВ

О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ТЕРМИНЕ «АГДЖАКАЛА» ИЗ ЭПОСА «ДЕДЕ КОРКУТ»

В огузском героическом эпосе «Книга моего деда Коркута» в числе завоеванных Казан-беком крепостей упоминаются *Агджакала* и *Сюрмели*. В примечаниях к русскому переводу эпоса об этих географических терминах говорится: «Агджа-Кала и Сюрмели — местности в Нахичеванской АССР»¹. Следуя упомянутым изданиям, Х. Г. Короглы также локализует их «в районе нынешней Нахичеванской АССР, в пойме реки Арпачай»².

Местоположение крепости *Сюрмели/Сурмари* ныне можно считать окончательно установленным по данным средневековых источников: на правом берегу реки Аракс, ниже от места впадения в нее реки Арпа (но не Арпачай в Нахичеванской АССР), в пределах нынешнего Кагызманского округа Карсского вилайета Турции³. Еще ан-Насави, автор середины XIII века, считал, что Сурмари «издревле входил в число округов Азербайджана»⁴. Крепость Сурмари, завоеванная огузами в правление Алп-Арслана в 1064 году⁵, и в последующем продолжала оставаться мощным оборонительным сооружением. Особенно возросло ее значение при атабеках Азербайджана Ильденизидах, когда крепость охраняла подступы к столице государства атабеков — Нахичевани⁶.

¹ «Деде Коркут». Пер. акад. В. В. Бартольда. Подготовили к печати Гамид Араслы, М. Т. Тахмасиб. Баку, 1950, стр. 353; «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962, стр. 279, прим. 27 к XI дастану.

² Х. Короглы. Огузский героический эпос. М., 1976, стр. 166. Отметим следующее: В. В. Бартольд установил из контекста, что имеются в виду два географических термина (см. изд. 1962 года, стр. 58), хотя в другом месте название крепости *Агджакала* он перевел как «Белая крепость» (см. там же, стр. 97). Нам представляется, что упоминание в героическом эпосе рядом двух географических названий несло определенную эмоциональную нагрузку, подчеркивая торжественность семидневных празднеств по случаю победы Казан-бека во всех владениях подчинявшихся ему элей — от *Агджакалы* до *Сюрмели* (*Сурмари* письменных исторических источников).

³ См., например, карту в кн.: З. М. Бунятов. Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1980, стр. 197.

⁴ *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З. М. Бунятова. Баку, 1973, стр. 259 (далее — ан-Насави).

⁵ «Материалы по истории Азербайджана из „Тарих-ал-Камил“ Ибн ал-Асира». Перевод П. Жузе. Баку, 1940, стр. 118 (далее — Ибн ал-Асир).

⁶ См.: З. М. Бунятов. Указ. раб., стр. 194.

Мощной твердыней в средневековье была и крепость Агджакала, первое известное нам упоминание о которой в историческом нарративном источнике относится к концу XV века. Это — сообщение грузинской хроники о том, что Ягуб-хан Аккоюнлу (1478—1490) в 1487 году послал военачальника Халил-бека «строить крепости Каозин и Агджакала»⁷. Грузинский географ и историк XVIII века Вахушти Багратиони, основываясь на этих сведениях, писал, что крепость Агджакала построил и дал ей название Ягуб-хан Аккоюнлу⁸. Грузинский исследователь Д. Л. Мухелишвили, исследуя историю крепости Агджакала, пришел к выводу, что мнение Вахушти ошибочно, ибо упоминаемая рядом с Агджакалой крепость *Каозин* — это хорошо известная из грузинских и армянских исторических источников XI—XIII веков, сильно укрепленная крепость *Кавазин*. К тому же обнаруженный на месте развалин Агджакалы археологический материал указывает на то, что в XI—XIII веках, если не ранее, крепость уже существовала, то есть в грузинской хронике при описании событий XV века говорится не о строительстве, а о восстановлении названных крепостей Халил-беком⁹ — военачальником Ягуб-хана. На основе анализа древнегрузинских и древнеармянских источников, а также материалов историко-географической экспедиции в Квемо (Нижнюю) Картли Д. Л. Мухелишвили приходит к выводу, что крепость Агджакала, известная по источникам XV—XVIII веков, идентична часто встречающейся в раннесредневековых источниках XI—XIII веков крепости *Гаг*, находившейся в ущелье на правом берегу реки Дебеда, в 2—2,5 км от нее¹⁰.

Впервые название крепости *Гаг* в грузинской и армянской исторической литературе упоминается в сочинениях XI века: в «Матиане Картлиса» («Летопись Картли»)¹¹ и у Асохика, упоминающего Гаг в связи с событиями последних лет X века, когда «Деметр, бывший начальником в Гагской крепости, отложившись от Гагика, изменил отцовской вере и перекрестился в веру иверийцев (грузин-диофизитов. — Ю. Н.)»¹². Согласно сведениям сравнительно позднего автора Вардана Великого (XIII в.), крепость Гаг была построена Гагиком Шаханшахом (990—1120) и названа в его честь¹³. Известно, что в древности и средневековье при возведении крепостей стремились использовать естественные выгоды рельефа — крепости в основном сооружались на месте слияния рек, на обрывистом плато или даже на скалистых вершинах гор, что способствовало их превращению в мощный укрепленный пункт. Одной из таких крепостей и была Агджакала — Гаг, построенная на скалистом

⁷ «Картлис цховреба». Т. II, Тбилиси, 1959, стр. 343 (далее — КЦ); «Очерки истории Грузии». Т. III, Тбилиси, 1979, стр. 749 (на грузинском языке).

⁸ Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания М. Г. Джанашивили. Тифлис, 1904, стр. 32.

⁹ Д. Л. Мухелишвили. Агджакала — крепость Гаги, стр. 116, 122. — В кн.: «Сборник по исторической географии Грузии, I», Тбилиси 1960, стр. 113—140. Здесь считаем уместным отметить, что крепость Кавазин находилась на правом берегу р. Шулавер, то есть крепости разделяла лишь р. Дебеда, чем объясняется совместное упоминание о них в источнике.

¹⁰ Там же, стр. 115, 130—131.

¹¹ КЦ, I, Тбилиси, 1955, стр. 313; см. русский перевод: «Матиане Картлиса». Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе, Тбилиси, 1976, стр. 58.

¹² «Всеобщая история Стапанноса Таронского, Асохика по прозвищу — писателя XI столетия». Переведена с древнеармянского и объяснена Н. Эмином. М., 1864, стр. 184.

¹³ «Всеобщая история Вардана Великого». Перев. с древнеармянского Н. Эмина. М., 1861, стр. 178.

холме, возвышающемся на 20—30, с западной скалистой стороны — до 35 метров над окружающей равниной¹⁴.

Д. Л. Мухелишвили, установив местоположение и доказав идентичность крепостей Агджакала и Гаг, однако, не избежал ошибки, предположив, что тюркский термин *Агджакала* («Тетри-цихе» — «Белая крепость») появился лишь в 80-х годах XV века, и присоединившись к мнению Вахушти Багратиони о том, что название крепости дал Ягуб-хан Аккоюнлу¹⁵. На ошибочность данного утверждения указывает текст эпоса «Книга моего деда Коркута», большинство дастанов которого повествуют о событиях XI—XII веков¹⁶.

Согласно историческим источникам, крепость Сефидшехр была завоевана огузами во время их похода в Закавказье во второй половине XI века. Крепость Сефидшехр соответствует крепости Тетри-цихе (Агджакала)¹⁷, причем грузинское название является более поздней калькой тюркского термина¹⁸. Завоевание этой крепости огузами нашло отражение также и в эпосе «Книга моего деда Коркута». Казан-бек, попавший в плен, говорит: «Раз я попался тебе в руки, гяур, убей меня... Тот, кого я на крутом возвышении заставил обращаться вспять, это, гяур, твой отец...; у Агджакалы я горячил своего коня, на коне я поскакал к народу Кагун'а, сокрушил башню их белой крепости»¹⁹. Ипользованное Казан-беком выражение «белая крепость» и само появление географического термина *Агджакала* нельзя считать случайным. Оно является закономерным отражением того факта, что «скала, на которой была построена крепость Агджакала (Гаг) и с которой она составляла единый ансамбль, представляла собой горную породу пепельно-белого цвета, создававшую в сочетании со светло-желтыми каменными стенами крепости впечатление цельного сооружения белого цвета»²⁰.

Агджакала вместе с некоторыми другими крепостями — Хорнабуджи, Агарани, Кавaziном — была передана Алп-Арсланом под управление вассала султана — гянджинского (арранского) правителя Фадлона. Сообщение, подтверждающее завоевание Алп-Арсланом в этот период крепости Агджакала (Гаг), имеется и в грузинском источнике, где говорится, что в 1069/1070 году после ухода этого завоевателя из пределов Закавказья «царь Баграт занял крепость Гаг»²¹. Однако крепость в руках грузинского царя оставалась недолго, ибо один из его противников — могущественный феодальный владетель Иване Багваши «захватил крепость Гаги у людей царя Гиорги (преемника умершего в 1072 году царя Баграта. — Ю. Н.) и продал Фадлону, владетелю Гянджи», который, таким образом, вновь стал владетелем этой крепости: «и пришел (тогда) султан Малик-шах врагом всех христиан»²². Указанный в источнике поход султана Малик-шаха, по предположению И. А. Джавахишвили, имел место в 1073/1074 годах²³ и отличался от предыдущих тем, что турки уже не ограничивались захватом добычи, а занимали все

¹⁴ Д. Л. Мухелишвили. Указ. раб., стр. 113.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Китаби-Дедэ Горгуд». Баку, 1962, стр. 5; Х. Корголы. Огузский героический эпос, стр. 157.

¹⁷ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ал-даулат ас-Салджукийя. Издание текста, перевод, введение, прим. и прил. З. М. Бунятова, М., 1980, стр. 190, прим. 10 к гл. 13 (далее — ал-Хусайни); см. также: Вахушти. География Грузии, стр. 32.

¹⁸ См.: Д. Л. Мухелишвили. Указ. раб., стр. 114—115.

¹⁹ «Книга моего деда Коркута», стр. 97.

²⁰ Д. Л. Мухелишвили. Указ. раб., стр. 115.

²¹ КЦ, I, стр. 313.

²² КЦ, I, стр. 316.

²³ И. А. Джавахишвили. История грузинского народа. II. Тбилиси, 1965, стр. 160 (на грузинском языке).

важные стратегические и административные пункты, оставляя в них свои гарнизоны, полностью подчинив своей власти всю восточную Грузию, Арран и Армению. В этот период «границей грузинского царства, — пишет анонимный грузинский автор первой половины XII века, известный в специальной литературе как летописец царя Давида, — были малые Лихские горы»²⁴. Управление вновь завоеванными территориями Азербайджана и Грузии султан Малик-шах передал своему двоюродному брату эмиру Кутб ад-Дину Исмаилу²⁵.

С того времени начался процесс массового расселения в этих местах тюркских племен. Особенно он усилился после занятия, по данным анонимного восточного источника, в 1075/1076 гг. города Тбилиси и окрестных территорий²⁶. Об этом сообщает и историк царя Давида, отмечающий, что «в то время (имеются в виду 70—80-е годы XI века. — Ю. Н.) города Тбилиси, Рустави, весь Сомхити²⁷ и Самцвилде и Агарани находились в руках тюрков»²⁸, которые, по словам того же автора, «осенью прибывали через Сомхити со всеми своими кочевьями, а затем оседали в Гачиани... В этих местах и ставили они свои шатры. А с приходом весны начинали они подниматься в горы (областей. — Ю. Н.) Сомхити и Арарата»²⁹. Приведенная цитата свидетельствует о заселении тюркскими племенами не только побережья рек Кура и Иори (Габырры), но и упомянутых областей. Под термином «Арарат», как это следует из контекста, подразумевается не только сама гора, но также прилегающий к ней горный массив. Горы областей «Сомхити и Арарата» источника — это горные хребты, расположенные от правобережья Куры до Арарата — Сомхетский, Бамбакский и Агри-Даг в пределах Кагызманского округа Турции, то есть именно те территории от Агджакалы (Гаг) до Сурмари, о которых в эпосе «Деде Коркут» говорит Казан-бек: «От самца тигра Белой скалы один мой корень, от льва Ак-Саза — другой мой корень...»³⁰. Под «Белой скалой», как уже нам известно, надо понимать Агджакалу, точнее, «цитадель (içkale) в Агджа-кала»³¹, а Ак-Сазом называлась местность на берегу реки Арпа, недалеко от ее впадения в Аракс³².

Вышеприведенные сопоставления текстов огузского эпоса и средневековых исторических источников, на наш взгляд, полностью подтверждают идентичность крепости Агджакала эпоса и крепости Агджакала/Гаги исторических хроник. Хотелось бы отметить, что отсутствие термина *Агджакала* в исторических сочинениях, написанных до XV века, объясняется развитием политических событий начала XII—XIII веков, когда после смерти султана Малик-шаха в государстве Сельджукидов началась длившаяся более десяти лет междоусобная война, в результате которой распалась пестрая в этническом и разьединенная в экономическом отношениях империя. Этим обстоятельством воспользовались

²⁴ «Жизнеописание царя царей Давида». КЦ, I, стр. 324 (в дальнейшем — историк Давида); Лихские горы — нынешний Сурамский хребет, горная цепь между Картли и Зап. Грузией.

²⁵ Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI веке. Тбилиси, 1968, стр. 317 (на грузинском языке), с отсылкой на книгу: I. Kafesoğlu. Sultan Melikşah Devrinde Büyük Selçuklu İmparatorluğu. İstanbul, 1953, стр. 115.

²⁶ Н. Н. Шенгелия. Указ. раб., стр. 302.

²⁷ Под этим термином в средневековых грузинских исторических сочинениях подразумеваются как Армения (по груз. «Сомхети»), так и южная часть Вост. Грузии от Куры до нынешних границ Армянской ССР.

²⁸ Историк Давида. КЦ, I, стр. 331.

²⁹ Там же, стр. 332.

³⁰ «Книга моего деда Коркута». стр. 97.

³¹ Там же, стр. 279, прим. 30 к XI дастану.

³² Там же, прим. 32 к XI дастану.

правители окраинных владений, в том числе грузинский царь Давид IV, в самом конце XI века отказавшийся платить харадж Сельджукидам, а с начала XII века приступивший к отвоеванию бывших владений грузинских царей. В 1110 году Давиду удалось захватить крепость Самшвилде — главный опорный пункт тюрок в Сомхити, «а когда узнали тюрки о взятии (грузинами) Самшвилде, то оставили множество крепостей в Сомхити и бежали», — пишет историк Давида³³. Есть все основания полагать, что тогда же тюрками была оставлена и крепость Агджакала, расположенная в Сомхити в регионе Самшвилде и находившаяся в их владении более трети века. После этого до самого монгольского нашествия Гаг/Агджакала входила в состав набиравшего силу грузинского царства и вновь стала называться именем своего основателя — Гагика Шаханшаха. Нам представляется, что именно поэтому даже мусульманский автор первой половины XIII века — пришедший из Средней Азии с Джалал ад-Дином его личный секретарь Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави — упоминает *Гаг*³⁴, а не *Агджакалу*, хотя его современник ал-Хусайни, а также Ибн ал-Асир по традиции продолжали пользоваться термином «Сефидшехр»³⁵ — персидской калькой с тюркского *Агджакала*. В XV веке после восстановления крепости Халил-беком, сохранившийся у тюркских элей, «уже давно обитавших в этих местах»³⁶, термин *Агджакала* вновь вошел в употребление и в дальнейшем, вплоть до своего окончательного разрушения в XVIII веке, крепость была известна лишь под этим названием.

³³ Историк Давида. КЦ, I, стр. 331.

³⁴ Ан-Насави, стр. 226.

³⁵ Ал-Хусайни, стр. 49; Ибн ал-Асир, стр. 119.

³⁶ «Очерки истории Грузии», стр. 749.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. А. ГАНИЕВ

СПОСОБЫ И ТИПЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Образование сложных слов — одно из весьма интересных и, можно сказать, диалектически противоречивых явлений в языке. Противоречивость эта обусловлена тем, что новое слово образуется из двух или более двух «старых» слов.

Сложные слова весьма распространены в немецком [1, 2], английском [3], японском [4] и хинди [5, 6] языках, в меньшей мере — во французском [7]. В славянских языках словообразование путем словосложения также играет существенную роль. Славянское словосложение было объектом исследования многих лингвистов, в том числе Ф. Миклошича [8], В. Ягича [9], Е. Дикенман [10], Т. Козминской [11] и др. В русском языкознании вопросы словосложения рассматривались еще в трудах М. В. Ломоносова [12], его идеи развивались в работах А. Х. Востокова [13], Ф. И. Буслаева [14], Ф. Ф. Фортунатова [15]. Наиболее полное отражение изучение словосложения в русском языке получило в трудах В. А. Богородицкого, Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Е. А. Василевской, К. Л. Рященцева [16—22] и многих других лингвистов.

В настоящее время значительная часть проблем образования сложных слов разрешена, однако есть и такие вопросы, которые еще ждут своего разрешения.

Советскими языковедами выявлены и в основном сформулированы отличия сложных слов от сходных языковых единиц — свободных синтаксических сочетаний и фразеологических выражений. В этом большие заслуги принадлежат А. И. Смирницкому и его ученикам. В изучение данной проблемы на материале алтайских и других языков значительный вклад вносят исследования В. З. Панфилова [23], А. А. Юлдашева [24] и С. Н. Муратова [81].

Для определения границ слова, в том числе сложного, А. И. Смирницким предложен критерий цельнооформленности. Он отмечает, что «именно своей цельнооформленностью, которой, вообще говоря, выражается и известная семантическая цельность, слово, даже сложное, отличается от свободного словосочетания, в частности — и от „идиоматического“ словосочетания, т. е. от так называемой фразеологической единицы и пр.» [25]. На эту же особенность указывает О. С. Ахманова: «Напротив, слова, какими бы они сложными не были, всегда выступают как цельнооформленные единицы — их техническая монолитность,

их цельнооформленность, естественно, является внешним выражением их смысловой монолитности» [26].

В определенной части языков мира, в частности в тюркских языках, цельнооформленность сложных слов выражается следующими критериями: 1) составляющие компоненты сложных слов имеют одно лексическое значение и в предложении выступают как один член; 2) компоненты сложного слова не могут разделяться третьим, имеющим самостоятельное значение словом, то есть они не могут располагаться дистантно; 3) между компонентами сложных слов существует взаимообусловленность и взаимопроникновение, в силу чего невозможно опустить какой-либо компонент без потери им смысла и целостности; 4) между сложными словами и свободными синтаксическими сочетаниями имеются также фонетико-просодические различия.

Следует отметить, что во многих трудах образование всех сложных слов рассматривается как сложение основ. Но, как показывает научный анализ, в индоевропейских и других языках часть сложных слов образовалась из словосочетаний (М. Д. Степанова [27], В. З. Панфилов [23], А. А. Юлдашев [24]).

До последнего времени словосложение в языкознании изучалось лишь с точки зрения лексико-грамматического характера составляющих сложное слово компонентов, что давало представление только о внешней структуре сложного слова, оставляя в тени взаимосвязь компонентов, и, следовательно, его внутреннюю сущность. Исследование словосложения с точки зрения взаимоотношения компонентов проводилось А. П. Баранниковым (на материале языка хинди) [6], М. Д. Степановой (на материале немецкого языка) [27], В. З. Панфиловым (на материале нивхского языка) [23] и др.

Академические грамматики русского языка, начиная с 70-х годов [28, 29], систему образования сложных слов исследуют по взаимоотношению их компонентов.

Проблема образования сложных слов в тюркских языках не менее сложна. Тюркология, находясь, как известно, под традиционным влиянием лингвистических теорий западноевропейских языков, отдельные вопросы образования сложных слов решает, к сожалению, подражательно, то есть переносит схемы (модели) словообразования иносистемных языков на тюркские языки, пренебрегая при этом присущими им внутренними закономерностями.

Некоторые исследователи относят тюркские языки к синтетическим [30], сводя на нет аналитические средства выражения грамматических значений и словообразования. Между тем, как убедительно показал А. А. Юлдашев, аналитизм в тюркских языках играет важную роль как в грамматике, так и в словообразовании [31].

Наличие сложных слов в тюркских языках отмечается уже в грамматике Ф. Менинского [32]. В известной мере отдельные виды сложных тюркских слов рассматриваются в грамматиках И. Гиганова, А. Казембека, А. Иванова, Г. Махмудова, Х. Фейзханова, М. Терентьева, Н. И. Ашмарина, Н. Ф. Катанова и др. [33—40].

А. Самойлович и Н. П. Дыренкова также останавливаются на сложных словах, но подробных сведений о них не дают [41—44]. Тюркологами В. А. Гордлевским, В. М. Насиловым, Н. К. Дмитриевым, А. Н. Кононовым, Н. А. Баскаковым, В. Н. Хангильдиным и другими также рассматривалось словосложение в тюркских языках и решены многие его вопросы. В их грамматиках имеются ценные теоретические положения о словосложении [45—50].

Весьма интересные сведения о словосложении имеются в коллективных грамматиках тувинского, узбекского, казахского, азербайджанского, туркменского, татарского и других языков [51—59].

Рассмотрению словосложения в тюркских языках в том или ином аспекте посвящено большое количество работ и статей, в которых приводятся интересные факты и решаются многие частные вопросы [60—73]. Однако по ряду тюркских языков такие исследования отсутствуют. Насколько нам известно, проблема словосложения системно (включая все знаменательные части речи) ни в одном из тюркских языков не изучена, хотя за последнее время и появились специальные работы, посвященные структуре сложных слов и образованию их отдельных типов в различных тюркских языках [см. исследования А. Т. Кайдарова (уйгурский язык), Т. М. Гарипова (башкирский), С. Н. Муратова (тюркские языки), Б. О. Орузбаевой (киргизский), А. Хаджиева, Н. Маматова (узбекский), М. А. Хабичева (карачаево-балкарский язык) и др.]. Образованию сложных глаголов посвящены работы А. Г. Алекперова (азербайджанский язык), А. А. Юлдашева (тюркские языки), Д. М. Насилова (алтайские и тюркские языки), Н. О. Оралбаевой (казахский язык), А. И. Тыбыковой (алтайский язык), М. М. Текуева (карачаево-балкарский язык).

В тюркологии, как уже отмечалось выше, сложилась давняя традиция изучения образования сложных слов по лексико-грамматическому характеру их компонентов. Этот метод изучения позволяет получить правильное представление лишь о внешней структуре сложных слов, без проникновения в их внутреннее содержание и условия возникновения семантики. Исследование образования сложных слов по взаимоотношению компонентов раскрывает их внутреннюю структуру, степень спаянности (слитности), семантические особенности. Поэтому именно данный метод изучения должен быть принят за основу. Установление лексико-грамматического характера компонентов явится дополнительным средством исследования, также служащим изучению взаимоотношения компонентов.

В тюркских языках, в том числе татарском, отмечаются три основных способа образования сложных слов: 1) сложение основ; 2) переход словосочетаний в сложные слова; 3) переход словосочетаний в сложные слова при их суффиксации.

Следует отметить, что в тюркологии переходу словосочетаний в сложные слова, как правило, до сих пор не уделялось должного внимания. Во многих грамматиках и специальных трудах лексикализация словосочетания рассматривается как сложение основ, что приводит к полному искажению картины образования сложного слова. Исследователи языка часто недооценивают значение анализа условий перехода словосочетаний в сложные слова, а также выяснения особенностей изменения семантики комбинаций и характера изменений взаимоотношений компонентов, что приводит их к неверным выводам. Исключение в этом отношении составляют лишь отдельные исследования (С. Н. Муратова, А. А. Юлдашева, Т. М. Гарипова, Н. Маматова). Следует учитывать и то, что иногда в сложные слова могут переходить и устойчивые словосочетания, утрачивая при этом свою образность и экспрессивно-эмоциональную окраску.

Образование сложных слов имеет свои типы, каждый из которых представляет собой формально-семантическую структурную схему, абстрагированную от конкретных лексических единиц и отличающуюся от других лексико-грамматическим характером одного из компонентов (например, «существительное+существительное», «прилагательное+су-

ществительное», «существительное+прилагательное» и т. д.). Каждый тип образования сложных слов имеет ряд моделей.

Модель образования сложных слов представляет собой формально-семантическую схему построения слов, абстрагированную от конкретных лексических единиц, и отличается от других моделей характером грамматической формы или семантической группой одного из своих компонентов в пределах той же части речи (например, внутри типа парного слова «глагол+глагол» имеются следующие модели: «имя действия+имя действия», «форма повелительного наклонения+форма повелительного наклонения», «форма прошедшего категорического времени+форма прошедшего категорического времени» и т. д.).

Сложение основ. В татарском языке наблюдается два вида сложения основ: 1) сложение с сочинительным отношением компонентов; 2) сложение с подчинительным отношением компонентов. При сложении с подчинительным отношением компонентов, в свою очередь, можно выделить: 1) сложение с атрибутивным отношением компонентов, 2) сложение с комплетивным отношением компонентов.

При исследовании образования сложных слов бывает весьма трудно установить, как возникло изучаемое сложное слово: путем лексикализации словосочетания или сложением основ?

Если в языке существует соотносительное сложному слову словосочетание, то, естественно, данная комбинация нами рассматривается, как образование, полученное путем лексикализации словосочетания. Если же такое соотносительное со сложным словом свободное словосочетание отсутствует или не существует реального предмета или действия, обозначаемого возможным словосочетанием, то следует думать, что данное сложное слово не могло возникнуть путем лексикализации словосочетания.

Сложение слов с сочинительным отношением компонентов. Данный вид сложения образует парные слова, которые свойственны тюркским языкам с древнейших времен и представлены в них весьма широко. В русском языке также существуют подобные образования: «лестостепь», «фабрика-кухня», «северо-запад», «юго-восток», «железобетон», «сербохорваты» (см. «Граматику современного русского литературного языка». АН СССР. М., 1970, стр. 162). В этой же грамматике приведен пример «бой-баба». Однако в последнем слове, на наш взгляд, отношение между компонентами не сочинительное, а атрибутивное, ибо, во-первых, между ними невозможно употребить союз «и», и, во-вторых, компонент «бой» отвечает на вопрос не «кто?» или «что?», а «какая баба?» («бой-баба»). Таким образом, можно заключить, что на определенном этапе развития русского языка слово «бой» имело значение и прилагательного. Как видно, компоненты приведенных образований в русском языке пишут и слитно, и через дефис. Для наиболее правильного отражения языковой природы данных слов, как нам кажется, следовало бы унифицировать их орфографирование.

С нашей точки зрения, первой и главной причиной образования парных слов в тюркских языках является смешение языков родственных племен и народов. Мы вполне разделяем мнение Т. А. Дегтяревой, утверждающей, что «эти парные сращения возникают в эпоху межплеменных контактов, когда создается необходимость использовать разноплеменную, а иногда разноязычную лексику с целью сделать высказывание понятным для носителей разных родственных языков» [74, стр. 136].

Это положение подтверждается материалом тюркских языков. Так, например, в парных словах *савыг-саба* 'посуда', *бала-чага* 'дети', *мал-туар* 'скот', *иген-тару* 'урожай', *азык-төлек* 'продовольствие', *исе-коңгысы* 'утар, чад' и т. п. оба компонента в отдельности обозначают примерно одно и то же понятие. Однако первые из них употребительны лишь в татарском литературном языке, вторые же вообще в нем отсутствуют. Они встречаются только в отдельных диалектах татарского языка или же в других тюркских языках. Так, например, компоненты *саба* 'бурдюк', *чага* 'дитя' отмечаются в диалектах татарского языка, компоненты *туар* 'скот', *тару* 'урожай', *төлек* 'продовольствие' употребительны в казахском, уйгурском, киргизском, балкарском и других тюркских языках. Подобного рода языковые факты свидетельствуют об интенсивности процесса смешения тюркских народов и племен.

Таким образом, можно полагать, что сложение двух разных слов с одинаковым значением, принадлежащих различным тюркским диалектам (племенам) или языкам (народам), вызывалось необходимостью сделать эти слова понятными представителям данных племен или народов. С этих позиций может быть раскрыто лексическое значение многих парных слов, семантика компонентов которых, с современной точки зрения, является недостаточно ясной. Так, у парных слов, оба компонента которых считаются асемантичными [47, стр. 79], по крайней мере первая часть имеет этимологические связи с другими словами: *ыбыр-чыбыр* 'мелюзга', *ыгы-зыгы* 'сутолока' (ср. диалектальное *ыгы+ш* 'возиться, копошиться', ср. киргизское *ыбыр+сы* 'быть разной мелочью'), *эвеш-туеш* 'купля-продажа' (ср. *эве+р* 'превратить'), *алам-салам* 'старье' (ср. *алама* 'плохой, худой'), *ырык-шырык* 'туда и сюда' (ср. *ыры+п-еры+п* 'протискиваясь'), *урык-сурык* 'урывками, редко' (ср. *урынтып* 'скрытый') и т. д.

Часть парных слов выполняла в свое время функцию выражения множественности, собирательности обозначаемых предметов. Для этой цели использовались два синонимичных или близких по значению слова¹: *дус-иш* 'друзья' (*дус* 'друг' и *иш* 'пара'), *мәкәр-хәйлә* 'плутня' (*мәкәр* 'коварство' и *хәйлә* 'хитрость'), *кардәш-ыру* 'родня' (*кардәш* 'родственник' и *ыру* 'род'), *туган-тумача* 'родственники' (*туган* 'родной' и *тумача* 'родственник дальний').

К тому же парные слова создавались и использовались для выражения экспрессивных значений, например, эмоциональной окраски с оттенком фамильярности или иронии. В этом случае в качестве второго компонента используется то же слово, но несколько фонетически измененное. При этом парное слово объективно обозначает собирательность или неопределенную множественность [47, стр. 77]. Второй компонент реально в языке не существует, он выступает только в составе парного слова и является измененным аналогом первого компонента, не имеющим лексического значения: *карт-коры* 'старики', *чокыр-чакыр* 'овраги', *карчык-корчык* 'старушки'. Данные образования отличаются от форм множественного числа *картлар* 'старики', *чокырлар* 'овраги', *карчыклар* 'старушки' усилением значения собирательности и своей эмоциональной окраской.

Парные слова возникали также при образовании собирательного или абстрактного понятия. С этой целью использовались лексемы, обо-

¹ Редупликация одной и той же основы для обозначения множественности встречается в тюркских языках как реликтовое явление; *чиләк-чиләк* 'ведрами', *вагон-вагон* 'вагонами'.

значающие понятия, находящиеся в какой-либо близкой связи или близких отношениях: *уку-укыту* 'обучение' (*уку* 'учеба' и *укыту* 'обучать'), *баш-тояк* 'гольё' (*баш* 'голова' и *тояк* 'копыто'), *сет-катык* 'молочные продукты' (*сет* 'молоко' и *катык* 'кислое молоко'), *куз-колак* 'контроль, присмотр' (*куз* 'глаза' и *колак* 'уши'), *уен-көлке* 'веселье' (*уен* 'игра' и *көлке* 'смех') и т. п. Как свидетельствуют данные примеры, при сложении с сочинительным отношением компонентов образуются слова с более обобщенным и собирательным значением.

В татарском языке существует двадцать четыре типа образования парных слов. Так, сложных существительных с сочинительным отношением компонентов четыре типа («существительное+существительное»: *ил-су* 'родина', *савыт-саба* 'посуда', *сарык-үгез* 'овцебык', *көнъяк-көнбатыш* 'юго-запад'; «глагол+глагол»: *уру-сугу* 'уборка', *язу-сызу* 'писанина', *эйлән-бэйлән* 'хоровод', *кап-йот* 'живоглот'; «предикативное слово+предикативное слово»: *юк-бар* 'вздор'; «звукоподражательное слово+звукоподражательное слово»: *гөр-гөр* 'жмурки'). Сложных прилагательных с сочинительным отношением компонентов восемь типов («существительное+существительное»: *юл-юл* 'полосатый', *дулкын-дулкын* 'волнообразный'; «существительное+прилагательное»: *идея-политик* 'идейно-политический'; «прилагательное+существительное»: *мәдәни-көнкуреш* 'культурно-бытовой'; «прилагательное+прилагательное»: *ак-кара* 'черно-белый', *карлы-буранлы* 'снежный', *эленке-салынкы* 'обвислый'; «прилагательное+слово-эхо»: *яргы-йорты* 'половинчатый', *иләс-миләс* 'ветренный'; «глагол+глагол»: *килде-китте* 'неуравновешенный'; «наречие+наречие»: *русча-татарча* 'русско-татарский'; «предикативное слово+предикативное слово»: *юклы-барлы* 'незначительный'). Сложных наречий с сочинительным отношением компонентов шесть типов («существительное+существительное»: *ара-тирә* 'изредка'; «глагол+глагол»: *борычлап-тозлап* 'крепко'; «числительное+числительное»: *йөзгә-меңгә* 'очень редко'; «прилагательное+прилагательное»: *урынлы-урынсыз* 'невпопад'; «наречие+наречие»: *яшерен-батырын* 'скрытно', *өгә-жөгә* 'воркуя'; «предикативное слово+предикативное слово»: *барга-юкка* 'из-за пустяка') и т. д.

Подобным способом образуется также значительное количество звуко- и образоподражательных слов и междометий.

Сложение слов с подчинительным отношением компонентов. Сложение слов с атрибутивным отношением компонентов. В современном татарском языке имеется значительное количество сложных слов, образованных на основе атрибутивных отношений компонентов. В них первый компонент выступает в роли атрибута (определения) второго компонента, хотя между ними живой атрибутивной связи и не наблюдается. Об этой связи можно говорить лишь условно, то есть в плане условного соответствия отношений элементов композита связи слов атрибутивных словосочетаний.

Насколько нам известно, в тюркологии не сформулировано даже само понятие «словосложение с атрибутивным отношением компонентов», ибо фактически изучение словосложения на основе атрибутивных отношений компонентов только начинается [75]. Сложные слова данного типа в какой-то мере и ранее изучались тюркологами, однако, как уже отмечалось выше, не с точки зрения отношений их компонентов [76—85]. Сложных существительных с атрибутивным отношением компонентов имеется шесть типов («существительное+существительное»: *жизгелан* 'медянка'; «прилагательное+существительное»: *карабодай* 'гречиха', *кызылмал* 'мануфактура'; «местоимение+существительное»: *узкыймат* 'себестоимость'; «числительное+существительное»: *кырыккарта* 'рубец'; «глагол+существительное»: *янартау* 'вулкан'; «звукоподражательное

слово+существительное»: *мыраубикә* 'киса'); сложных прилагательных с атрибутивным отношением компонентов — двенадцать типов («существительное+существительное»: *дәньякуләм* 'всемирный'; «существительное+прилагательное»: *алмачуар* 'серый в яблоках'; «прилагательное+существительное»: *ачәрвях* 'худощавый'; «прилагательное+прилагательное»: *каракүк* 'темно-синий'; «местоимение+существительное»: *үзбаш* 'самостоятельный'; «местоимение+прилагательное»: *үзйөрешле* 'самоходный'; «числительное+прилагательное»: *бертигез* 'равный'; «числительное+числительное»: *бердәнбер* 'единственный'; «частица+прилагательное»: *һичшиксез* 'безусловный'; «частица+числительное»: *һичбер* 'никакой'; «наречие+прилагательное»: *ультракыска* 'ультракороткий'); сложных наречий с атрибутивным отношением компонентов — тринадцать типов; сложных местоимений с атрибутивным отношением компонентов — пять типов. Отдельные типы имеют по несколько моделей.

Как показывает анализ сложений слов с атрибутивным отношением компонентов, наиболее продуктивным при данном способе является образование существительных, прилагательных и наречий, менее продуктивно образование местоимений. Самым продуктивным и интересным в образовании сложных существительных предстаёт тип «существительное+существительное». Многие словосочетания этого типа возникли в древний период языка. Отдельные отношения между компонентами в сложных словах данного типа в живых словосочетаниях уже не встречаются.

Анализ отношений между компонентами словосложения «существительное+существительное» показывает, что некогда в татарском языке существительные в функции и значениях прилагательного употреблялись гораздо шире. Практически почти все существительные могли функционировать и как прилагательные. В образовании сложных существительных продуктивными являются такие типы как «прилагательное+существительное», «местоимение+существительное», остальные типы непродуктивны.

Среди сложных слов с атрибутивным отношением компонентов встречаются кальки и полукальки самого позднего периода: *үзидарә* 'самоуправление', *үзиндукция* 'самоиндукция', *ультракыска* 'ультракороткий' и т. д. Сложные слова данного типа являются результатом словосложения на почве татарского языка.

Сложение с комплетивным отношением компонентов. В татарском языке имеется значительный пласт сложных слов с комплетивным отношением компонентов. Понятие «комплетивное отношение» включает в себя объектное и обстоятельственное отношения. Эти отношения нами объединены в одно понятие во избежание дробного изложения материала.

Как показывает материал татарского языка, большинство сложных существительных и наречий с комплетивным отношением компонентов возникло путем лексикализации словосочетаний. Тем не менее, в татарском языке встречаются сложные существительные и наречия, образованные путем сложения основ с комплетивным отношением: *радиотаншыру* 'радиопередача', *радиоалгыч* 'радиоприемник' и т. п. Как правило, наблюдается всего один тип образования таких слов с комплетивным отношением — «существительное+существительное». Отдельные сложные существительные данного образования могут иметь усеченные или связанные компоненты: *аэрозчү* 'аэросев', *метеокүзәтү* 'метеонаблюдение', *вибросүндергеч* 'виброгаситель'.

Часть сложных глаголов (*хезмәт итү* 'служить') также возникла на базе комплетивного отношения компонентов. Сложные глаголы, обра-

зованные сложением неглагола с глаголом, хотя и напоминают по внешней структуре свободные и устойчивые словосочетания, в действительности ими не являются. Они характеризуются всеми теми признаками, которые присущи сложным словам и отличаются от свободных глагольных словосочетаний: 1) единым значением, 2) единой синтаксической функцией, 3) отсутствием живых синтаксических связей между компонентами, которые свойственны свободным глагольным словосочетаниям.

Значения большинства сложных глаголов, образованных от неглаголов, более или менее семантически прозрачны, однако отдельные сложные глаголы могут иметь индивидуальное, иногда даже переносное значение.

Как показывает научный анализ образования сложных глаголов от неглаголов, в качестве их первых компонентов могут выступать существительные, прилагательные, местоимения, числительные, наречия, междометия, звукоподражательные и образоподражательные слова. Наиболее продуктивными являются существительные и звукоподражательные слова, менее продуктивны прилагательные, остальные части речи вообще непродуктивны.

С точки зрения генезиса, первыми компонентами в большинстве случаев выступают татарские слова. Определенный пласт первых компонентов сложных слов составляют арабо-персидские заимствования: *өмет иту* 'надеяться', *дога кылу* 'молиться'. Заимствования из русского и через посредство русского языка также могут выступать первыми компонентами сложных слов: *аккомпанировать иту* 'аккомпанировать', *дирижерлык иту* 'дирижировать'.

По структуре первые компоненты сложных глаголов могут быть производными (*юк иту* 'уничтожить', *тәмам булу* 'кончиться', *хәкөм иту* 'осудить'), суффиксальными (*батырчылык иту* 'сметь', *укытучылык иту* 'учительствовать', *шефлык иту* 'шефствовать'), сложными (*мелт-мелт иту* 'мигать', *тек-тек иту* 'тикать' и т. д.). Сложные глаголы, образованные от неглаголов, могут быть как переходными (*иҗат иту* 'творить', *кунак иту* 'угощать', *мәҗбүр иту* 'заставить', *фаш иту* 'разоблачить'), так и непереходными (*фаш булу* 'разоблачаться', *харап булу* 'погибнуть', *кыючылык иту* 'сметь').

Вторые компоненты сложных глаголов выполняют все функции финитного глагола. Им свойственны все категории глагола: наклонение, время, аспект, способы действия, залог, число, лицо.

Составные глаголы типа «деепричастие+глагол» в тюркских языках также образуются на основе комплетивного отношения: два глагола путем сложения образуют сложную лексическую единицу, один из них принимает форму деепричастия, другой — личную форму. В семантике их также происходит изменение; основной глагол выражает главное значение, а модифицирующий глагол — дополнительное, уточняющее, конкретизирующее. В качестве основного глагола, как правило, выступают первые компоненты, то есть деепричастные формы. Однако, как свидетельствуют факты языка, основным глаголом может быть и второй компонент — глагол в личной форме. Составные глаголы не выражают категорию совершенного и несовершенного вида (см. работы А. Н. Кононова, Б. А. Серебrenникова, Н. А. Баскакова, В. М. Насилова, А. К. Алекперова, Д. М. Насилова, А. А. Тыбыковой, Н. О. Оралбаевой, М. М. Текуева и др.). Они характеризуют различные способы или особенности протекания действия. Модифицирующие глаголы вносят в основной глагол дополнительный лексический оттенок, поэтому составные глаголы никак не могут рассматриваться как сложные (аналитические) формы глагола. Они являются сложными лексическими едини-

цами языка, а не грамматическими формами. В современном татарском языке их количество достигает по самым скромным подсчетам нескольких десятков тысяч. Модифицирующие глаголы составляют ограниченный круг слов, в татарском языке — их всего двадцать пять.

Составные глаголы как самостоятельные лексические единицы языка (*укып чыгу* 'прочитать, прочитывать') должны занять свое законное место во всех типах словарей [86, 87]. В грамматиках их изучению должно быть отведено специальное место. Особенности их возникновения, типы, их значения должны изучаться в разделе «Словообразование».

Переход словосочетаний в сложные слова. Как известно, в абсолютном большинстве последних тюркологических исследований, посвященных сложным словам, переход словосочетаний в сложные слова не рассматривается как один из способов образования сложных слов. Лексикализация словосочетания квалифицируется как сложение слов, благодаря чему совершенно искажается картина возникновения сложных слов.

В сложные слова могут переходить как предикативные, атрибутивные, так и комплетивные словосочетания.

В татарском языке имеется значительное количество сложных слов (существительных, прилагательных, глаголов и наречий), образованных путем лексикализации словосочетаний. Определенный пласт антропонимов и топонимов также является результатом перехода словосочетания в сложное слово.

Сложные слова, возникшие путем лексикализации словосочетания, являются сложными по составу, а не по способу словообразования. Так, слово *өчпочмак* 'треугольник' представляет собой сложное слово, но оно образовано путем перехода словосочетания *өч почмак* 'три угла' в ряд сложных слов. Такого типа сложных слов в языке много. Например, сложное слово *дүртпочмак* получено не сложением компонентов *дүрт* 'четыре' и *почмак* 'угол', а путем переосмысления всего словосочетания *дүрт почмак*, в результате чего возникло новое понятие — четырехугольная геометрическая фигура. Таким образом, за данным словосочетанием окончательно закрепилось значение «четырёхугольник». При этом произошли существенные лексико-грамматические изменения. Во-первых, исчезла синтаксическая связь, вследствие чего утратилась самостоятельность компонентов словосочетания. Теперь они в предложении не могут выступать как члены предложения. Во-вторых, исчезла некоторая пауза, приступ, имеющиеся между самостоятельными словами словосочетания. В-третьих, произошло просодическое изменение: одно из самостоятельных ударений словосочетания перестало существовать. В-четвертых, словосочетание стало обозначать единое понятие. Таким образом, переход словосочетания в сложное слово сопровождается существенными изменениями лексико-грамматического и фонетико-просодического характера.

Переход предикативных словосочетаний в сложные слова. В современном татарском языке существуют следующие типы перехода предикативных словосочетаний в сложные слова: в существительные («существительное+глагол»: *үрмәкүчкач* 'кузья', *кошкунмас* 'крушина'; «существительное+предикативное слово»: *Илбар* 'имя собственное'; «существительное+прилагательное»: *Илшат* 'имя собственное'), в прилагательные («существительное+прилагательное»: *тамаксау* 'прожорливый'), в глаголы («существительное+глагол»: *салкын тию* 'простудиться').

Атрибутивные словосочетания также переходят в существительные («числительное+существительное»: *өчбуын* 'трином', *сигезаяк* 'осьминог', «прилагательное+существительное»: *аксакал* 'аксакал', *озынборын*

‘комар’) и в прилагательные («существительное+существительное»: *сѣздалды* ‘предсѣздовский’, *суасты* ‘подводный’, «существительное+послелог»: *көмешсыман* ‘серебристый’). Лексикализация комплетивных словосочетаний в татарском языке образует сложные существительные («существительное+глагол»: *субүләр* ‘водораздел’, *эшкур* ‘делец’, «местоимение+глагол»: *үзсәяр* ‘эгоист’, «наречие+глагол»: *тиктормас* ‘непоседа’), сложные прилагательные («существительное+прилагательное»: *эшкә казанган* ‘заслуженный’, «существительное+прилагательное»: *эшкә яраклы* ‘деловой’, «наречие+глагол»: *электән килгән* ‘традиционный’), сложные глаголы («существительное+глагол»: *кыш чыгу* ‘зимовать’, *кул кую* ‘расписаться’), сложные наречия («существительное+наречие»: *йөзтүбән* ‘ничком’ и т. д.).

Сложные слова в татарском языке могут образоваться и путем лексикализации словосочетаний при одновременной их суффиксации. В языке они представлены значительным количеством типов (*кызылфлот+чы* ‘краснофлотец’, *бишьел+лык* ‘пятиметка’, *көнкур+еш* ‘быт’, *күккүз+ле* ‘голубоглазый’, *искит+кеч* ‘удивительный’, *юлкую+чан* ‘уступчивый’ и т. д.).

Таким образом, как показывает языковой материал, в современном татарском языке по самым скромным подсчетам имеется свыше ста типов образования сложных слов, некоторые из этих типов имеют по несколько моделей. Исследование структуры сложных слов свидетельствует о том, что татарский язык и в области словообразования является агглютинативно-аналитическим.

ЛИТЕРАТУРА

1. K. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Ленинград, 1962, стр. 327—351.
2. «Grammatik der deutschen Sprache». Leipzig, 1968.
3. О. Д. Мешков. Словообразование современного английского языка. М., 1976.
4. А. А. Пашковский. Словообразование в современном японском языке. (Типы сложных и аффиксальных слов). Автореф. докт. дисс., М., 1952.
5. Гурӯ Камтапрасад. Грамматика хинди. М., 1952, стр. 157—176, 270—309.
6. А. П. Баранников. Хиндустани (урду и хинди). Ленинград, 1934, стр. 132—134.
7. А. Доза. История французского языка. М., 1956, стр. 158.
8. F. Mickloschic. Die nominale Zusammensetzung im Serbischen. Wien, 1863.
9. V. Jagic. Die slavischen Composita in ihrem Sprachgeschichtlichen Auftreten. — «Archiv für slavische Philologie». Band XX—XXI, Berlin, 1898—1899.
10. E. Dickenmann. Untersuchungen über die Nominalkomposition im Russischen. Teil 1, Leipzig.
11. Т. Б. Козминская. Сложные слова в современном чешском языке. Автореф. канд. дисс., Киев, 1955.
12. М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7, М.—Л., 1952, стр. 409.
13. А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1828, стр. 5.
14. Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1968, стр. 89.
15. Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. СПб., 1897—1898, стр. 245.
16. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1925.
17. Л. А. Булаховский. Русский литературный язык. Т. I, Киев, 1952.
18. В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947.
19. Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию — «Известия АН СССР: ОЛЯ», т. V, вып. 4, 1946.
20. А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ. — «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 5, 1948.
21. Е. Д. Василевская. Словосложение в русском языке. М., 1962.
22. К. Л. Ряшенцев. Сложные слова в современном русском языке. Автореф. докт. дисс., М., 1969.
23. В. З. Панфилов. Сложные существительные в нивхском языке и их отличие от словосочетаний (к проблеме слова). — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.
24. А. А. Юлдашев. К характеристике тюркских сложных слов. — «Вопросы языкознания», 1969, № 5.
25. А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «тождества» слова) — «Труды института языкознания АН СССР», т. IV, М., 1954, стр. 4.

26. О. С. Ахманова. К вопросу об отличии слов от фразеологических единиц. — «Труды института языкознания АН СССР», т. IV, М., 1954, стр. 51.
27. М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.
28. «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970.
29. «Русская грамматика». Т. I, М., 1980.
30. С. Усманов. Морфологические особенности слова в современном узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1964, стр. 147.
31. А. А. Юлдашев. Аналитические формы в тюркских языках. М., 1965.
32. F. Meninski. Linguarum orientalium turcicae, arabicae, persicae institutiones seu Grammatika Turcicae. Viennae, 1668.
33. И. Гиганов. Грамматика татарского языка. СПб., 1801, стр. 45.
34. М. А. Казембек. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839, стр. 160—180.
35. М. Иванов. Татарская грамматика. Казань, 1842, стр. 21.
36. Г. Махмудов. Практическое руководство к изучению татарского языка. Казань 1857, стр. 144—166.
37. Х. Фейзханов. Краткая татарская грамматика. СПб., 1862.
38. М. Терентьев. Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб., 1875, стр. 205—208.
39. Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Часть I, II. Фонетика и морфология. Казань, 1898, стр. 103—110.
40. Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского наречия. Казань, 1903, стр. 131—400, 727—728.
41. А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 43—44.
42. Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 42.
43. Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.
44. Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
45. В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 63.
46. В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 58, 118, 127.
47. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. Морфология. М.—Л., 1948.
48. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. М., 1952.
49. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 100—139.
50. В. Н. Хангилдин. Татар теле грамматикасы. Казань, 1954.
51. Ф. Г. Исаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 106.
52. «Хазирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1957, стр. 287—303.
53. «Хазирги заман туркмен дили». Ашгабад, 1960, стр. 104.
54. «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 120—129.
55. «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 38.
56. «Грамматика туркменского языка». Ашхабад, 1970, стр. 72—74, 309—330.
57. «Хазерге татар әдәби теле». Казань, 1965, стр. 189—190, 199—200, 227—228.
58. «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 152—154.
59. З. М. Вәлиуллина, К. З. Зиннәтуллина, М. А. Сәғыйтов. Хазерге татар ыдаби теле морфологиясе. Казань, 1972, стр. 31—35.
60. См. Н. К. Дмитриев. О парных словосочетаниях в башкирском языке. — «Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук», серия VII, № 7, 1930, стр. 501—502.
61. Г. Алпаров. Сайланма хезмәтләр. Казань, 1945, стр. 29, 62, 75, 91, 181.
62. Е. И. Убрятова. Парные слова в якутском языке. — В сб.: «Язык и мышление», т. XI, 1948.
63. С. П. Горский. Аналитические и синтетические тенденции в чувашском языке. — «Записки Чувашского НИИЯЛИ», вып. I, Чебоксары, 1941.
64. А. Г. Гуломов. Узбек тилида сўз ясаш йуллари хақида. — «Труды ИЯЛИ АН Узбекской ССР», вып. I, 1949.
65. Р. М. Муллина. Сложные слова в языках тюркской системы. — «Ученые записки Казахского государственного университета», т. 13, вып. 5, Алма-Ата, 1951.
66. С. К. Кенесбаев. Қос сөздердің кейбір жасалу жолдары. — «Ученые записки Казахского государственного университета», т. XI, Алма-Ата, 1946, стр. 38—45.
67. Г. Н. Джаркешева. Қазақ тилинде біріккен сөздер. — «Известия АН Казахской ССР», № 82, серия лингвистическая, вып. 6, Алма-Ата, 1950, стр. 57—60.
68. В. Г. Егоров. Словосложение и значение его в истории языка. — «Ученые записки чувашского государственного университета», вып. I, Чебоксары, 1953, стр. 15.
69. Ш. А. Рамазанов. Татар теле буюнча очерклар. Казань, 1954, стр. 151.
70. Ж. Ш. Шукуров. Кыргыз тилиндеги татаал сөздер. — «Известия АН Киргизской ССР», Фрунзе, 1955.
71. Б. М. Юнусалиев. Синтаксические образования корневых слов. — «Труды ИЯЛИ АН Киргизской ССР», вып. V, Фрунзе, 1956, стр. 95—105.
72. Ф. С. Фасеев. Татар телендә кушма сүзләргә карата. — Журн. «Совет мәктәбе», 1957, № 4, стр. 55—61; его же. Татар телендә терминология, Казань, 1969.

73. Х. Р. Курбатов. Татар телендә кушма сүзләр язылышы. — «Татар теле һәм әдәбияты», Казан, 1959, стр. 123—132.
74. Т. А. Дегтярева. Пути развития современной лингвистики. III т., М., 1964, стр. 136.
75. Ф. А. Ганиев. Методы и принципы изучения сложных слов в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1977, № 4.
76. Ж. Ш. Шукуров. Кыргыз тилиндеги татаал сөздөр. Фрунзе, 1955.
77. М. И. Адилев. Мүәсир азербайжан дилинде мурәккәб сөзләр (исим-сифәт). Баку, 1957.
78. М. И. Адилев. Сложные слова в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1958.
79. Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959.
80. С. Чәфәров. Азербайжан дилинде сөз јарадычылығы. Баку, 1960.
81. С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
82. Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964.
83. А. Хожиев. Узбек тилида кушма, жуфт ва такрорий сүзлар. Тошкент, 1963.
84. М. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
85. Н. Маматов. О классификации сложных слов в узбекском языке. — «Советская тюркология», 1976, № 4 и др.
86. Ф. А. Ганиев. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963, стр. 41.
87. Ф. А. Ганиев. Сложные глаголы в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 63—66.

Ш. КУРБАНОВ

ОБ УЧИТЕЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И ИСТОЧНИКЕ СКАЗКИ «АШИК КЕРИБ»

Как известно, М. Ю. Лермонтов жил некоторое время в Азербайджане и изучал азербайджанский язык. Лермонтоведов, изучавших кавказский период жизни поэта, издавна интересовал вопрос: кто помогал М. Ю. Лермонтову, в овладении азербайджанским языком и кого он имел в виду, когда писал в своих тифлиских заметках: «ученый татарин Али и Ахмед»? Не меньший интерес представляло и выяснение источника сказки М. Ю. Лермонтова «Ашик Кериб».

Первые попытки дать ответ на эти вопросы были предприняты И. Андрониковым. В 1939 году он высказал предположение, что упомянутым М. Ю. Лермонтовым «татарином Али» мог быть Мирза Фатали Ахундов. В последующих своих исследованиях И. Андроников, оставаясь на этой точке зрения, писал: «Мы по-прежнему остаемся в убеждении, что „ученый татарин Али“ — это великий демократ, просветитель Азербайджана Ахундов»¹. Выводы И. Андроникова поддержал в 60-х годах азербайджанский ученый А. А. Сеидзаде². Оба исследователя исходили при этом из того, что имя азербайджанского драматурга, будучи сложным, расчленяется на две части и на письме имеет форму: *Фет-Али*. Причем, как установил А. А. Сеидзаде, в отдельных случаях первая часть имени вообще опускается: (*Мирза Али Ахундов*)³. Подобное написание было отмечено и нами⁴. Встречается также написание: *Фатали Ахундов*⁵. Более того, сам драматург в ряде случаев писал свое имя не *Фатали* и не *Мирза Фатали*, а просто *Али*: «Если я не уничтожу в корне эту исламскую религию, являющуюся основным препятствием в осуществлении нового алфавита, не буду Али сын Таги»⁶. Здесь М. Ф. Ахундов расчленяет не только свое собственное имя, но и отчество, оставляя от них только вторую часть (полное имя отца писателя — *Мамедтаги*, или, в старой русской графической традиции: *Мамед-Таги*).

Аналогичный факт встречается и в записях поэта Я. Полонского, побывавшего на Кавказе после смерти М. Ю. Лермонтова: «...Через месяц вблизи Тапараванского озера всю ночь перед моей войлочной кибиткой, где лежал, закутавшись в шубу, раздавалось пение, сопровождаемое звуками чунгури. Певца называли Али-Аскер. Человек двадцать

¹ Ираклий Андроников. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1969, стр. 369.

² Али Джедер Сеидзаде. М. Ф. Ахундов ва М. Ю. Лермонтов. — Журн. «Азербайжан», 1963, № 12.

³ Э. Э. Сеидзаде. Указ. раб.

⁴ Библиографический указатель «Газета „Кавказ“», Тифлис, 1901, стр. 10.

⁵ См.: газета «*آبق سور*», 20 января 1916, № 90.

⁶ М. Ф. Ахундов. Сечилмиш эсерлери. Чилд 3, Баки, 1962, стр. 275.

татар собралось вокруг Али. Все они уселись, поджавши ноги, на мокрой траве, и с каким-то благоговейным, торжественным молчанием при свете мерцающих звезд слушали гортанный плач его... Степной ашуг воспевал любовь певца Керяма, его страдания в ту брачную ночь, когда не мог он ни снять пояса, ни расстегнуть заколдованного платья своей возлюбленной...»⁷.

Этот отрывок представляет большой интерес для лермонтоведов по двум причинам. Во-первых, Я. Полонский от полного имени ашуга — *Али-Аскер* отсекает вторую часть, оставляя лишь первую — *Али*. Это указывает на распространенность этого обычая. М. Ю. Лермонтов, хорошо зная это, первый компонент имени М. Ф. Ахундова — *Мирза* даже перевел на русский язык как имя нарицательное — «ученый», отчего и получилось: «ученый татарин Али». Во-вторых, известно, что Я. Полонский, записавший сюжеты сказаний «Асли и Керем» и «Саят Нова», ездил по Кавказу в сопровождении азербайджанца, о котором он отзывался с признательностью, без помощи которого, не зная языка, не мог бы, конечно, ознакомиться с образцами устного народного творчества. Подобное замечание можно отнести и к М. Ю. Лермонтову.

Как бы ни восхищался М. Ю. Лермонтов красотой и музыкальностью азербайджанского языка, «который, (по его словам) здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе», он все же не настолько владел этим языком, чтобы самостоятельно перевести на русский «Ашик Кериб». Поэт, несомненно, нуждался в помощи достаточно образованного человека, свободно владеющего обоими языками и литературно одаренного. Таким человеком мог быть прежде всего именно М. Ф. Ахундов, духовно близкий русскому ссыльному поэту. Не случайно и само указание М. Ю. Лермонтова на ученность «татарина Али» — именно у такого сведущего человека и мог учиться поэт азербайджанскому языку.

Таким образом, все говорит за то, что учителем азербайджанского языка М. Ю. Лермонтова и его помощником в переложении сказки «Ашик Кериб» мог быть именно М. Ф. Ахундов: «Мирза Фатали Ахундов обучал азербайджанскому языку Лермонтова, именно он был тем человеком, который помог Лермонтову записать сказку про Ашык Кериба»⁸. Этот вывод И. Андроникова лермонтоведами сомнению не подвергается. Тем большее недоумение вызывает искусственно раздуваемая «спорность» вопроса об источнике лермонтовской сказки (дастана «Ашик Кериб»). По мнению И. Андроникова, «лермонтовская транскрипция расходится со всеми распространенными азербайджанскими вариантами, в том числе и с шемахинским, и оказывается ближе к грузинским и армянским вариантам»⁹.

Это утверждение И. Андроникова противоречит его же словам: «сказку Лермонтов слышал из уст азербайджанца». Тогда возникает законный вопрос: почему рассказчик-азербайджанец должен был передать русскому поэту не близкий ему азербайджанский вариант дастана «Ашик Кериб», а какой-то другой? К сожалению, некоторые исследователи вслед за И. Андрониковым обходят этот естественно возникающий вопрос и выдвигают версии «грузинского» и «армянского» источников лермонтовской сказки «Ашик Кериб». Думается, однако, что вопрос требует более серьезного анализа и объективного исследования фактов.

«Грузинский» вариант, отмечает И. Андроников, «записан в 1930 году в Грузии, в селении Талиси, недалеко от Ахалцихе. Рассказывал

⁷ Я. Полонский. Саят Нова. — Гав. «Кавказ», 5 января 1851, № 1.

⁸ И. Андроников. Указ. раб., стр. 366.

⁹ Там же, стр. 353.

этот вариант семидесятилетний грузин-магометанин (?), крестьянин Аслан Блиадзе»¹⁰. Этот факт сам по себе возражений не вызывает. Грузинский и азербайджанский народы, веками живущие в тесном контакте, могли иметь сходные по сюжету и близкие по мотивам произведения устного народного творчества, отличающиеся лишь национально-этнографическими чертами. Однако следующее замечание И. Андроникова уже настораживает: «Аслан Блиадзе повествовательную часть передавал по-грузински, а песни исполнял по-турецки»¹¹. Возникает естественный вопрос: если на самом деле существовал грузинский вариант сказки, созданный самим народом, то что мешало исполнителю и стихи прочитать на родном для него грузинском языке? Этот вопрос не мог не возникнуть и у самого автора, поэтому он тут же отмечает: «Это не должно удивлять: Месхет-Джавахети, где находится Ахалцихе, как известно, долгое время находилась под турецкой пятой»¹². Однако хорошо известно, что под чьим бы господством ни находился народ и как бы долго это господство ни длилось, устное народное творчество упорно противится иноязычному влиянию. Азербайджанцы веками испытывали мощное влияние персидского языка, на котором были созданы известные всему миру шедевры азербайджанской литературы, но нет и не могло быть создано на персидском языке ни одного образца устного азербайджанского народного творчества. И. Андроников упускает при этом из виду самое главное: территорию, на которой был записан так называемый «грузинский» вариант, до 1945 года населяли «кавказские турки», то есть азербайджанцы. А это может означать только одно: названный им вариант был азербайджанским. Не случайно отсутствуют какие бы то ни было другие факты, свидетельствующие в пользу существования «грузинского» варианта сказки «Ашик Кериб».

Что касается «армянского» варианта сказки «Ашик Кериб», то он был записан в 1935 году в Зангезурском районе Армянской ССР со слов 80-летнего ашуга Адама Суджаяна¹³. Известно, что многие армянские ашуги знали азербайджанский фольклор. В праздничные дни на сельских майданах они исполняли дастаны «Кер-оглы», «Шах Исмаил», «Ашик-Кериб», «Асли и Керем», «Новрузы» и др.¹⁴ Сами дастаны пересказывались по-армянски, а поэтическая часть их исполнялась, конечно, на азербайджанском языке¹⁵. Зангезурский район, разумеется, исключения не составлял. Повсюду, где жили и трудились бок о бок два братских народа — азербайджанцы и армяне, было широко распространено азербайджанское народное творчество. Об этом писал еще известный армянский просветитель-демократ Хачатур Абовян в предисловии к своему произведению «Раны Армении»: «На любом торжественном сборище или свадьбе никто и куска в рот не брал, если не бывало там сазандаров. А певали по-тюркски, многие у них ни одного слова не понимали, но душа слушающего и созерцающего улетала в рай и вновь возвращалась»¹⁶.

¹⁰ И. Андроников. Указ. раб., стр. 357. Заметим, кстати, что ни на одной самой подробной географической карте — включая как старые, так и новые — селения под названием *Талиси* автору данной статьи обнаружить не удалось. Однако на указанной территории имеется два селения под созвучным названием — *Сулиси*: Верхнее и Нижнее.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См.: С. К. Даронян. Лермонтоз и армянская действительность (20—60-е гг. XIX в.). — В кн.: «Лермонтов и литература народов Советского Союза», Ереван, 1974, стр. 276.

¹⁴ Н. Григорев. Село Татев. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892, вып. 13, стр. 110 (далее — СМОМПК).

¹⁵ См.: С. Зелинский. Песня Хойского Вардана. СМОМПК, 1892, вып. 2, стр. 99.

¹⁶ Хачатур Абовян. Раны Армении. Ереван, 1955, стр. 9.

Однако приведенные выше факты недооцениваются и не учитываются некоторыми исследователями. Так, например, С. К. Даронян в двух своих статьях¹⁷ отстаивает мнение о том, что лермонтовская запись дастана близка к армянскому, в крайнем случае — грузинскому, но никак не к азербайджанскому источнику. Он считает, что «варианты А. Бляд-зе и А. Суджаяна во многом совпадают и ближе к лермонтовской сказке, нежели к шемахинскому варианту»¹⁸.

В доказательство бытования самостоятельного армянского варианта дастана исследователь обращается к хрестоматии, изданной в 1857 году в Москве на армянском языке профессором Лазаревского института восточных языков С. Назаряном, куда был включен перевод «Ашик-Кериба» с русского языка. Но, как пишет С. К. Даронян, в этом переводе, «который отличается точностью», «нет каких-либо существенных отклонений от лермонтовского текста»¹⁹. А тот факт, что в хрестоматии нет ссылки на поэта, С. К. Даронян объясняет по-своему: «Назарян, видимо, исходил из того, что сказка известна армянам и как „своя“»²⁰. На самом же деле С. Назарян — современник Х. Абовяна и свидетель того, как глубоко воспринималось армянами азербайджанское народное творчество, в том числе и дастан «Ашик Кериб», — прекрасно понимал, что это обширное повествование, включающее сотни песен, никем до М. Ю. Лермонтова не было так удачно адаптировано. Вот почему он включил перевод поэта и в свою хрестоматию. Но из этого никак не следует тот вывод, который делает С. К. Даронян: «Включение в армянскую книгу для чтения восточного народного сказания (дастана) об Ашик Гарибе было не случайно: оно с давних пор бытует в различных вариантах среди армян»²¹.

С. К. Даронян обращается к статье Х. Абовяна «Армянская духовная и народная музыка», написанной в 1840 году на немецком языке и обнаруженной только в советское время. В этой статье имеется комментарий к песне *Кериба*. Х. Абовян комментирует: «Проживающий в окрестностях Тифлиса певец Хариб влюбляется в Гюльбаар...». Далее кратко излагается известный сюжет дастана. Несколько позже, в 1852 году, первый издатель песен Саят-Новы Г. Ахвердян в своем комментарии к одной из песен, где упоминается имя *Кериб* и *Шахсенем*, также отмечает: «Хариб. Согласно преданию этой страны, он влюблен в девушку по имени Шахсанам и хочет жениться на ней...». И подобно Х. Абовяну, Г. Ахвердян излагает сюжет дастана. Сюжетное сходство не вызывает сомнений. И сами эти факты представляют несомненный интерес. Но они ничего не говорят в пользу высказываний С. К. Дароняна. Ведь если предположить, что в народе был широко распространен этот дастан, то зачем же тогда понадобился подобный комментарий? Очевидно одно: М. Ю. Лермонтов не пользовался ни одним из указанных С. К. Дароняном вариантов, ибо в первом возлюбленную Кериба зовут *Гюльбаар*, во втором — *Шахсанам*, а у поэта, как известно, — *Магиль-Мегери*.

С. К. Даронян утверждает, что «Ашик-Кериб» бытовал также среди грузин. «Обратим внимание на первую фразу (имеется в виду ком-

¹⁷ С. К. Даронян. «Ашик-Кериб» Лермонтова и армянские записи сказания. — «Вестник общественных наук АН Армянской ССР». 1974, № 4, стр. 79—92; его же. Лермонтов и армянская действительность (20—60-е годы XIX века). — В сб.: «Лермонтов и литература народов Советского Союза», Ереван, 1974, стр. 258—299.

¹⁸ С. К. Даронян. Лермонтов и армянская действительность, стр. 286.

¹⁹ Там же, стр. 275.

²⁰ С. К. Даронян. «Ашик-Кериб» Лермонтова и армянские записи сказания.

²¹ С. К. Даронян. Лермонтов и армянская действительность, стр. 275.

ментарий Г. Ахвердяна. — *Ш. К.*): „Согласно этой страны...” Под „этой страной” надо понимать Грузию — родину Саят Новы. Следовательно, это предание издавна было известно здесь, и, по-видимому, задолго до Саят Новы²². Сразу же возникает ряд вопросов. Почему слова «этой страны» обозначают именно Грузию? Далее, согласно версии С. К. Дароняна, «смещение имен Хидир-Илиаза и святого Георгия встречается постоянно, но не в азербайджанском, а в армянском и грузинском фольклоре»²³. Дело в том, что М. Ю. Лермонтов в своей сказке поясняет: Хыдыр Ильяс — св. Георгий. Исследователи, справедливо считая это ошибкой поэта, поправляют: «хадер Илназ означает святой Илья»²⁴. М. Махмудбеков в первой полной публикации дастана «Ашик Кериб» на русском языке в 1892 году, уточняя это, писал: «Св. Георгий у мусульман не Хидир-Ильяс, а Джарджиз»²⁵. В своем переводе Х. Абовян («Армянская духовная и народная музыка») мог разъяснить это имя как св. Саркис, Лермонтов — как св. Георгий («Ашик Кериб»), но это не дает основания утверждать: «Лермонтовский текст „Ашик Кериба” ближе к грузинскому и армянскому вариантам»²⁶.

Для доказательства своей мысли С. К. Даронян ссылается еще на одну публикацию. В 1885 году в Тифлисе на армянском языке был издан сборник под названием «Тифлисская умственная жизнь», составленный из образцов народного творчества, среди которых был и «Ашуг-Хариб». Как свидетельствует С. К. Даронян, в примечании к этому сборнику говорилось: «Эта сказка („Ашик Кериб”. — *Ш. К.*) — переложение на основе предания, сообщения Т. Ахвердяном, и сказки «Ашик-Кериб» русского поэта Лермонтова» — довод, оборачивающийся против утверждений самого автора.

В свое время известный лермонтовед А. В. Попов, выступая против доводов И. Андроникова, писал: «Записи армянского и грузинского вариантов сделаны в тридцатых годах нашего столетия, после того, как лермонтовская сказка была уже неоднократно опубликована в переводах на армянский и грузинский языки и получила популярность в Закавказье. Отсюда становится понятным и близость армянских и грузинских вариантов азербайджанской сказки к лермонтовскому тексту»²⁷. И. Андроников, оспаривая мнение А. В. Попова о том, что «лермонтовский текст, известный сказителям в устной передаче, лег в основу армянского и грузинского варианта народного сказа»²⁸, называет его «наивным утверждением»²⁹. Если учесть, что сказка М. Ю. Лермонтова в 1857 году была переведена на армянский, а в 1865 году на грузинский языки, то утверждение А. В. Попова отнюдь не представляется «наивным». Ведь именно эти переводы способствовали еще более широкому распространению дастана в Закавказье.

Заслуживает внимания еще один примечательный факт, ставящий под сомнение аргументацию С. К. Дароняна. В 1887 году в Александрополе был издан дастан «Ашик Кериб» на армянском языке в переводе известного ашуга Дживани³⁰. Перевод был сделан с турецкого издания.

²² С. К. Даронян. Лермонтов и армянская действительность, стр. 277.

²³ Там же.

²⁴ М. К. Азадовский. Комментарий к «Ашик-Керибу». — В кн.: «Лермонтов и литература народов Советского Союза», Ереван, 1974, стр. 353.

²⁵ М. Махмудбеков. Ашик Кериб. СМОМІК, 1892, том 13, стр. 207.

²⁶ Там же, стр. 278.

²⁷ А. В. Попов. Сказка «Ашик-Кериб» и ее источники. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1964, т. 23, вып. 5.

²⁸ А. В. Попов. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь, 1954, стр. 94.

²⁹ И. Андроников. Указ. раб., стр. 359.

³⁰ Подробно об этом см.: Исрафил Аббасов. Азербайжан фолклору XIX эср ермани мәнбәләриндә. Баки, 1977.

Через два года эта книга вышла также в Тифлисе и до установления в Закавказье Советской власти выдержала девять изданий, включая и бакинское 1918 года. С. К. Даронян обходит молчанием этот первый полный и в высшей степени поэтический перевод дастана на армянский язык, включающий 325 песен! Описываемые в дастане события начинаются в Тебризе и завершаются в Тифлисе. В переводе, соответствующем всем имеющимся на сегодняшний день печатным вариантам, в основном сохранены имена главных героев, изменены имена лишь некоторых второстепенных персонажей: Махмуд—Манук, Агджагыз—Аркеназ, Шахрабани — Наргиз, Ходжа Санан — Ходжа Сахак, Ахмед — Абрам. Фабула дастана почти точно соответствует сюжету ныне бытующего азербайджанского текста. Осуществление такого полного перевода с оригинала (притом с песнями) на армянский язык убедительно опровергает мнение о существовании отдельного армянского варианта дастана лермонтовского времени. Ибо если последний существовал, то едва ли была нужда в переводе?

Анализ записи Адама Суджаяна, сделанной в 1935 году в Зангезуре, показывает, что она, по всей вероятности, связана с популярным, не раз переиздававшимся переводом ашуга Дживани. Здесь уместно вспомнить слова знатока и собирателя азербайджанского устного народного творчества, преподавателя горийской учительской семинарии Ф. Кочарли, который еще в 1912 году писал о том, что многие произведения азербайджанского фольклора были включены в различные сборники под видом армянского³¹. С этим замечанием перекликается высказывание известного советского фольклориста профессора Х. Самуеляна о том, что «довольно значительную часть армянских вариантов составляют армянские переводы ашугов; другая часть является творческой переработкой произведений поэтически высокоодаренных ашугов, которые придали им местный колорит и национально-этнографические черты. Эта творческая деятельность ашугов заходит иногда так далеко, что азербайджанский эпос порою почти полностью арменизируется»³². Сказанное с полным правом можно отнести и к дастану «Ашик Кериб».

И. Андроников, М. Рафили³³ и другие авторы, утверждая, что М. Ю. Лермонтов услышал сказку «из уст азербайджанца», указывают, в частности, на тот факт, что поэт в тексте сказки сохранил оригинальную тюркскую транскрипцию «Тифлиз», «Кериб», «сааз», «оглан», «ага», «чауш», «хадерилиаз», «ана», «рашид», «шинды герурсез», «маулям», «чадра». Значения этих слов, и сейчас входящих в лексикон азербайджанцев, удивительно точно объясняются поэтом в скобках. Более того, в тексте лермонтовской сказки налицо конструкции и обороты, специфичные для азербайджанцев: «Чтобы я стал жертвою белого коня» (чисто азербайджанский оборот: «Ағ ата гурбан олум». — Ш. К.); «Как тебя зовут? — Рашид. — Раз говори, другой раз слушай, Рашид» (азерб. «Адын нәдир? — Рәшид. — Бир де, бир ешит. — Ш. К.); «Сладкозвучный сааз» (азерб. «Ширин дилли саз». — Ш. К.); «Если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоса», то есть: «Если лгу, отрубите мне голову» (азерб. «Јалан дејирәмсә, бәјнум түкдән назикдир». — Ш. К.) и многие другие. Будучи согласен с тем, что это все — азербайджанские выражения, причем на редкость удачно переведенные поэтом, С. К. Даронян вместе с тем уточняет: «Что же касается азербайджанских точ-

³¹ «Балалара нәдијә». Бақы, 1912, стр. 3.

³² См.: Кер-оглы. Народный эпос. Ереван, 1941, стр. 32.

³³ М. Рафили. Лермонтов и азербайджанская литература. — «Бакинский рабочий». 1939, № 237.

нее — общетюркских) слов и выражений, оставленных Лермонтовым для колорита, то известно тюркско-огузское происхождение дастана»³⁴.

Лермонтоведов давно интересовало, почему героиня сказки Лермонтова носит имя *Магуль-Мегери*, не встречающееся в современных вариантах дастана. С. К. Даронян связывает это имя с древнейшим мифом о «светиле Мгере» и, в частности, с армянским эпосом «Давид Сасунский». С мифологией, как известно, можно связывать отдельные особенности произведений фольклора в тех случаях, когда в распоряжении исследователя нет других, более существенных фактов. Однако исследования азербайджанских фольклористов вносят ясность и в эту проблему. Так, З. Гусейнли обнаружил азербайджанское сказание «Хуршид и Мах-Мехри»³⁵. Оно дает ключ к решению и другой загадки: в сказке М. Ю. Лермонтова соперника Кериба, в отличие от современных вариантов, зовут не *Шахвелед*, а *Куришид* (в рукописи поэта было написано *Шахвелед*, но потом сам М. Ю. Лермонтов зачеркнул это имя и написал *Куришид-бек*). С. А. Андреев-Кривич, А. А. Сеид-заде, З. Гусейнли и другие авторы предполагают, что поэт знал не только «Ашик Кериб», но и дастан «Асли и Керем» (по подсчету С. А. Андреева-Кривича, в рукописи М. Ю. Лермонтова имя *Керем* повторяется чаще, чем *Кериб*)³⁶. З. Гусейнли совершенно справедливо включает в список азербайджанских дастанов, знакомых М. Ю. Лермонтову, и дастан «Хуршид и Мах-Мехри».

Остается выяснить еще один немаловажный вопрос. Почему поэт и его вероятный учитель М. Ф. Ахундов выбрали для перевода именно «Ашик Кериб»? Конечно, «Ашик Кериб» по своему поэтическому строю был как нельзя более близок духу и судьбе великого русского поэта. Ведь сам М. Ю. Лермонтов тоже был в известной мере *ашик керибом* 'влюбленным странником'. И все же запись сказки нельзя рассматривать только с узко литературоведческих позиций, ибо она явилась результатом успешного изучения М. Ю. Лермонтовым азербайджанского языка.

Предполагаемая встреча и знакомство М. Ю. Лермонтова и М. Ф. Ахундова относятся к периоду, когда еще не было каких-либо учебных пособий по азербайджанскому языку. («Грамматика турецко-татарского языка» Мирзы Казембека была издана только в 1839 году). Сам М. Ф. Ахундов, помимо некоторых стихотворений, ни одного из своих драматических и прозаических произведений к тому времени еще не создал. Поэтическое наследие М. П. Вагифа, с его ясным, простым, доступным народу языком, еще не было собрано (это было сделано по инициативе М. Ф. Ахундова гораздо позже, и лишь в 1856 году стихи поэта издал Мирза Юсиф Нерсесов).

М. Ф. Ахундов в 1853 году в докладе попечителю Кавказского учебного округа барону А. П. Николаи писал о языке своих произведений: «Для учеников, желающих знать татарский язык, эти пьесы, как единственные оригинальные произведения на татарском (азербайджанском. — Ш. К.) языке, весьма полезные пособия изучения языка; по ним только можно судить о духе и свойстве татарского языка, о расположении фраз и выражений и многих различных переменах слов и спря-

³⁴ С. К. Даронян. Лермонтов и армянская действительность, стр. 278.

³⁵ З. Гусейнли. М. Ю. Лермонтовун «Ашык Кериб» эсари ва «Хуршид ва Мах-Мехри» дастаны. Журн. «Улдуз», 1974, № 1.

³⁶ С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М., 1954, стр. 104.

жений глаголов и проч.»³⁷. Совершенно очевидно, что до появления этих пьес, то есть в пору знакомства их автора с М. Ю. Лермонтовым, изучавшие азербайджанский язык не располагали каким-либо подходящим литературным материалом, кроме образцов устного народного творчества. Именно эти фольклорные материалы и в их числе дастан «Ашик Кериб» — были единственными литературными источниками, по которым можно было вести обучение азербайджанскому языку.

³⁷ Рукописный фонд АН Азербайджанской ССР. Арх. 2, Г—13 (279), стр. 1.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. И. ТРОФИМОВ

ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОГО УДАРЕНИЯ, АНОМАЛИИ И ГЕМИНАТЫ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЙГУРСКОГО, УЗБЕКСКОГО И ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

Положение в тюркской акцентологии в настоящее время напоминает английскую детскую игру «Кто в замке король?». Традиционная точка зрения, которой придерживается большинство специалистов, может быть изложена следующим образом:

Ударение в тюркских языках, в частности уйгурском, является динамическим (силовым)¹, или экспираторным², причем оно падает на последний слог³. По мере присоединения аффиксов ударение перемещается на них⁴, так что оно, таким образом, является связанным, выполняющим функции словоразделения⁵. Кроме главного ударения на последнем слоге, существует второстепенное или побочное ударение, падающее на первый слог⁶, которое считается более слабым (некоторые из перечисленных в последней сноске зарубежных авторов полагают, что тюркское ударение не силовое, а музыкальное). Иногда главное и второстепенное ударения рассматриваются порознь⁷. Преобладающим является восходящее к В. В. Радлову мнение, что оба эти ударения являются компонентами или полюсами единого целого, то есть одного ударения. Вероятно, это мнение наиболее правильное, во всяком случае, с функциональной точки зрения эти ударения разделить нельзя.

Такова традиционная точка зрения и, очевидно, именно потому, что она является преобладающей, ее постоянно подвергают критике, порой довольно резкой как в целом, так и в частностях⁸.

Разногласия существуют уже относительно самого объекта исследования. Л. Н. Старостов подчеркивает необходимость изучения ударения в контексте, в предложении⁹. У. Ш. Байчура, наоборот, считает, что нет принципиальных различий с точки зрения места и качества ударения в изолированных словах и в тех же словах в предложении¹⁰. Вероятно, точка зрения Л. Н. Старостова более близка к истине. Слово как таковое — абстракция, конкретно же оно выступает лишь как член высказывания, даже если это высказывание имеет такую своеобразную форму, как, например, в таблицах (в письменной речи). Что же касается номинативной функции слова, то она либо такая же абстракция, как слово вообще, либо — проявляется в высказывании.

Неоднократно отмечалось, что отождествлять акцентологические системы различных тюркских языков недопустимо¹¹. Наиболее категорично в этом смысле высказывался У. Ш. Байчура¹². Вероятно, это предостережение имеет основания. Тем не менее, сопоставление одноплановых явлений в различных тюркских языках нам представляется вполне допустимым. Сравнение с родственными языками позволяет лучше по-

нять структуру данного тюркского языка. Для сравнения нами будут привлекаться главным образом материалы уйгурского, узбекского, турецкого, а также казахского, татарского и некоторых других тюркских языков.

Что касается отдельных тюркских языков, то многие авторы отмечают, что система ударения в них является чрезвычайно сложной ввиду ее неустойчивости и наличия множества правил и исключений. В частности, это утверждалось по отношению к турецкому языку¹³ и, наряду с другими причинами, связывалось со смешанным составом населения Константинополя. Г. Ракетт отмечает недостаточность такого объяснения. Подобные факты были установлены рядом исследователей, начиная с Н. Н. Пантусова, и для уйгурского языка¹⁴. Н. А. Баскаков считает это специфической особенностью уйгурского языка. М. Хартман в свое время утверждал, что особенности ударения в уйгурском языке объясняются китайским влиянием¹⁵. Х. Скёльд высказывает сомнение по этому поводу¹⁶. В близкородственном узбекском языке, который, видимо, не подвергался китайскому влиянию, наблюдается точно такая же характеристика распределения ударения¹⁷. В связи с этим ставится под вопрос и связанный характер ударения в некоторых тюркских языках, в частности, в турецком, узбекском, уйгурском¹⁸. Однако А. Гуломов все-таки полагает, что ведущий принцип системы ударения в тюркских языках сохраняется. Исключения составляют меньшинство¹⁹.

По мнению А. М. Щербака, тюркское ударение является слабо выраженным и мало централизующим, в тюркском слове столько же ударений, сколько слогов, и если одно из них несколько сильнее других, то это не имеет сколько-нибудь существенного значения²⁰. Чтобы оценить данное утверждение, следует обратиться к истории вопроса. Мысль о наличии нескольких второстепенных ударений, скажем, в турецком слове, высказывалась уже давно²¹. Л. Н. Старостов объясняет это неравномерным распределением силы артикуляции между слогами слова, неизбежным в каждом языке. В связи с этим он выступает против тезиса М. Хортена и Г. Вейля о равномерном распределении ударения в турецком языке между всеми слогами²². К его критике присоединяется и Т. Талипов²³. Следует учитывать при этом, что недоразумения по данному поводу могут быть объяснены неточностью перевода. Немецкое слово *Top* или *Betonung*, по своему значению, может не вполне соответствовать русскому слову «ударение». Вероятно, Л. Н. Старостов излишне сближает тюркские языки с такими языками, как русский или английский, отличными от них по своей структуре. Для сравнения целесообразнее было бы привлечь венгерский язык²⁴, в котором второстепенные ударения строго распределены по слогам в зависимости от позиции по отношению к главному ударению.

А. Гуломов также считает ударение в узбекском языке слабо выраженным и выделяет второстепенное ударение, понимание которого у него отличается от общепринятого, восходящего к В. В. Радлову (именуя его «половинным ударением»), и интерпретирует по-своему. Появление второстепенного ударения, по А. Гуломову, не находится в прямой зависимости от числа слогов; оно может присутствовать в трехсложных и даже двусложных словах и отсутствовать в четырехсложных и более длинных словах; так, например, в слове *ätigimizniñ* 'наших сапог' его как будто бы нет²⁵. Второстепенное ударение, по А. Гуломову, появляется либо в некоторых заимствованных словах (на слогах с долгими гласными), либо в словах с ударением на неконечных слогах²⁶.

Л. А. Аганина и Т. Талипов считают, что хотя третьестепенное ударение в уйгурском языке и существует, его можно выделить лишь с помощью технической аппаратуры²⁷. По мнению У. Ш. Байчуры, в тюрк-

ских языках можно выделить четыре и даже больше степеней ударения²⁸. А. Шёберг для узбекского слова также выделяет четыре степени ударения²⁹. Существует также мнение, что второстепенное ударение появляется лишь в словах с числом слогов не менее трех-четырёх³⁰. Т. Талипов приходит к выводу, что в узбекском и уйгурском языках второстепенное ударение проявляется эпизодически³¹.

Относительно распределения ударений в слове также существуют различные точки зрения. А. Гуломов считает, что ударность слогов в узбекском языке постепенно возрастает от начала к концу слова³². Т. Талипов высказывает мнение, что ударение в уйгурском языке является восходящим от слога к слогу, как, например, в слове *bilaqlar* 'родники'³³. Однако в более поздней своей работе он отказывается от своей точки зрения, исходя, по-видимому, из редукции гласных в средних открытых слогах в современном уйгурском языке³⁴. (При этом он утверждает, что второстепенное ударение слабее главного, и тон его ниже). Э. В. Севортян считает, что в ряде тюркских языков, в том числе в турецком и узбекском, гласные слогов, ближайших к ударному (предударных или заударных), короче, чем в других безударных слогах³⁵. Л. Н. Старостов упоминает еще об одной точке зрения, с которой он не соглашается, а именно: в словах с аффиксами второстепенное ударение падает на последний слог неразложимой основы. Однако в турецких словах *arqadaşlarda* 'у товарищей', *čalylyq* 'кустарник' и других слоги, заканчивающие неразложимую основу, являются как раз наиболее слабыми и низкими по тону³⁶. По мнению А. Шёберг, в турецком языке второстепенное ударение наблюдается в словах, содержащих не менее двух слогов, и, как правило, за два-три слога перед главным ударением. Третьестепенное ударение (обозначается грависом) падает на начальный или следующий за ним слог. Иногда ему может предшествовать второстепенное ударение. Слабое ударение (обозначается знаком краткости) имеют энклитики и те слоги многосложных просодических единиц, которые не несут ударений предшествующих степеней. Например, *siz üzbékmi?*³⁷ Следует отметить, что в качестве примера здесь приводится не отдельное слово, а целое предложение. В таких сочетаниях перемещение второстепенного ударения на первый слог первого слова является обычным явлением. Слабым же ударением здесь названа просто безударность.

А. Махмудов старается как-то согласовать эти разноречивые данные. Он также начинает с того, что слоги в слове принципиально не могут быть равноценными по своей силе, высоте и длительности; более того, не могут быть равноценными и неударные слоги; поэтому один из неударных слогов должен выделяться по своей объективной и субъективной характеристике. А. Махмудов также выдвигает тезис о восходящем ударении в двух- и трехсложных словах, то есть о постепенном увеличении силы, высоты и длительности слогов, начиная с первого и кончая последним. Второстепенное же ударение, по его мнению, появляется в узбекском языке только в словах с числом слогов более трех. При этом он делает оговорку, что в других тюркских языках это не так. Далее, второстепенное ударение может падать на последний или на первый слог основы³⁸. Однако Л. Н. Старостов, вероятно, все-таки прав, возражая против существования второстепенного ударения на последнем слоге основы или корня. Даже в словосочетаниях второстепенное ударение имеет тенденцию к перемещению на первый слог первого компонента, тем более это должно быть верно для аффиговых слов с одной основой.

Ряд авторов, начиная с Л. Н. Старостова, настаивает на том, что главное и второстепенное ударения неравноценны с функциональной точ-

ки зрения. По их мнению, второстепенное ударение подчинено главному; его позиция целиком определяется позицией главного ударения, поэтому оно не несет функций главного ударения, а именно — выделения слова. Л. Н. Старостов второстепенное ударение вообще не считает ударением, а предлагает называть его иначе³⁹. По-видимому, говоря о выделении ударного слога, Л. Н. Старостов подходит к этому вопросу с точки зрения европейских языков. В таких языках, как русский или английский, понятие ударения действительно основано на выделении одного слога. Но уже В. В. Радлов отмечал, что в тюркских языках главное и второстепенное ударения составляют некое единство. Рассматривать их порознь можно лишь условно. Так, например, А. Махмудов, говорит о распаде единого слова на две части. Поэтому и свою слововыделительную функцию эти ударения выполняют сообща, подобно тому как точка и прописная буква сообща выделяют предложение на письме.

В. В. Радлов отмечал, что в тюркских языках имеются случаи, когда главное ударение не приходится на последний слог⁴⁰. Это правило не распространяется на многие заимствованные слова, на некоторые непроизводные формы с ярко выраженной эмоциональной окраской, на ряд форм с аффиксами, не принимающих на себя ударения, на слова с частицами, сложные слова и т. п.⁴¹

Нарушение основного закона ударения прежде всего наблюдается в заимствованиях⁴². Х. Скёльд считает, что в заимствованных словах ударение всегда падает на тот же слог, что и в языке-источнике. Другие авторы также ссылаются на многочисленные примеры сохранения в таких словах ударения на первых слогах. Прежде всего это относится к арабо-персидским заимствованиям, например: уйгурские qanaat 'удовлетворение малым' (<арабск. qana:æt قناعة), ālim 'ученый' (<a:lim عالم), bālki 'быть может' (<перс. bēlke باكه), ālvättä 'конечно' (<арабск. elbette البته), čünki 'потому что' (<перс. čünki چونکه), mādđi 'материальный' (مادی), hätta 'даже', bāzi 'некоторый' (<ba:zi بعضی), hämmä 'все' (<перс. همه همه), nahājiti 'очень' (<neha:jeti نهائیه)⁴³; узбекские albatta 'конечно', hatto 'даже' āmmo 'но, однако', bāzan 'иногда', lékin 'но' (<арабск. lekn لكن)⁴⁴; татарские ālbättä 'конечно', bālki 'может быть', čonki 'ибо'⁴⁵; башкирские hāman 'все еще'; ālbittä 'конечно', ā'mmä 'однако', la'kin 'однако'⁴⁶ и в других языках. Правда, возможно, что во многих случаях в языке-источнике фигурирует не ударение, а долгий гласный. На аномалию ударения многих слов из этого списка, разумеется, влияют и некоторые другие факторы, о чем будет сказано ниже.

Многие авторы указывают на процесс ассимиляции заимствованных арабизмов и фарсизмов, в результате которой ударение перемещается на последний слог. Л. А. Аганина отмечает, применительно к уйгурскому языку, что слова, давно заимствованные из арабского и персидского языков, в подавляющем большинстве случаев подчинились законам тюркского ударения⁴⁷. Ф. Г. Исхаков говорит примерно то же самое и о татарском языке, однако при этом указывает, что исключение составляют книжные слова, которые до революции употреблялись главным образом в языке интеллигенции⁴⁸. В. Прёле, говоря о турецком языке, оспаривает мнение Агопьяна, который, так же как Х. Скёльд, считал, что арабизмы и фарсизмы сохраняют ударение на том же месте, что и в языке-источнике. Он приводит примеры передвижения ударения: арабск. yālle 'небрежность' — турецк. yaflét 'беспечность', арабск. irā'de 'воля, декрет' — турецк. irädé 'воля', арабск. metā'lik 'земли' —

турецк. *metāli'k* (то же). Он признается, что не может объяснить некоторые исключения, например, *hā'la* 'все еще, пока, до сих пор' (из арабского), *e'fēndi* 'господин' (из греческого). Кроме того, он оговаривается, что не может останавливаться на вопросах ударения в разговорной речи⁴⁹ (это вряд ли что-либо может изменить, так как в разговорной речи процессы ассимиляции заимствованных слов должны протекать еще более интенсивно). А. Гуломов утверждает, что в узбекском языке в словах, заимствованных из арабского и персидского, может встречаться второстепенное количественное ударение на неконечном слоге, однако в процессе ассимиляции, особенно в диалектах, ударение переходит на конечный слог, а долгота неконечного слога редуцируется, или вместо нее появляется второстепенное ударение, напр. *восита* 'средство', *хаёлий* 'воображаемый'. А. Гуломов также отмечает, что степень ассимиляции зависит от образовательного уровня носителей языка и знания ими персидского языка. Правда, он, по-видимому, каким-то образом увязывает это явление с чередованием оканья и аканья в различных узбекских диалектах⁵⁰.

Аналогичная картина наблюдается и в русских заимствованиях. Например, в уйгурском языке в недавно заимствованных словах ударение сохраняется на неконечном слоге, если падало на него в русском языке: *тónна*, *машíна*, *трáктор*, *ракéта* и т. д. Это особенно характерно для речи лиц, хорошо знающих русский язык⁵¹. Однако явления ассимиляции наблюдаются и здесь, особенно в словах, давно вошедших в уйгурский язык, в первую очередь в разговорной речи, то есть ударение перемещается на последний слог: *бáтингá* 'ботинки', *поýз* 'поезд', *одýк* 'отдых', *курушкá* 'кружка', *лифтíк* 'лифчик', *йáрмаңкá* 'ярмарка', *симишкá* 'семечки', *сáрәңгá* 'спички', *эшмушкá* 'осьмушка'⁵². А. Гуломов дает аналогичные примеры для узбекского языка, например: *лампá* 'лампа', *мáшинá* 'машина', *истáнцá* 'станция', *бáгинкá* 'ботинки', *чeркóв* 'церковь' и т. д.⁵³ Особенно это характерно для живого произношения. Возможны процессы и другого рода. Иногда сохраняются факультативные варианты этих слов, а иногда, наоборот, ударение перемещается на неконечный слог, хотя в русском языке оно не приходило на него. Это объясняется аналогией с родственными словами или ложным представлением об общем правиле для слов русского языка, например: *бригадёр*//*брига́дир* < брига́да; *командёр*//*комáндир* < кома́нда; *ре́зинка*; *ре́диска*.

Китаизмы и дунганизмы составляют значительный пласт только в уйгурском языке. В них также ударение часто приходится на неконечный слог, например: *cūsāj* 'салат', *daɣin* 'начальник', *sājruɣ* 'портной' (<китайск. *цайфын*), *šaŋjo* 'староста' (<китайск. *шаньюй*), *dotāj* 'губернатор' (<китайск. *даотай*), *lobi* 'вид фасоли', *mānta* 'манты' (пельмени). Однако имеются и слова с устойчивым ударением на последнем слоге, например: *jaŋju* 'картофель', *ʒungu* 'Китай', *lāŋmān* 'лагман', *hapgo* 'огурец' и др.⁵⁴ Н. А. Баскаков, а за ним и Л. А. Аганина, объясняют ударение в китаизмах стремлением отразить китайские тоны. Однако этот тезис не подкреплён достаточным фактическим материалом. Можно отметить группу слов, оканчивающихся на *-za*, например: *šāŋzā* 'жердь' (китайск. *чаньцзы*), *yaŋza* 'курительная трубка' (китайск. *гоаньцзы*), *šājzā* 'баклажан' (<китайск. *цайцзы*), *ʒoza* 'столик на низких ножках', *šilamrɨŋza* 'лохань'. Аффикс *-цзы*, видимо, воспринимается как безударный. В целом наши знания о китайской просодии недостаточны для того, чтобы с уверенностью увязать ее с уйгурским ударением. Возможно также, что следует учитывать различия, существующие между китайскими диалектами (О. Прицак приводит китайское слово *чаньцзы* в транслитерации *chāng-tzū*, согласно западноевропейской и американской китае-

ведческой традиции, которая восходит, может быть, к другому китайскому диалекту, нежели традиция советская). Далее, следует принять во внимание вполне вероятную посредническую роль дунганского языка. Возможны и явления ассимиляции, так же как и в заимствованиях из других языков.

При аффиксации ударение, как обычно, перемещается на аффикс, а второстепенное ударение приходится на первоначально ударный слог, например: *комбайнчй* 'комбайнер', *тэхникамйз* 'наша техника'⁵⁵. Ф. Г. Исхаков для татарского языка выводит следующее правило: если ударение падает на последний слог, то при аффиксации оно переходит на аффикс, если же оно падает не на последний слог, то остается на своем прежнем месте, например: *трáкторлар*⁵⁶. Правила ударения для русских заимствований наиболее развернуто формулирует опять-таки А. Гуломов (применительно к узбекскому языку): если ударение падает на последний слог, при аффиксации оно перемещается на аффикс: *каналáр* 'каналы', *волейболлй* 'волейбол' (винительный падеж). Если ударение падает не на последний слог, и после ударного следует еще не менее двух безударных, ударение переходит на аффикс, а на месте прежнего ударения возникает второстепенное ударение: *áрмияда* в армии', *поэзияси* 'его поэзия'. Единственное исключение — слова с одним заударным слогом, присоединяющие один аффикс, например: *коммýнамйз*; в этом случае ударение остается на прежней позиции, а на последний слог падает второстепенное ударение. Однако при удлинении цепочки главное ударение все-таки приходится на последний слог: *коммýнамйзнй*⁵⁷.

Последние примеры относятся к русским заимствованиям, однако те же правила, вероятно, можно отнести и к заимствованиям из других языков. Правда, Э. Наджип и А. Т. Кайдаров считают, что в уйгурском языке ударение в заимствованных словах остается на неконечном слоге и при аффиксации, например: *bála* 'беда', *bálaуа* 'к беде'⁵⁸. Однако А. Гуломов вновь указывает на появление в узбекском языке второстепенного ударения на месте главного, например: *фидокорона* 'самоотверженный', *хотиралар* 'воспоминания', *саноатимйз* 'наша промышленность'⁵⁹. В. Прёле также отмечал, что в турецком языке ударения перемещаются на аффиксы и в заимствованиях: *eféndim* 'мой господин', но *eféndilér* 'господа', *eféndimé* 'моему господину' (на месте прежнего ударения появляется второстепенное ударение)⁶⁰. Из уйгурского приводился пример, *ǰā'ǰā* 'жердь' — *ǰāǰigā* 'жерди' (дательный падеж)⁶¹.

Особо следует остановиться на вопросе о словах с эпентетическим гласным в конечном слоге. В. Прёле считает, что ударение в таких случаях переходит на эпентетический гласный, например, *vaqt* 'время' < арабск. *waqt*⁶². Аналогичные примеры, приводит Н. Гуломов для узбекского языка: *исим* 'имя', *шакил* 'форма', *филтир* 'фильтр', *пункит* 'пункт'⁶³. Однако Т. Талипов приводит некоторые из подобных слов с ударением на первом слоге: уйгурск. *ǰā'ǰir* 'запад', *ǰā'ǰir* 'восток'. П. Е. Кузнецов считает, что в узбекском такие слова не только существуют по большей части без эпентезы, но и конечный согласный в них сохраняет свою звонкость, например: *дард* 'болезнь', *ǰarǰ* 'запад', *marǰ* 'кончина', *фориг* 'свободный'⁶⁴. Ч. Г. Сайфуллин предлагает для уйгурского языка следующее решение вопроса. Он приводит список слов со стечением согласных в их конце, в которых сонорный или другой долгий предшествует смычному, например: *hāǰr* 'буква', *ǰāǰr* 'запад', *sāǰr* 'расход', *pāǰr* 'разница', *ǰāǰr* 'восток', *dāǰr* 'урок', *qāǰr* 'долг', *ǰāǰr* 'условие', *māǰr* 'раз', *vaxt* 'время', *ǰāǰr* 'лицо', *bāǰr* 'счастье', *qāǰr* 'злой умысел', *kāǰr* 'ремесло', *ǰāǰr* 'привлечение', *āǰr* 'отражение', *pāǰr* 'время' и

т. д. Ч. Г. Сайфуллин считает, что отсутствие эпентезы доказывается не только наличием ударения, приходящегося на широкий гласный, но также отсутствием умлаута, характерного для таких уйгурских слов, и отсутствием озвончения конечных гуттуральных перед аффиксальным гласным, например: *rāgqi* 'его разница', *šāgqi* 'его восток'. Правда, он признает, что в казахском аналогичные слова выступают с эпентезами, например: *waqut* 'время', *baqut* 'счастье', *qaquz* 'долг', *käsir* 'ремесло', *ägir* 'буква'. По его мнению, под влиянием казахского языка эпентеза может появиться и в уйгурском языке. С другой стороны, Ч. Г. Сайфуллин указывает, что в тех словах, в которых сонорный следует после шумного, появление эпентезы является правилом и тогда она перетягивает ударение на себя: *šäkil* 'форма', *käsir* 'дробь', *täsir* 'влияние'⁶⁵ (впрочем, умлаут не появляется и в этой группе слов, быть может, в силу их книжного характера).

Вероятно, в приведенных случаях следует принимать в расчет вариативность некоторых согласных, обладающих словообразующими свойствами, в первую очередь дрожащего *г*. В одних случаях конечный сонант обладает словообразующими свойствами, например, *litir*; в дальнейшем может возникнуть гласный призвук, однако ударение или долгота сохраняется на первом слоге: *litir*. Наконец, ударение может переходить на эпентезу, которая таким образом становится полноправным гласным: *xäliq* 'народ', *pikir* 'мысль', *vaqit* 'время', *girdä* 'лепешка'. Но бывает также, что в производных формах или словосочетаниях второстепенное ударение падает на первый слог основы или первого компонента, например: *därisimni* 'мой урок' (винительный падеж), *šäxsisiz* 'безличный', *däri's bärdi* 'дал урок', *päšr ätti* 'напечатал'.

Как отмечает А. Т. Кайдаров, в ряде случаев наличие ударения на неконечном слоге объясняется экспрессией или эмфазой, коренящейся в самой семантике слов⁶⁶. (Эта формулировка нам кажется точнее, нежели ссылка на эмоциональную окраску). Однако фактор эмфазы часто переплетается с другим фактором — перемещением ударения на первый слог первого компонента парных словосочетаний. Таким образом, это явление, окказиональное или регулярное, воспринимается как узуальное или постоянное.

Прежде всего сюда можно отнести такие слова, как уйгурские: *hättmä* 'все, весь', *bäri*, *barliyi*, *barčä* 'все'⁶⁷. Слово *hättmä* является заимствованием, однако сохранение ударения на первом слоге объясняется, видимо, все-таки не его происхождением, а именно экспрессией, связанной с семантикой превосходной степени.

Далее, сюда относятся формы, выражающие интенсивную степень и полученные путем редупликации, в которых ударение приходится на первый компонент: уйгурские *qar-qara* 'черный-пречерный', *zar-seriq* 'желтый-прежелтый', *arraq* 'белый-пребелый'⁶⁸. Аналогичные примеры приводят: А. Гуломов для узбекского языка, например: *qon qora* 'черный-пречерный', *qizil qizil* 'красный-прекрасный', *yaqin yaqin* 'зеленый-презеленый'; Ф. Г. Исхаков — для татарского: *tip-tigez* 'совершенно ровный'⁶⁹. К этой группе примыкает также уйгурское слово *allıqasın* 'давным-давно' и, возможно, некоторые другие слова с этим префиксом⁷⁰.

Следующую группу примеров составляют различные наречия, выражающие степень, например: уйгурск. *nahajiti* 'очень', *intajin* 'очень', *xojta* 'очень, весьма', *züddä* 'очень, весьма', *zädila* 'совершенно (не)'. Близкими к этой группе оказываются также некоторые вводные слова и эмфатические частицы вроде: *bolurmi* 'особенно', *alähidä* 'особенно', *hätta* 'даже'⁷¹. (Следует различать объяснения этимологическое и семантическое. Например, устойчивость слова *bolurmi* против тенденции к перемещению ударения на последний слог объясняется его семантикой).

Односложные слова этой группы обладают способностью перетягивать ударение на себя, так что стоящее рядом слово становится безударным, например: *añ* 'самый', — *añ yaxşı* 'самый лучший', *heç* 'ни' — *heç xara folmañ* 'совсем не обижайтесь'⁷². Ф. Г. Исхаков дает аналогичные примеры для татарского языка: *in yaxşı* 'самый лучший', *bik yaxşı* 'очень хороший', *bik äšli* 'много работает', *bêg dâ äşlämi* 'совсем не работает'⁷³.

Некоторые из этих слов становятся препозитивными компонентами составных местоимений и прономинализирующихся именных словоформ со значением места и времени. В слове *bäzi* 'некоторые' наличие долготы в первом слоге объясняется отражением арабского фарингального согласного⁷⁴; сопротивление же, оказываемое этой долготой ассимиляции, объясняется также перемещением второстепенного ударения на первый слог в словосочетаниях, например: *bäzibi'r* 'некоторые'. В других случаях играет роль опять-таки, несомненно, экспрессия, в первую очередь в словах *här* 'каждый', *heç* 'ни', в том числе в составных местоимениях, например: *här bir* 'каждый', *heç bir* 'ни один'⁷⁵. Ср. узбекск. *harnarsa* 'все', *harkim* 'все', *heçnarsa* 'ничто'⁷⁶. Сюда же можно отнести вопросительные местоимения, в частности уйгурск. *qaj* 'который', *qajsi* 'который', *qapçä* 'сколько', *päççä* 'сколько'; например: *qaj mäliniñ bali-sisän* 'ты, парень, из какого квартала?' (в парных сочетаниях наряду с перемещением ударения на первый слог, подвергается выпадению и аффикс первого компонента). Подобные же примеры существуют и в узбекском языке. Ср. также каракалпакские *qajda* 'где', *qajsi* 'который', *päçä* 'сколько'; башкирские *qajhu* 'который', *piçä* 'сколько', *ni'ndäj* 'какой', *ni'mä* 'что'⁷⁷.

Следующую группу слов с аномальным ударением составляют количественные числительные, как, например, в уйгурском языке⁷⁸. (А. М. Щербак считает такое ударение факультативным). А. Гуломов указывает, что аффикс *-ta*, имеющий в узбекском языке значение счета, не принимает на себя ударения: *ý'nta* 'десять', *ý'ttizta* 'тридцать', *ýet-mišta* 'семьдесят' и т. д.⁷⁹ Х. Скёльд приводит пример Г. Ракетта для уйгурского *onbirinzi* 'одиннадцатый', однако, среди исключений⁸⁰. Впрочем, пример Г. Ракетта, конечно, нельзя рассматривать вне рамок его концепции в целом. Числительным не свойственна экспрессия, и здесь возможно только иное объяснение. При конкретном счете количественное числительное выступает первым компонентом словосочетания, вторым компонентом которого является существительное — объект счета или счетное слово. При абстрактном же счете каждое слово может рассматриваться как отдельное предложение, а в словах-предложениях ударение также может перемещаться на первый слог.

Интересное явление наблюдается в огузских языках. В литературе отмечалось, что в турецких словах *orada* 'там' (<o arada), *nerede* 'куда' (<ne araja) главное ударение приходится на первый слог⁸¹. По-видимому, в азербайджанском языке ударение служит средством образования особой формы обстоятельства времени, например: *burá* 'вот это место' — *búra* 'сюда', *nará* 'какое место' — *hára* 'куда', *axşam* 'вечер' — *áxşam* 'вечером'⁸².

Так же как в заимствованных словах, при аффиксации главное ударение, если оно находилось не на последнем слоге, перемещается на последний слог, а на прежнем его месте появляется второстепенное ударение. Для уйгурского языка такое правило выводит А. Т. Кайдаров, например: *áltä* 'шесть' — *áltinçi* 'шестой', *há'mmä* 'все' — *hämminlani* 'всех вас'⁸³. Если же ударение падает на неконечный слог, то на последний слог приходится второстепенное ударение⁸⁴. (Правда, с этим тезисом не согласен Х. Скёльд, считающий, что в таких случаях в слове может

быть только одно ударение⁸⁵). Такое же правило есть для узбекского языка⁸⁶. Наиболее развернуто оно сформулировано А. Гуломовым.

Вопреки сказанному прежде, А. Гуломов связывает в данном случае появление второстепенного ударения с числом слогов: в двух- и трехсложных словах, независимо от того аффирированы они или нет, имеется только одно ударение, падающее на первый слог, например: *ҳарким* 'всякий', *ҳечким* 'никто', *оппоқ* 'белый-пребелый', *ҳарнарс* 'все', *ҳечкимнинг* 'ничей', *қопқора* 'черный-пречерный'. Однако в четырехсложных словах, независимо от аффирирования, в последнем слоге появляется второстепенное ударение: *ҳечнарсани* 'ничего', *ҳаркимлардан* 'ни у кого', *дўм-думалоқ* 'круглый-крутлый'⁸⁷.

В заключение отметим зависимость между появлением ударения и явлением геминии. Двойные согласные выступают в некоторых заимствованных словах тогда, когда ударение приходится на предшествующий слог: уйгурские *hāmmā* 'все', *hätta* 'даже', *maddi* 'материальный', *ālvättä* 'конечно', *amma* 'но'. Далее, ударение, по мнению многих исследователей, перемещается на первый компонент в редуцированной форме интенсивной степени прилагательного. Но как раз явление геминии часто встречается у качественных прилагательных, например: уйгурские *qattiq* 'твердый', *issiq* 'теплый', *aşşiq* 'горький', *uşşaq* 'мелкий' и др. Наконец, у числительных, которым приписывается ударность начального слога, также встречаются геминаты: *ikkī* 'два', *jättä* 'семь', *säkkiz* 'восемь', *toqquz* 'девять', *ottuz* 'тридцать'. Можно предположить, что между долготой гласного и долготой согласного существует какая-то связь, хотя и не ярко выраженная.

¹ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский р-н). Канд. дисс., М., 1954, стр. 83; А. Т. Қайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка. — «Уйгурско-русский словарь». Алма-Ата, 1961, стр. 295, 297; *его же*. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. «Тюркские языки». М., 1966, стр. 368; Т. Талипов. Уйгур тилидики ургу. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филология и искусствоведение». 1960, вып. 3 (16), стр. 66; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Ҳазирки заман уйғур тили. I қисим. «Лексика ва фонетика». Алмута, 1963, стр. 242—243; А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Ч. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 296; Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. Ч. I. Алма-Ата, 1970, стр. 66; А. Махмудов. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 48—49.

² O. Pritsak. Das Neuuirgische — in *Philologiae Turcicae Fundamenta*. T. 1. Wiesbaden, 1959, стр. 545; Ф. Г. Исхаков. Законы словесного ударения в татарском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. 1, «Фонетика». М., 1955, стр. 329; А. Гуломов. Узбек тилида ургу. Ташкент, 1947, стр. 3; W. Pröhle. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen. — *Keleti Szemle*, XII, Budapest, 1911—1912, стр. 201.

³ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 15; Э. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 46; Л. А. Аганина. Указ. раб.; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 66, 69; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 242—243; А. Гуломов. Указ. раб., стр. 3, 5—6; Ф. Г. Исхаков. Указ. раб.; А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 113—117; К. Ицанов. Зависимость ударения в системе глагола от наклонения и времени. — «Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук», 1963, вып. 3, стр. 39; W. Pröhle. Указ. раб., стр. 202—204; 206.

⁴ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 89; А. Т. Қайдаров. Краткий грамматический очерк, стр. 295; *его же*. Уйгурский (новоуйгурский) язык, стр. 368; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 67; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 243; А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 296; Г. Садвакасов. Указ. раб., стр. 66; Ф. Г. Исхаков. Указ. раб.; А. Гуломов. Указ. раб., стр. 6; А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 114.

⁵ W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*, 1-es Heft, Vocale, Leipzig, 1882, стр. 97; W. Pröhle. Указ. раб., стр. 205; А. Гуломов. Указ. раб.

⁶ W. Radloff. Указ. раб.; H. Sköld. Zur Chronologie der štokavischen Akzentverschiebung. — «Lunds Universitets Årsskrift». N. F. I Avd. Vol. XVIII, 1922, № 3, стр. 78; L. Bazin. Structures et tendances communes des langues turques. — in *Philologiae Turcicae Fundamenta*. T. 1, Wiesbaden, 1959, стр. 14; А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 113—114; O. Pritsak. Указ. раб.; Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии. —

«Просвещение национальностей», 1935, № 3, стр. 29; *его же*. Очерк грамматики уйгурского языка. — В кн.: Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь, М., 1939, стр. 184; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 83, 88; А. Т. Қайдаров. Краткий грамматический очерк..., стр. 295; *его же*. Уйгурский (новоуйгурский) язык..., стр. 368; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 66—68; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 243, 245; А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка..., стр. 296; Г. Садвакасов. Указ. раб., стр. 66; А. Гуломов. Указ. раб.; Л. Н. Старостов. Об ударении в турецком языке. — «Труды Военного института иностранных языков», М., 1953, вып. 2, стр. 98.

⁷ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 104; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 69; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 246; А. Махмудов. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 54.

⁸ Отдельные моменты дискуссии освещены в следующих работах: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 110—117; Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 98; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 65; У. Ш. Байчура. Вопрос об акценте в турецком и инструментальные данные об ударении в других тюркских языках. — В кн.: «Вопросы тюркологии (К 60-летию акад. М. Ш. Ширалиева)». Баку, 1971, стр. 188; А. Гуломов. Указ. раб., стр. 3 и др.

⁹ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 111.

¹⁰ У. Ш. Байчура. Некоторые экспериментальные данные о мелодике речи и словесном ударении в уйгурском языке. — В кн.: «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 56.

¹¹ О различиях между тюркскими языками в отношении ударения говорили многие авторы. См. например: W. Radloff. Указ. раб., стр. 97; Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 116; А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 113—117; А. Гуломов. Указ. раб., стр. 5; Л. Е. Кузнецов. Продолжительность гласных в живом узбекском языке. — В кн.: «В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, стр. 434; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 67; *его же*. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алма-Ата, 1968, стр. 86—87; 98—100; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 245; А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 297 и др.

¹² У. Ш. Байчура. Указ. раб.

¹³ G. Raquette. The accent problem in Turkish. — Lunds Universitets Årsskrift. N. F., Avd. 1, Bd. 24, № 4, Lund, 1927, стр. 3—4.

¹⁴ Н. Н. Пантусов. Война мусульман против китайцев. Казань, 1880, вып. 1, стр. 5; Н. А. Баскаков. Указ. раб.; Э. Наджип. Указ. раб., стр. 46; Л. А. Аганина. Указ. раб.; Т. Талипов. Уйгур тилидики урғу, стр. 65.

¹⁵ M. Hartmann. Saghataisches. Heidelberg, 1902, стр. IX.

¹⁶ H. Sköld. Указ. раб., стр. 79.

¹⁷ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 3—4, 31.

¹⁸ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 107; А. Гуломов. Указ. раб., стр. 6; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 83.

¹⁹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 5.

²⁰ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 117.

²¹ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 98.

²² Там же, стр. 102—103.

²³ Т. Талипов. Уйгур тилидики урғу, стр. 67; *его же*. Гласные звуки уйгурского и казахского языков, стр. 88.

²⁴ К. Е. Майтинская. Венгерский язык (фонетика и морфология). М., 1955, стр. 83.

²⁵ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 18.

²⁶ Там же, стр. 32.

²⁷ Л. А. Аганина. Указ. раб.; Т. Талипов. Уйгур тилидики урғу..., стр. 67; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 243.

²⁸ У. Ш. Байчура. Вопрос об акценте в турецком..., стр. 192—193; *его же*. Некоторые экспериментальные данные о мелодике речи..., стр. 54.

²⁹ См.: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 116.

³⁰ Л. А. Аганина. Указ. раб.; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 65.

³¹ Т. Талипов. Указ. раб.

³² А. Гуломов. Указ. раб., стр. 20.

³³ Т. Талипов. Указ. раб., стр. 69.

³⁴ Т. Талипов. Указ. раб.; *его же*. Гласные звуки уйгурского и казахского языков..., стр. 88; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 245.

³⁵ Э. В. Севортян. Материалы по сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика», М., 1955, стр. 50.

³⁶ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 105.

³⁷ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 116.

³⁸ А. Махмудов. Указ. раб., стр. 54, 56.

³⁹ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 104; А. Махмудов. Указ. раб., стр. 54; Т. Талипов. Уйгур тилидики урғу, стр. 69; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 246.

- ⁴⁰ W. Radloff. Указ. раб., стр. 98.
- ⁴¹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 6; А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 117.
- ⁴² Н. Sköld. Указ. раб., стр. 78; А. Гуломов. Указ. раб., стр. 3 и след. 31.
- ⁴³ Э. Наджип. Указ. раб., стр. 46; Т. Талипов. Указ. раб.; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244; А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 296.
- ⁴⁴ А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 116; А. Гуломов. Указ. раб., стр. 32.
- ⁴⁵ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб.
- ⁴⁶ А. М. Шербак. Указ. раб.
- ⁴⁷ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 91.
- ⁴⁸ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб.
- ⁴⁹ W. Pröhle. Указ. раб., стр. 206—208.
- ⁵⁰ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 21—22, 20, 32.
- ⁵¹ Э. Наджип. Указ. раб., стр. 46; Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 92; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 69; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 243; Г. Садвакасов. Указ. раб., стр. 66; А. Т. Қайдаров. Указ. раб., стр. 296.
- ⁵² Л. А. Аганина. Указ. раб., Т. Талипов. Указ. раб.
- ⁵³ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 20, 22, 23.
- ⁵⁴ Н. А. Баскаков. Узловые вопросы уйгурской орфографии, стр. 29; Э. Наджип. Указ. раб., стр. 46; О. Pritsak. Указ. раб., стр. 545; Л. А. Аганина. Указ. раб.; Т. Талипов. Указ. раб.; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244; А. Т. Қайдаров. Указ. раб., стр. 296.
- ⁵⁵ А. Т. Қайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык, стр. 368; Т. Талипов. Указ. раб.
- ⁵⁶ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 330.
- ⁵⁷ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 10, 19—20, 23.
- ⁵⁸ Э. Наджип. Указ. раб., стр. 46; А. Т. Қайдаров. Краткий грамматический очерк уйгурского языка, стр. 295; его же. Уйгурский (новоуйгурский) язык, стр. 368.
- ⁵⁹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 20.
- ⁶⁰ W. Pröhle. Указ. раб., стр. 208.
- ⁶¹ А. Т. Қайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык, стр. 368.
- ⁶² W. Pröhle. Указ. раб., стр. 207.
- ⁶³ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 20.
- ⁶⁴ П. Е. Кузнецов. Указ. раб., стр. 431.
- ⁶⁵ Ч. Г. Сайфуллин. Уйғур тилинин имласи билән әлипбәсигә бәзи бир өзгәртишләр-ни қирғузүш тоғрилиқ. Алматы, 1958 (на правах рукописи), стр. 11—13.
- ⁶⁶ А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 296.
- ⁶⁷ Т. Талипов. Указ. раб.; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244.
- ⁶⁸ Т. Талипов. Указ. раб., стр. 70; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244; А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского языка, стр. 297.
- ⁶⁹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 10; Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 331.
- ⁷⁰ Т. Талипов. Указ. раб., стр. 69; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244; А. Т. Қайдаров. Указ. раб., стр. 296; Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 13.
- ⁷¹ Э. Наджип. Указ. раб., стр. 47; А. Т. Қайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык, стр. 296; Т. Талипов. Указ. раб., стр. 69; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244; Г. Садвакасов. Указ. раб.
- ⁷² А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 297; его же. К вопросу о частицах в уйгурском языке. — В кн.: «Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1959, стр. 135.
- ⁷³ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 331.
- ⁷⁴ Т. Талипов. Указ. раб.; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244.
- ⁷⁵ См. предыдущую сноску, а также: А. Т. Қайдаров. К вопросу о частицах, стр. 120, 135.
- ⁷⁶ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 10.
- ⁷⁷ Цит. по: А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 115, 117.
- ⁷⁸ Т. Талипов. Указ. раб.; А. Т. Қайдаров, Г. Садвакасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244; А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 296.
- ⁷⁹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 7.
- ⁸⁰ Н. Sköld. Указ. раб., стр. 79.
- ⁸¹ W. Pröhle. Указ. раб., стр. 209; Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 114—115.
- ⁸² А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 113.
- ⁸³ А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 297.
- ⁸⁴ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 83; А. Т. Қайдаров. Указ. раб.
- ⁸⁵ Н. Sköld. Указ. раб., стр. 78.
- ⁸⁶ См.: А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 116; А. Махмудов. Указ. раб., стр. 56.
- ⁸⁷ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 19—20.

А. МАДРАХИМОВ

ОГУЗСКОЕ НАРЕЧИЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА И ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ ОГУЗСКОЙ ГРУППЫ

Изучение диалектов тюркских языков относится к числу важнейших проблем советской тюркологии, также как и изучение лексико-грамматических особенностей памятников тюркской письменности. Оба эти научные направления имеют исключительное значение для освещения истории как отдельных тюркских языков, так и всей их семьи.¹

Лексический материал, его фонетические и грамматические особенности позволяют определить принадлежность наречия или языка тому или иному народу, а также выяснить степень участия различных этнических групп в формировании данного языка. Как подчеркивает М. Ш. Ширалиев, для изучения исторических закономерностей развития языка необходимо на основе различных источников, в том числе диалектных материалов, глубоко исследовать фонологическую, грамматическую и лексическую подсистему языка в диахроническом аспекте.²

Сопоставление огузского наречия узбекского языка с огузской группой тюркских языков свидетельствует о значительной близости их лексико-грамматической структуры и большой общности. В огузском наречии узбекского языка имеются такие слова, которые в азербайджанском, туркменском и других огузских языках функционируют как литературная норма, в то время, как в узбекском литературном языке значения этих слов передаются другими формами и лексемами (см. сравнительную таблицу на следующей странице).

Разумеется, в число этнических компонентов, участвовавших в становлении и формировании узбекской народности, входили и огузы, потомками которых являются нынешние носители огузского наречия Южного Хорезма, а также других узбекских говоров огузского типа. История формирования тюркских языков и образования их диалектных систем связана с последовательным развитием различных родоплеменных объединений, из которых наиболее глубокие следы в современных тюркских языках и диалектах оставили огузский, кыпчакский, карлукский и уйгурский союзы³. Кроме того, в словарном составе старого и современного узбекского языка имеются так называемые западные огуз-

¹ А. Н. Конозов. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 4.

² М. Ш. Ширалиев. Об актуальных задачах азербайджанского языкознания. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 5.

³ См.: Н. А. Баскаков. Процесс ареальной интеграции в истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1980, № 4, стр. 2—6.

Огузское наречие	Азербайдж. язык	Туркмен. язык	Турец. язык	Гагаузский язык	Узб. лит. язык	Перевод
luz dā:li	luz dāli	buz dāli	buz dāli	buz dāli	muz tentāk	'лёд' 'прямодуш- ный'
et örtij türp	et örtüg törpü	el örtgi törpü	el örtüg törpü	et örtü törpü	göst jorgäk egav	'мясо' 'покрывало' 'напильник'
čuvuq ma:ja kiprik	čubuq maja gırpig	čubuq maja gırpig	čuvuq maja gırpig	čibiq ma:ja gerpig	navdä majak kiprik	'прут' 'подкладчик' 'ресница'

ские элементы, появившиеся в результате влияния тюркских языков огузской группы — азербайджанского, туркменского и др. Однако основу огузского компонента староузбекского и современного узбекского языков составляют слова огузского наречия узбекского языка. А. К. Боровков считал, что исторически рассадниками «западных» или огузских традиций в узбекском фольклоре и языке могли быть районы верховьев Сырдарьи и Хорезма⁴. Вместе с тем он не отрицал и факта влияния азербайджанского языка на староузбекский литературный язык до времен Алишера Навои. Солидаризуясь с А. К. Боровковым, Ф. А. Абдуллаев отмечает влияние азербайджанского литературного языка, главным образом, языка произведений Насими, на развитие староузбекского языка⁵. А. М. Щербак подчеркивает, что огузские элементы проникли в староузбекский язык (поэзию) в основном непосредственно из соответствующих диалектов. Однако, он не отрицает и факта литературной преемственности⁶. Н. Маматов указывает на огузские элементы в стихах Фурката. Например:

Anŷaq naxif oldim män xasta Furqatinga
Tutŷul alim kāräm et jetkür dämi visala

'Пожалей меня — Фурката, измученного твоим мучением,
Протяни руку, помоги до тебя прийти'.

Наличие этих элементов объясняется им, с одной стороны, влиянием поэтического творчества Физули, с другой — присущими той эпохе довольно развитыми культурно-экономическими связями между узбекским и азербайджанским народами⁷. Распространенный в Азербайджане народный эпос «Әсли вә Кәрәм» широко известен и в Хорезме. Этот эпос был записан в 1930 году в г. Хиве Узбекской ССР известным фольклористом Х. Т. Зариповым у знаменитой хивинской певицы Ханумджан Саидмамед кызы (она была более известна под псевдонимами «Ханум сувчи» и «Ханум халпа»). Ср.:

Gänŷi Qarabaydin sövdim bir gözel
Bal döküler dodaqunna diline⁸

(Азербайджанский вариант).

'Полюбил я одну красавицу из Ганджи Карабаха,
С губ которой мед сочится'.

⁴ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: «Алишер Навои», М.—Л., 1945, стр. 112.

⁵ Ф. А. Абдуллаев. XV аср адабий тилида огуз традицияси. — В журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1968, № 3, стр. 27.

⁶ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 35.

⁷ Н. Маматов. Некоторые лексические особенности произведений Фурката. — В сб.: «Научные труды Анджапанского ГПИ», т. VII, 1961, стр. 24.

⁸ Т. Салехов. «Әсли ве Керем». Автореф. канд. дисс., Баку, 1973.

Gänži Qarabaydan gäldim qaşıŋa
Saŋa žanim pida qylmasam bolmas.

(Хорезмская народная песня).

‘Из Ганджи Карабаха к тебе я пришел,
Для тебя я готов пожертвовать собою, отдать душу’.

В этих полустилизациях слова Gänži Qarabay, sövdim ‘полюбил’, bal ‘мед’, dodaqunna ‘из губ’, dilinä ‘в язык’, gäldim ‘пришел’, как в огузском наречии, так и в азербайджанском языке употреблены в одинаковой форме и в одном и том же значении. Такая лексическая общность могла возникнуть лишь в очень древний период.

Как известно, гагаузы в настоящее время территориально значительно отдалены от носителей огузского наречия узбекского языка, однако и здесь наблюдаются общие лексические и грамматические элементы, в то время как в узбекском литературном языке они либо отсутствуют, либо их значение передается другими словами и грамматическими формами (см. таблицу).

Огузское наречие	Гагаузский язык	Узбекский литературный язык	Перевод
qizma sirma göväržin cyplaq bel ajna	qizma sirma göväržin cyplaq bel ajna	žizzäki källab käptär jalanyaç belküräk küzgü	‘вспыльчивый’ ‘мошенник’ ‘голубь’ ‘голый, без ничего’ ‘лопата’ ‘зеркало’

Эти лексические параллели, безусловно, имеют свои исторические корни. Наряду с лексическими наблюдаются и грамматические соответствия. Например, форма настоящего-будущего времени желательного наклонения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа в гагаузском языке образуется при помощи личных аффиксов, присоединяющихся к основе желательного наклонения: между основой наклонения и личным аффиксом 1-го лица единственного числа появляется эпентетический *j*⁹. Это же явление можно проследить в огузском наречии (в единственном числе):

Огузское наречие	Гагаузский язык	Узбекский литературный язык	Перевод
1. al-a-jyn 2. al-a-qij 3. al-syn	al-a-jym al-a-syn al-syn	al-aj al-gin al-syn	‘возьму-ка’ ‘возьмешь-ка’ ‘чтобы он взял’

Ср. в хорезмском эпосе «Гарип ва Шосанам»:

Pärizatym syrym bājan äjläjin
Mana siz jar gārāk, dunja gārākmās.

‘Моя красавица, открою свою тайну,
Мне нужна ты, а не богатство’.

В туркменском эпосе «Гороглы»:

Ayažan, arzimi bājan äjläjin
Ilim qajsi janda, bilebilmedim.

‘Послушай, братец, скажи мне
Где моя родина, я не знаю’.

⁹ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 207.

Множественное число первого лица образуется при помощи аффикса *-lym, -lim, -lyň, -liň*. В большинстве случаев эта форма желательного наклонения употребляется с некоторыми фонетическими изменениями, то есть в этом аффиксе конечные *m, ŋ* имеют тенденцию к выпадению, что ведет к упрощению данной формы. Ср. множественное число:

Огузское наречие	Гагаузский язык	Узбекский литературный язык	Перевод
1. <i>al-a-lyň</i> 2. <i>alyň-la</i> 3. <i>al-syn-la</i>	<i>al-a-lym</i> <i>al-a-syňuz</i> <i>al-syn-laŋ</i>	<i>al-aj-lik</i> <i>al-iňiz</i> <i>al-sin-laŋ</i>	'возьмем-ка' 'возьмите-ка' 'чтобы они взяли'

Из хорезмской народной песни:

Jürin, baya giräli
Qyzyl güllä teräli
'Идем, зайдем-ка в сад,
Соберем красные розы'.

Ср. в туркменском языке:

Gel otur gasinga sen, zavqi žemaliň göreli,
Gül jüziň şöhlesine saz bilen söxbet gurali.
'Иди ко мне, садись поближе, посмотрю-ка я на тебя,
Будем-ка наслаждаться под сиянием твоей красоты'.

В гагаузском языке:

Oniki binnik alalyŋ,
Qyrgyzy şaŋar içelim.
'Получим двенадцать тысяч,
Выпьем красного вина'.¹⁰

Эта форма желательного наклонения является языковой особенностью древнетюркских письменных памятников.¹¹ Например:

Joŋar qaryb säkralim
Arslanlaju kökralim.
'Подпрыгнем-ка вверх,
Заревем-ка как лев'.¹²

В своей работе «Из истории глагола» Ш. Шукуров наряду с формами желательного наклонения *-lym, -lim; -alyŋ, -äliŋ* в языках древнетюркских письменных памятников регистрирует и форму *-alyň, -äliň*:

Jürigil kinaliň maŋa aj sözün,
*Nälik aŋra kaldi jana bu özün.*¹³
'Идем, зайдем-ка в комнату,
Скажи мне, почему ты опять вернулся'.

Помимо исконно тюркских слов в составе гагаузского языка имеется лексический пласт заимствований из арабского, персидского, русского, болгарского и других языков. Разумеется, русские и другие европейские заимствования в гагаузский язык проникли в процессе непосредственного общения гагаузов с европейцами, чего нельзя сказать, как

¹⁰ Л. А. Покровская. Указ. раб., стр. 207.

¹¹ Ш. Шукуров. Фейл тарихидан. Тошкент, 1970, стр. 11—13.

¹² Там же, стр. 12.

¹³ Там же.

отмечает В. А. Сычева¹⁴, относительно арабских и персидских лексических элементов. Б. Тукан пишет о невозможности определения времени проникновения арабско-персидских слов в гагаузский язык¹⁵. Тем не менее арабско-персидская и общетюркская лексика гагаузского языка и огузского наречия не отличаются резко друг от друга: арабские и персидские лексические элементы, присутствующие в гагаузском языке, употребительны и в огузском наречии, тогда как в узбекском литературном языке они отсутствуют или же их смысл передается другими формами и словами. Приведем сравнительную таблицу:

Огузское наречие	Гагаузский язык	Узбекский литературный язык	Перевод
näl	näl	taqa	'подкова'
saqa	saqa	toyan	'плотина, водовоз'
javan	jaban	dälä	'поле, село'
ajna	ajna	küzgü	'зеркало'
täkä	täkä	jastyq	'подушка'
de:ra	däära	çildirmä	'бубен'
supra	sufra	supra (уст.)	'скатерть, стол'
qala	qalä	qorqan	'крепость'

Каковы же пути проникновения арабско-персидских заимствований в гагаузский язык? По мнению В. А. Сычевой, основная масса арабизмов и персизмов последнего периода проникла в гагаузский язык через посредство турецкого языка¹⁶. Что же касается лексико-семантических соответствий арабско-персидского пласта в гагаузском языке и в огузском наречии узбекского языка, то приведенные выше обнаруженные в них лексические параллели свидетельствуют о том, что они возникли в далеком прошлом. По-видимому, истоки этих соответствий и возникновения общего лексического пласта арабско-персидских заимствований связаны с исторически сложившимися условиями жизни огузов в XI—XII веках. Наблюдаемые ныне явления представляют собой отражение древнего процесса в формировании огузских языков.

Э. Н. Наджип, отмечая существование исторической преемственности в области языка, указывает на необходимость учета такого фактора, как формирование и развитие литературных языков¹⁷.

Уместно обратиться и к некоторым фактам истории развития и становления огузской народности в VIII—XI веках в Средней Азии. С. П. Толстов в числе крепостей древнего Хорезма Топрак-кала, Кырк-кыз-кала называет и *Кёк-Огуз*¹⁸. По нашему мнению, термин *Кёк-Огуз* претерпел примерно следующую эволюцию: *Кёкогуз* > *кёгогуз* > *гёгогуз* > *гёгагуз* > *гагавуз* > *гагауз*. М. Н. Губогло, говоря о предках современных гагаузов, констатирует, что изучение источников позволяет проследить параллели в элементах материальной и духовной культуры трех отделенных друг от друга по времени групп народов, в том числе средневековых кочевых узов¹⁹. Так что исторический топоним *Кёк-Огуз* впол-

¹⁴ В. А. Сычева. Арабско-персидские заимствования в лексическом составе гагаузского языка. — «Советская тюркология», 1973, № 4, стр. 24.

¹⁵ Б. П. Тукан. Состав лексики вулканештского диалекта гагаузского языка. — В сб.: «Вопросы лексикологии и лексикографии», Кишинев, 1968, стр. 178.

¹⁶ В. А. Сычева. Указ. раб., стр. 25.

¹⁷ Э. Н. Наджип. О языке памятника пачала XIII века «Кисси-и Юсуф» Али. — «Советская тюркология», 1976, № 2, стр. 75.

¹⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 30.

¹⁹ М. Н. Губогло. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 86.

не может служить аргументом, свидетельствующим о проживании предков гагаузов в Средней Азии. Таким образом, приведенные выше лексические параллели и их развитие не случайны, а закономерны. Они, несомненно, являются исторически сложившимися языковыми фактами, восходящими к древнеогузским прототипам. Приведем сравнения:

Огузское наречие	Азербайдж. язык	Туркмен. язык	Турецк. язык	Гагаузский язык	Древне-тюркский	Перевод
ar:ja	aja	aja	aja	aja	aja	'ладонь'
jyldyrym	jyldyrym	jyldyrym	jyldyrym	jyldyrym	jyldyrym	'молния'
jumurta	jumurta	jumurta	jumurta	jumurta	jumurtqa	'яйцо'
jumruq	jumruq	jumruq	jumruq	jumruq	jumruq	'кулак'
e:t	et	et	et	et	et	'мясо'
ja:va	java	java	java	java	java	'вилы'
nāl:l	nāl	nāl	nāl	nāl	nāl	'подкова'
to:p	top	top	top	top	top	'мяч'
qary	qary	qary	qary	qary	qaryu	'дверь'
qarynžā	qarynža	qarynža	qarynža	qarynža	qarynža	'муравей'

В узбекском литературном языке этим словам соответствуют: käft, jāšin, tuxum, mušt, göšt, pānšāxā, taqa, kāptak, ešik, cūnali.

Изучение лексики тюркских языков относится к актуальным проблемам советской тюркологии. Поэтому лексические особенности отдельных диалектов должны быть объектом пристального внимания тюркологов-лексикографов.

И. Я. СЕЛЮТИНА

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Интенсивно протекающий в настоящее время объективный прогрессивный процесс консолидации языков путем слияния диалектов и ассимиляции языков малых народностей выдвигает в качестве одной из важнейших и актуальнейших задач планомерную и последовательную фиксацию исчезающих языков и диалектов во всем объеме их систем — лексической, грамматической, и прежде всего — фонетической¹. Это важно еще потому, что артикуляционно-акустическая база — исторически обусловленная система произносительных навыков, свойственных этносу и через этнос — языку, — является возможным источником для восстановления сложных этногенетических процессов². На данном этапе исследования фонетическую систему языка можно наиболее объективно выявить и зафиксировать лишь с применением методов экспериментальной фонетики.

Для изучения фонетики языков и диалектов Сибири и Дальнего Востока — а их насчитывается более тридцати — в декабре 1968 года в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР была организована Лаборатория экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР), которую возглавил В. М. Наделяев.

В условиях Сибири с ее многочисленными языками и территориальными диалектами перед Лабораторией были поставлены специфические, тесно связанные между собой и взаимно обусловленные задачи.

1. Планомерное фронтальное изучение всех аспектов (консонантизм, вокализм, акцентуация, тональность и ритмомелодика) звуковых систем языков и территориальных диалектов аборигенов Сибири и сопредельных регионов.

2. Освоение и интенсивное использование современных методов экспериментально-фонетических исследований (осциллографирование, палатографирование, статическое и динамическое рентгенографирование, статический и динамический спектральный анализ, аудитивный метод), усовершенствование существующих и поиски новых экспериментальных методов и приемов с разработкой соответствующей аппаратуры и инструментария.

3. Подготовка высококвалифицированных фонетистов-экспериментаторов для ЛЭФИ и фонетических лабораторий НИИ и вузов Сибири.

4. Теоретическое обобщение результатов экспериментально-фонетических исследований языков и диалектов Сибири и сопредельных регио-

гов и ввод их в научный обиход, использование практических выводов в условиях национальной школы.

В процессе интенсивной работы по изучению звуковых систем исследуемых языков и накопления экспериментально-фонетического материала стала возможной постановка следующих теоретических задач, обусловленных требованиями практического применения.

1. Разработать «теорию артикуляционно-акустической базы (ААБ) с выявлением обязательных минимальных наборов доминирующих фонетических признаков-характеристик»³, определяющих качественно-количественную индивидуальность каждой ААБ и на основе теории ААБ отработать типологию артикуляционно-акустических баз, что явится, наряду с данными исторических дисциплин, одним из важнейших источников для восстановления сложных этногенетических процессов, протекавших на территории Сибири и сопредельных с ней регионов.

2. На базе массового экспериментально-фонетического материала типологически различных языков и диалектов Сибири и Дальнего Востока с привлечением данных звуковых систем языков других районов мира усовершенствовать артикуляционную классификацию звуков речи, имеющую важное теоретическое и практическое значение для адекватной трактовки конкретных звуков исследуемых языков.

3. Опираясь на полученный в ЛЭФИ и других лабораториях Сибири экспериментально-фонетический материал по языкам Сибири и на описания звуковых систем этих языков, разработать вопросник для проведения планируемого на следующие пятилетия фонетического атласирования языков Сибири и Дальнего Востока.

Сотрудники ЛЭФИ разрабатывают большую многолетнюю тему «Фронтальное экспериментально-фонетическое исследование звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов». Эта коллективная работа является одним из разделов темы «Развитие и взаимодействие языков народов Сибири», выполняемой языковедами Отдела филологии ИИФФ по комплексной программе социально-культурного развития Сибири (в программе «Сибирь»). В фонетических лабораториях Якутска, Улан-Удэ, Горно-Алтайска, Кызыла, Абакана, Кемерово и Улан-Батора (МНР) исследуются различные аспекты звукового строя двадцати пяти языков и территориальных диалектов Сибири и сопредельных регионов: двенадцати тюркских — алтайского, чалканского, кумандинского, шорского, бачатско-телеутского, тувинского, тофского, хакаского, чулымско-тюркского, долганского, якутского, восточного диалекта турецкого (Казахстан); трех монгольских — халха-монгольского, цонгольско-бурятского, хоринского бурятского; четырех самодийских — ненецкого (лесной диалект), зырянского (диалект бай), нганасанского, селькупского; двух обско-угорских — хантыйского (казымский диалект) и мансийского; трех тунгусо-маньчжурских — томского и полигусовского говоров эвенкийского языка, нанайского; двух палеоазиатских — кетского, юкагирского.

Наиболее полно и всесторонне охвачены экспериментально-фонетическим обследованием тюркские языки и диалекты Сибири. По разработанной в ЛЭФИ единой методике изучаются консонантизм алтайского⁴, кумандинского⁵, чалканского⁶, бачатско-телеутского⁷, шорского⁸, тувинского⁹, тофского¹⁰, чулымско-тюркского¹¹, долганского¹² языков; вокализм алтайского¹³, чалканского¹⁴, шорского¹⁵, бачатско-телеутского¹⁶, тувинского¹⁷, тофского¹⁸, чулымско-тюркского¹⁹, долганского²⁰, турецкого²¹ языков; акцентуация (словесная) тувинского²², кумандинского, шорского²³, чулымско-тюркского²⁴, якутского²⁵ языков; ритмомелодика шорского, хакаского²⁶ и якутского²⁷ языков.

Параллельно с изучением звуковых систем языков Сибири в ЛЭФИ осуществляется разработка новых и усовершенствование старых методов и приемов экспериментально-фонетического исследования. Разработанный В. М. Наделяевым графический пневмоосциллографический метод с применением сконструированного в Лаборатории агрегата ПОГ-70 (авторы-конструкторы А. Н. Ширококов, В. Л. Сметанин), осуществляющего синхронную раздельную по каналам носа, рта и горла запись на киноплёнке с фиксацией показаний отметчика времени, позволяет достаточно надёжно и объективно производить сегментацию словоформ на фонемно отнесенные звуки, определять в миллисекундном выражении длительности словоформ, позиционно-комбинаторных проявлений фонем в их оттенках и компонентов последних, а также, и это весьма существенно, выделять компоненты в звуках, устанавливая тем самым их качественную характеристику. Полученные в результате анализа все абсолютные и относительные данные по звукам и их компонентам являются достаточно объективным исходным материалом для анализа и статистической обработки при описании звуковой системы исследуемого языка. По рекомендации ЛЭФИ ИИФФ такие агрегаты ПОГ установлены в фонетических лабораториях Якутского и Тувинского НИИЯЛИ; работа на них осуществляется по методике, принятой в ЛЭФИ.

При обработке данных соматических исследований в ЛЭФИ используются усовершенствованные и уточненные традиционные методики палатографики и статического рентгенографирования. Для объективного сопоставления дентопалатограмм разных дикторов В. М. Наделяевым введена система маркировки искусственного нёба стабильной сеткой из семи точек. Кроме того, к оттискам языка на твердом нёбе добавлены оттиски языка на передних верхних зубах, в связи с чем метод был назван дентопалатографическим. Уточнения, внесенные в методику расшифровки и анализа данных рентгенограмм, позволяют получать планомерное изображение органов речевого аппарата на сагиттальной плоскости, дающее более полную информацию. Разработана также методика количественного анализа данных рентгенографирования²⁸.

Из-за отсутствия в ЛЭФИ современной акустической аппаратуры спектрографирование и интонографирование проводится в фонетических лабораториях Алма-Аты, Ленинграда, Улан-Удэ, Абакана, где огромную помощь в организации экспериментально-фонетических исследований оказывают сотрудники ЛЭФ ИЯ АН Казахской ССР, ФЛ им. академика Л. В. Щербы ЛГУ, ЛЭФ БИОН БФ СО АН СССР, ЛЭФ Хакасского пединститута.

Успешно решается в ЛЭФИ проблема подготовки кадров фонетистов-экспериментаторов для НИИ и вузов Сибири. За тринадцать лет существования ЛЭФИ подготовлено более пятидесяти высококвалифицированных специалистов.

При помощи и содействии ЛЭФИ созданы экспериментально-фонетические лаборатории в Улан-Удэ, Якутске, Горно-Алтайске, Кызыле, Элисте, Томске, Кемерово, Барнауле, Улан-Баторе, где выпускники ЛЭФИ продолжают исследования в области экспериментальной фонетики языков аборигенов Сибири.

Фронтальное исследование фонетики современных тюркских, монгольских, самодийских, обско-угорских, тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков, выполненное на большом экспериментальном материале и по единой методике, позволило коллективу исследователей, возглавляемому В. М. Наделяевым, поставить и решить ряд вопросов, важных для общей, экспериментальной и сравнительно-исторической фонетики. Уточнены принципы научной классификации гласных и согласных

звук. Так, в основу классификации гласных взят предложенный Д. Джоунзом, уточненный академиком Л. В. Щербой, и наиболее адекватно отражающий предмет исследования принцип трапезиевидного построения таблицы, учитывающей все возможности речевого аппарата. Однако, в отличие от Л. В. Щербы, строившего таблицу по координатному принципу, В. М. Надеяев положил в основу построения векторный принцип, при котором учитывается направленность движения активной части языка и мера продвижения ее по этому направлению. В результате предложенная классификация приобрела вид неправильной выгнутой трапеции, внутри которой размещены все фонетические группы основных оттенков гласных фонем (табл. 1). Такие классификацион-

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ГЛАСНЫХ

по 5 рядам, 6 (~4) ступеням снижения и дополнительной работе губ
по Л. В. Щербе на основе алфавита МФА с уточнениями В. М. Надеяева

Ряды	Ступени	Смешанные рядные				Центрально-заднерядные		Заднерядные
		переднерядные индекс-7	индекс-59	индекс-89	индекс-9	индекс-90	индекс-90	
1		i y	ы	й	й	ш	ш	и
2		и y	ь	ү	ү	е	е	и
3		е ø	э	ö	ö	х	х	и
4		ε œ	з	ä	ä	л	л	и
5		ж æ	э	ä	ä	α	α	и
6		а æ	в	ä	ä	α	α	и

ные таблицы выполнены в ЛЭФИ для вокалических систем тофского, чалканского, чулымско-тюркского, восточного диалекта турецкого, монгольского, бурятского, калмыцкого, энецкого, ненецкого, хантыйского, мансийского и других языков. Результаты экспериментального исследования монгольского, бурятского и ряда тюркских языков подтвердили на практике существование центрального ряда гласных, предсказанного Л. В. Щербой теоретически. Экспериментальные данные по вокализму турецкого (восточный диалект), монгольского и других языков позволили установить новый, неизвестный в общей фонетике, ряд звуков — центральнозадний, имеющий все шесть ступеней подъема. Удалось внести уточнение в градацию ступеней подъема гласных смешанного ряда: Л. В. Щерба, основываясь на языковом материале европейских языков, предусмотрел теоретически четыре возможные ступени подъема, в то время как полученный в ЛЭФИ экспериментальный материал по сибирским языкам позволил выделить гласные смешанного ряда всех шести ступеней подъема.

Внесены уточнения и в артикуляционную классификацию согласных звуков, отработанную акад. Л. В. Щербой. Выделены дополнительные группировки согласных (межзубочные, мягконебные, надгортанные), уточнены группировки сложных согласных, введена в качестве обязательной характеристика консонантов по пассивным речевым органам.

Изучение в ЛЭФИ звуковых систем тюркских языков и их диалектов позволило наметить четыре типа систем противопоставления согласных фонем: 1) сильные /слабые/ сверхслабые (тувинский, тофский, отдельные говоры узбекского); 2) глухие /звонкие/ сонантные (якутский, татарский, чулымско-тюркский); 3) краткие /долгие/ нейтральные по длительности (сагайский диалект хакасского языка, алтайский, кумандинский, чалканский, бачатско-телеутский, долганский); 4) шумные придыхательные /шумные непрдыхательные/ сонантные²⁹.

При описании результатов исследований в ЛЭФИ используются знаки транскрипционной системы Л. В. Щербы, дополненные надлежащей символикой и диакритикой в соответствии с уточнениями в артикуляционной классификации звуков³⁰. Эта же транскрипция принята Советским комитетом тюркологов в качестве обязательной при составлении «Диалектологического атласа тюркских языков СССР»³¹.

Обобщение результатов исследования звуковых систем двадцати пяти языков и территориальных диалектов народов Сибири и сопредельных регионов позволило В. М. Наделяеву разработать теорию артикуляционно-акустической базы — системы взаимообусловленных, исторически сложившихся артикуляторных навыков с их акустическими эффектами, свойственных данному этносу — как исторического источника, и приступить к разработке типологической классификации артикуляционно-акустических баз. Это позволит, в совокупности с результатами исторических и археологических изысканий, установить важные этногенетические процессы. Так, например, массовое экспериментально-фонетическое исследование артикуляторных навыков, свойственных носителям современного монгольского языка, дает основание предположить, что монголы центральных аймаков МНР — древние тюрки по происхождению. Артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов — преобразованная (не ранее XI в.) артикуляционно-акустическая база древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напряжения речевого аппарата: сильные /слабые/ сверхслабые³². Учет артикуляционно-базовых признаков позволит обосновать гипотезу о киданьской монголизации якутского языка (в XI—XII вв.)³³. Характеристика артикуляционно-акустической базы (ААБ) современных эвенов позволила предположить, что эвены как этнос мигрировали примерно в IX—X веках н. э. из Прибайкальско-енисейского региона на северо-восток, усвоив в ходе миграции новый для себя тунгусо-маньчжурский язык, проявив в нем свою ААБ, резко отличающуюся от ААБ других тунгусо-маньчжурских народностей³⁴. Фонетические, а также морфологические данные свидетельствуют о союзе части так называемых алтайских языков в регионе южного Прибайкалья и Забайкалья: тюркские языки саянской подгруппы — тувинский, тофский, уйгуро-урянхайский (МНР); монгольские языки — халха-монгольский, бурятский, ойратский; тунгусо-маньчжурский язык — эвенкийский. Существование этой лиги языков обусловлено доалтайским субстратом на указанной территории³⁵.

Результаты экспериментально-фонетических исследований языков и диалектов Сибири и сопредельных регионов обобщены теоретически в многочисленных статьях сотрудников, аспирантов и стажеров ЛЭФИ³⁶.

и опубликованы в различных сборниках, изданных как в Новосибирске, так и в других городах Сибири. Вышли из печати выполненные в ЛЭФИ монографии М. Ч. Чумакаевой³⁷, Э. И. Бюраевой³⁸, Я. Н. Поповой³⁹, Р. М. Бирюкович⁴⁰, Б. Ж. Будаева⁴¹; И. Е. Алексеева⁴², И. Я. Селютиной⁴³.

Определенные итоги работы ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР и фонетических лабораторий научных институтов и вузов Сибири были подведены на Первой Всесоюзной конференции «Исследования звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов», состоявшейся 4—6 апреля 1979 года в Новосибирске. Конференция, обсудившая актуальные проблемы фонетики языков Сибири, наметила задачи на ближайшее пятилетие. Проведение следующей, второй, конференции предполагается также в Новосибирске в 1983 году.

¹ Е. И. Убрятова. Язык народа — важный исторический источник. — В кн.: «Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока». Тезисы докладов Всесоюзной конференции, Новосибирск, 1973, стр. 212—215; М. А. Бородина. О развитии лингвеографических исследований языков Сибири. — В кн.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1976, стр. 48—51; В. М. Наделяев. Выступление на координационной конференции. — В кн.: «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965, стр. 206—208.

² В. М. Наделяев. Артикуляционная классификация гласных. — В кн.: «Фонетические исследования по сибирским языкам». Новосибирск, 1980, стр. 6.

³ В. М. Наделяев. Артикуляционная классификация гласных, стр. 6.

⁴ М. Ч. Чумакаева. Консонантизм в алтайском языке. — В кн.: «Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», Новосибирск, 1969, стр. 237—239; *ее же*. Шумные согласные в алтайском языке. — В кн.: «Языки и литература народов Сибири», Новосибирск, 1970, стр. 52—87; *ее же*. Малошумные согласные алтайского языка. — В кн.: «Фонетика и морфология языков народов Сибири», Новосибирск, 1972, стр. 3—39; *ее же*. Фонемный состав алтайского литературного языка. — В кн.: «Вопросы алтайского языкознания», Горно-Алтайск, 1976, стр. 61—70; *ее же*. Классификация и характеристика гласных и согласных фонем алтайского языка. — В кн.: «Вопросы изучения алтайского языка», Горно-Алтайск, 1981, стр. 3—18.

⁵ И. Я. Селютина. Дентопалатограммы кумандинских согласных. — В кн.: «Исследования по фонетике сибирских языков», Новосибирск, 1976, стр. 26—62; *ее же*. Инвентарь согласных фонем языка кумандинцев. — В кн.: «Сибирский фонетический сборник», Улан-Удэ, 1976, стр. 60—86; *ее же*. Кумандинские согласные второй артикуляции по данным рентгенографирувания. — В кн.: «Исследования по языкам народов Сибири», Новосибирск, 1977, стр. 91—100; *ее же*. Фонемы [t]₁ и [t]₂ в кумандинском языке. — В кн.: «Языки народов Сибири», Кемерово, 1977, стр. 45—58; *ее же*. Малошумные [l], [r] в языке кумандинцев. — В кн.: «Изучение языков Сибири», Новосибирск, 1978, стр. 53—62; *ее же*. Фонемы [s] и [ʃ] в языке кумандинцев. — В кн.: «Языки народов Сибири», вып. 2, Кемерово, 1978, стр. 175—184; *ее же*. Кумандинские среднеязычные согласные. — В кн.: «История и диалектология языков Сибири», Новосибирск, 1979, стр. 99—107; *ее же*. Кумандинские шумные согласные четвертой артикуляции. — В кн.: «Фонетика сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 45—65; *ее же*. Кумандинские шумные среднеязычные. — В кн.: «Исследования звуковых систем сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 125—143; *ее же*. Губные шумные согласные в кумандинском. — В кн.: «Народы и языки Сибири», Новосибирск, 1980, стр. 184—201; *ее же*. К трактовке кумандинского консонантизма. — В кн.: «Звуковой строй сибирских языков», Новосибирск, 1980, стр. 3—13; *ее же*. Кумандинские шумные согласные. — В кн.: «Фонетические исследования по сибирским языкам», Новосибирск, 1980, стр. 107—122; *ее же*. Кумандинские малошумные носовые согласные. — В кн.: «Языки народов Сибири», Кемерово, 1980, стр. 181—193; *ее же*. Кумандинские малошумные согласные. — В кн.: «Вопросы изучения алтайского языка», Горно-Алтайск, 1981, стр. 54—59.

⁶ Н. А. Мандрова. Переднеязычные согласные в языке чалканцев. — В кн.: «Исследования звуковых систем сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 110—124; *ее же*. Артикуляторные характеристики переднеязычных чалканских согласных по данным дентопалатографирувания. — В кн.: «Сибирский диалектологический сборник», Новосибирск, 1980, стр. 115—127; *ее же*. Фонемы [j], [h] и [r] в языке чалканцев (по данным рентгено- и дентопалатографирувания). — В кн.: «Фонетические исследования по сибирским языкам», Новосибирск, 1980, стр. 123—138; *ее же*. Реестр согласных фонем в языке чалканцев (предварительные выводы). — В кн.: «Вопросы изучения алтайского языка», Горно-Алтайск, 1981, стр. 43—53.

⁷ К. В. Меркурьев. Сонорные консонанты языка бачатских телеутов (предварительные материалы). — «Ученые записки Кемеровского госпединститута», вып. 25, Кемерово, 1971, стр. 42—46; *его же*. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов. — В кн.: «Вопросы языка и литературы народов Сибири», Новосибирск, 1974, стр. 49—64; *его же*. Переднеязычные фонемы [t] и [tʰ] в языке бачатских телеутов. — В кн.: «Язык бачатских телеутов», Кемерово, 1976, стр. 72—81; *его же*. О фонемах [k] и [kʰ] в языке бачатских телеутов. — Там же, стр. 48—72; *его же*. Малошумные согласные языка бачатских телеутов. — Там же, стр. 3—48; *его же*.

Шумные переднеязычные консонанты [s] и [ʃ] в языке бачатских телеутов. — В кн.: «Языки народов Сибири», Кемерово, 1977, стр. 38—44; *его же*. О губных фонемах [p] и [pʰ] в языке бачатских телеутов. — Там же, стр. 34—37.

⁸ Н. Б. Поспелова. Состав согласных фонем в шорском языке. — В кн.: «Языки народов Сибири», Кемерово, 1977, стр. 21—33; *ее же*. Позиционно-комбинаторное использование шорских согласных звуков. — В кн.: «Языки народов Сибири», Кемерово, 1980, стр. 194—200.

⁹ С. Ф. Сегленей. Инвентарь согласных фонем современного тувинского языка. — В кн.: «Исследования звуковых систем сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 90—109; *ее же*. Тувинские переднеязычные в твердоязычных словоформах (по данным рентгенограмм и дентопалатограмм). — В кн.: «Фонетика сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 35—44.

¹⁰ В. М. Наделез. Звуковые системы языков. — «За науку в Сибири», Новосибирск, 1970, 25 марта, стр. 8; *его же*. Особенности звуковой системы языка тофов. — В кн.: «Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“», Новосибирск, 1969, стр. 235—236.

¹¹ Р. М. Бирюкович. О звуке «ч» в среднечулымском диалекте. — В кн.: «Фонетика и морфология языков народов Сибири», Новосибирск, 1972, стр. 40—43; *ее же*. Сравнительно-исторический анализ фонемы «с» в среднечулымском диалекте. — В кн.: «Вопросы тюркской филологии», Кемерово, 1973, стр. 10—14; *ее же*. Палатализация согласных в среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка. — В кн.: «Языки и топонимия Сибири», Томск, 1975, стр. 18—21; *ее же*. Палатальный сингармонизм в чулымско-тюркском языке. — В кн.: «Языки и топонимия», Томск, 1976, стр. 65—67.

¹² Н. П. Бельтюкова. Долганское соответствие алтайскому ряду чередования *и, чʰ, ш, с, н*. — В кн.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1973, стр. 112—114; *ее же*. Сонорные согласные долганского языка. — В кн.: «Языки и топонимия Сибири», Томск, 1975, стр. 35—42; *ее же*. Ртовые малошумные согласные в долганском. — В кн.: «Исследования по фонетике сибирских языков», Новосибирск, 1976, стр. 3—25; *ее же*. Переднеязычные в долганском. — В кн.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1976, стр. 68—70; *ее же*. Носовые малошумные согласные в долганском языке. — В кн.: «Сибирский фонетический сборник», Улан-Удэ, 1976, стр. 43—59; *ее же*. Дистрибуция согласных четвертой артикуляции в долганском языке. — В кн.: «Языки народов Сибири», Кемерово, 1977, стр. 59—61; *ее же*. Щелевые шумные фонемы западного варианта долганского языка. — В кн.: «Народы и языки Сибири», Новосибирск, 1980, стр. 156—163.

¹³ М. Ч. Чумакаева. Фонемный состав алтайского литературного языка. — В кн.: «Вопросы алтайского языкознания», Горно-Алтайск, 1976, стр. 61—70.

¹⁴ В. Н. Кокорин. Дистрибуция гласных в чалканском диалекте алтайского языка. — В кн.: «Исследования звуковых систем сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 14—28; *его же*. Артикуляторные настройки гласных твердого ряда в языке чалканцев (по данным статистического рентгенографирования). — В кн.: «Информация и языковой знак», Тюмень, 1979, стр. 53—56; *его же*. Квантитативные характеристики фонем типа *α* в языке чалканцев. — В кн.: «Сибирский диалектологический сборник», Новосибирск, 1980, стр. 86—114; *его же*. Спектральные характеристики чалканских широких гласных. — В кн.: «Фонетические исследования по сибирским языкам», Новосибирск, 1980, стр. 92—97; *его же*. Формантные характеристики узких чалканских гласных. — В кн.: «Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР», Новосибирск, 1981, стр. 146—151; *его же*. Состав гласных фонем в чалканском диалекте. — В кн.: «Вопросы изучения алтайского языка», Горно-Алтайск, 1981, стр. 25—34; *его же*. Фонематическая отнесенность чалканских звуков типа *i*. — В кн.: «Вопросы изучения алтайского языка», Горно-Алтайск, 1981, стр. 35—42.

¹⁵ И. П. Бородкина. Состав гласных в мрасском диалекте шорского языка. — В кн.: «Языки народов Сибири», Кемерово, 1977, стр. 11—20.

¹⁶ Г. Г. Фисакова. Фонетические закономерности бачатско-телеутского вокализма. — В кн.: «Фонетика сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 94—97.

¹⁷ К. А. Бичелдей. Назализованные гласные современного тувинского языка. — В кн.: «Исследования звуковых систем сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 29—34; *его же*. Чередование фарингализованных и нефарингализованных гласных в некоторых формах глаголов. — В кн.: «Фонетические исследования по сибирским языкам», Новосибирск, 1980, стр. 98—106; *его же*. Вопросы орфографирования фарингализованных

гласных современного тувинского языка. — В кн.: «Тувинская письменность, язык и литература», Кызыл, 1980, стр. 92—96; *его же*. Фарингаллизированные гласные в тувинском языке. — В кн.: «Звуковой строй сибирских языков», Новосибирск, 1980, стр. 39—65; *его же*. Фарингаллизация гласных в тувинских заимствованиях из монгольского и русского языков. — В кн.: «Языки народов Сибири», Кемерово, 1980, стр. 248—253.

¹⁸ В. М. Наделеев. Особенности звуковой системы языка тофов. — В кн.: «Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“», Новосибирск, 1969, стр. 235—236.

¹⁹ Р. М. Бирюкович. О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке. — «Советская тюркология», 1975, № 6, стр. 55—67.

²⁰ Т. М. Кошеверова. Долганские твердые долгие гласные по данным рентгенографирования. — В кн.: «Звуковой строй сибирских языков», Новосибирск, 1980, стр. 32—38.

²¹ М. П. Ибрагимов. Гласные фонемы в восточном говоре восточного наречия турецкого языка (по экспериментальным данным). Новосибирск, 1977 (рукопись).

²² А. Д. Тяпкин. Корреляты словесного ударения в тувинском языке. — В кн.: «Звуковой строй сибирских языков», Новосибирск, 1980, стр. 94—120.

²³ Н. В. Шавлова. Количественный фактор в характеристике ударного гласного. — В кн.: «Языки и топонимия», вып. VI, Томск, 1978, стр. 71—77.

²⁴ Р. М. Бирюкович. Некоторые данные о чулымско-тюркском ударении в двусложных словах. — В кн.: «Языки и топонимия», Томск, 1976, вып. 2.

²⁵ И. Е. Алексеев. Бётлингк и изучение словесного ударения в якутском языке (предварительное сообщение). — В кн.: «О. Н. Бётлингк и его труды о языке якутов», Якутск, 1973, стр. 70—101; *его же*. Тональность двусложных якутских словоформ. — В кн.: «Лексикологические исследования», Якутск, 1976, стр. 83—94.

²⁶ К. Н. Бурикова. Изучение звуковой системы хакасского языка (обзор и задачи). — В кн.: «Исследования звуковых систем сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 3—13; *ее же*. Мелодемы простых двусоставных побудительных предложений в качинском диалекте хакасского языка. — Мелодемы простых односоставных повествовательных предложений качинского диалекта хакасского языка. — В кн.: «Звуковой строй сибирских языков», Новосибирск, 1980, стр. 76—93.

²⁷ И. Е. Алексеев. Мелодемы односоставных и двусоставных нераспространенных предложений якутского языка. — В кн.: «Языки и литература народов Сибири», Новосибирск, 1970, стр. 3—51.

²⁸ Разработанные в ЛЭФИ методики анализа рентгенограмм и дентопалатограмм изложены в работах: В. М. Наделеев. Артикуляционная классификация гласных, стр. 3—91; И. Я. Селютин. Дентопалатограммы кумандинских согласных. — В кн.: «Исследования по фонетике сибирских языков», Новосибирск, 1976, стр. 26—62; *ее же*. Кумандинские согласные второй артикуляции по данным рентгенографирования. — В кн.: «Исследования по языкам народов Сибири», Новосибирск, 1977, стр. 91—100; Ю. А. Тамбовцев. Гласные мансийского языка по данным рентгенографирования (на материале среднесосьвинского твора). — В кн.: «Исследование звуковых систем сибирских языков», Новосибирск, 1979, стр. 78—89.

²⁹ Существование в тюркских языках трех типов систем противопоставления согласных фонем — по степени мускульной напряженности, по работе голосовых связок и по длительности впервые было теоретически обобщено и изложено В. М. Наделеевым в 1959 году (см. кн.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Стенограмма координационного совещания по вопросам методов изучения истории тюркских языков, состоявшегося в Ашхабаде 19—22 октября 1959 г.», Ашхабад, 1961, стр. 193—197).

³⁰ См.: В. М. Наделеев. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.—Л., 1960; *его же*. Артикуляционная классификация гласных, стр. 40—43.

³¹ М. А. Бородин, Г. Ф. Благова, З. П. Демьяненко и др. Семинар по тюркской лингвистической географии. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 97 и 101.

³² Эта гипотеза впервые была высказана В. М. Наделеевым в докладе «К типологии артикуляционных баз», прочитанном на заседании Ученого совета ИИФФ СО АН СССР 14 мая 1979 г. См. об этом: В. М. Наделеев. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера. — В кн.: «Письменность народов Сибири. История и перспективы», Новосибирск, 1981, стр. 11—16.

³³ Впервые была высказана В. М. Наделеевым в докладе на Всесоюзной конференции «Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1973 (см.: В. М. Наделеев. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований..., стр. 15).

³⁴ Там же, стр. 15.

³⁵ См.: доклад В. М. Наделеева «Прибайкальское общесловие» на IX Дульзеновских чтениях. Томск, 1—4 февраля 1982 г. В. М. Наделеев выделил названные тюркские языки в саянскую подгруппу в выступлении на заседании ученого совета ИЯЛ АН МНР в 1978 г.

³⁶ Полную библиографию публикаций ЛЭФИ по фонетике языков народов Сибири см. в кн.: «Письменность народов Сибири. История и перспективы», Новосибирск, 1981, стр. 16—29.

³⁷ М. Ч. Чумакаева. Согласные айтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск, 1978.

³⁸ Э. И. Бюраева. Ритмомелодика простых нераспространенных предложений бурятского языка. Улан-Удэ, 1978.

³⁹ Я. Н. Попова. Фонетические особенности лесного наречия ченецкого языка. М., 1978.

⁴⁰ Р. М. Бирюкович. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.

⁴¹ Б. Ж. Будаев. Акцентуация бурятского языка. М., 1981.

⁴² И. Е. Алексеев. Вопросительное предложение в якутском языке. Якутск, 1982.

⁴³ И. Я. Селютин. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983.

РЕЦЕНЗИИ

А. Н. КОНОНОВ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ. ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

ИЗД-ВО «НАУКА», ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ, ЛЕНИНГРАД, 1982, 360 стр.

Виднейший советский тюрколог академик А. Н. Кононов широко известен не только своими трудами по тюркской филологии, но и исследованиями в области историографии отечественного востоковедения¹. Среди них вышедшая в свет свыше десяти лет назад книга «История изучения тюркских языков в России» (1972), которой было суждено обрести широкого и благодарного читателя и вскоре сделаться библиографической редкостью.

Сейчас появилось второе, исправленное и дополненное издание этой книги, заслуживающее специального рассмотрения.

Работая над новым изданием книги, А. Н. Кононов внес в ее текст необходимые уточнения и, что крайне важно, несколько изменил сам план книги (преимущественно за счет ряда новых разделов), стремясь по возможности полностью использовать новые материалы и исследования по истории изучения отдельных тюркских языков» (стр. 3) и учесть полезные замечания и пожелания рецензентов².

Действительно, сопоставление текстов обоих изданий рецензируемой книги убеждает в том, что последнее весьма существенно отличается от первого и не только за счет включения новых разделов, но и благодаря обогащению множества положений книги новыми деталями, дополнительными данными и указаниями на источники и ли-

тературу, вплоть до новейших (1979—1981), публикаций³.

При всем том автор сохранил, в основном, прежнюю структуру своей книги: I. Предыстория русской тюркологии (до начала XVIII в.); II. Зарождение научной тюркологии в России (начало XVIII в.); III. Тюркское языкознание в Академии наук (XIX — начало XX века); IV. Преподавание тюркских языков в учебных заведениях России (XVIII — начало XX века); V. Из истории тюркского языкознания в России. Однако в предшествующем издании книги А. Н. Кононова глава пятая («Из истории тюркского языкознания в России») включала восьмой раздел — «Изучение памятников рунического, дрезнеуйгурского, арабского письма». Во втором издании этот раздел вошел уже в состав новой, шестой главы («Основные направления изучения тюркских языков в России»).

В текст первой главы введен новый раздел «О термине-этниме *türk*» (стр. 14—17). Содержание главы четвертой пополнено параграфами — «Общество русских ориенталистов (1910—1917)» и «Восточный институт во Владивостоке (1899—1916)». Сделаны дополнения к разделу «Рукописные тюркские вокабулярии, глоссарии, словари, разговорники XVIII — начала XIX в.» (стр. 97—98). Страницы, посвященные деятельности академика В. В. Радлова, пополнены сведениями о так называемых «радловских четвергах» (стр. 122) и др. Данными за 1893—1915 годы обогащен раздел «Научные экспедиции востоковедов в XIX — начале XX в.» (стр. 128). Раздел «Преподавание тюркских языков в университетах России» (в первом издании — «в русских университетах») снабжен во втором изда-

¹ Подробнее об этом см.: Б. В. Лунин. Академик А. Н. Кононов — историограф отечественной тюркологии и востоковедения. — «Советская тюркология», 1976, № 3, стр. 72—77.

² См. рецензии Э. Н. Наджиба («Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 123—125), Г. Ф. Благовой («Народы Азии и Африки», 1973, № 3, стр. 191—196) и др.

³ Весьма показательно, что если в первом издании книги имелось 1077 подстрочных примечаний, то в новом их — 1508; объем первого издания составлял 272 страницы, второго — 360 (при одинаковом формате).

нии справками (стр. 170—171) по Дерптскому (Юрьевскому-Тартускому), Виленскому (Вильнюсскому) и Александровскому университетам (в Гельсингфорсе).

Еще более важно, что в главе пятой пересмотрена структура раздела «Обзор основных тюркских грамматик, словарей, учебных пособий». В новом издании этот раздел, содержащий фактический материал по каждому из тюркских языков, излагается в соответствии с новейшей классификацией тюркских языков, разработанной Н. А. Баскаковым⁴. Здесь особенно рельефно выделяется то новое, что внесено А. Н. Кононовым во второе издание рецензируемой книги. Читатель теперь имеет возможность сразу же находить материалы к истории изучения того или иного интересующего его языка (из соответствующей языковой группы (например, болгарского, хазарского, чувашского языков Булгарской группы, алтайского, киргизского языков Киргизско-кыпчакской группы и т. д.) (стр. 201—298).

Кстати, именно такой способ подачи материала позволяет видеть, какие из языков тюркской семьи или какие их аспекты продолжают оставаться недостаточно изученными (например, язык тухмен Ставрополя, касимовский говор татарского языка и др.).

В главе «Основные направления изучения тюркских языков в России», добавленной в новое издание, рассматриваются такие проблемы, как: (1) изучение грамматического строя, (2) изучение памятников рунического, древнеуйгурского, арабского письма, (3) изучение лексики тюркских языков, (4) изучение ханских жалованных актов-ярлыков и ханских посланий-битиков, (5) классификация тюркских языков в трудах отечественных тюркологов, (6) описание тюркских рукописей отечественными тюркологами, (7) изучение тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках. В последнем разделе расширено освещение истории изучения тюркизмов в русском языке и впервые выделена история изучения русских заимствований в тюркских языках (стр. 333—334).

Все это свидетельствует о большой и плодотворной работе А. Н. Кононова по совершенствованию своего капитального труда в связи с предпринятым вторым его изданием.

В материалах III Всесоюзной тюркологической конференции (сентябрь 1981 года) указывалось, что задача углубленного изучения истории отечественной тюркологии должна быть одной из важнейших в программе деятельности Советского комитета тюркологов⁵. Значительным вкладом в решение этой задачи и явилась работа

А. Н. Кононова «Очерк истории изучения турецкого языка» (Л., 1976; совместно с И. И. Иоришем) и рецензируемая книга. С ней органично связан «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (М., 1974), в создание которого вложил огромный труд А. Н. Кононов.

При тщательном знакомстве с таким капитальным, насыщенным огромным фактическим материалом исследованием, как книга А. Н. Кононова, закономерно возникают некоторые замечания и пожелания.

В отдельных случаях хотелось бы несколько более полных авторских комментариев к приводимым в книге фактическим данным. Так, например, в справке об Обществе русских ориенталистов, существовавшем с 1910 по 1917 год, А. Н. Кононов справедливо указывает, что «крупные русские востоковеды — академики, профессора и преподаватели факультета восточных языков С.-Петербургского университета не состояли... в Обществе русских ориенталистов», которое «поэтому не оставило сколько-нибудь заметного следа в науке» (стр. 188). Для непосвященного читателя остается неясной причина такого казалось бы странного отношения востоковедов Петербургского университета к данному Обществу, тем более, что оно само декларировало в качестве своей основной цели объединение «разрозненных сил ориенталистов в одну дружную семью». И потому следовало бы пояснить кратко (как это сделал автор в отношении Императорского общества востоковедения), что при ближайшем рассмотрении Общество русских ориенталистов фактически выдвигало на первый план не столько научные задачи отечественной ориенталистики, сколько практические цели такого изучения «современного Востока», которое служило бы в первую очередь реальным интересам царской дипломатии и российского предпринимательства, особенно на Дальнем Востоке. Этим, главным образом, и объясняется настороженное отношение к Обществу видных востоковедов страны.

На странице 241, там, где речь идет о работавшем в Туркмении питомце востфака петербургского университета И. А. Беляеве и написанных им учебных пособиях по туркменскому языку, А. Н. Кононов сообщает также, что И. А. Беляевым были «опубликованы туркменские тексты» (стр. 241), не указывая, к сожалению, какие именно. Ячевидно имеется в виду публикация И. А. Беляевым текста (текинское наречие) относящейся к 1913—1915 годам записки туркмена Молла-Ходжели Мурал-Берды-оглы под условным названием «Из истории туркмен Закаспийской области»⁶.

⁴ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 230—250.

⁵ «Резолюция III Всесоюзной тюркологической конференции». Ташкент, 10—12 сентября 1980 года. — «Советская тюркология», 1981, № 1, стр. 101.

⁶ «Протоколы заседаний и сообщений Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока». Вып. 2, Ашхабад, 1916, стр. 1—23.

В книге встречаются отдельные повторы. Так, на странице 116 приводятся даты жизни В. В. Радлова, указываются работы о нем и перечни его опубликованных трудов; эти же данные повторяются на странице 263 (прим. 259).

В некоторых случаях не совсем понятно, почему указания на публикации отдельных авторов включены не в подстрочные примечания, а в основной текст книги (см., например, стр. 36, 188, 201, 242). На странице 265 выпали выходные данные по книге М. Усманова о Хусайне Фаизханове (место и год издания).

Все это, разумеется, ни в коей мере не умаляет больших и неоспоримых достоинств рецензируемой книги.

Перу А. Н. Кононова принадлежит до семидесяти пяти публикаций по историографии востоковедения, в том числе тюркологии и туркологии (включая очерки о жизни и деятельности отечественных и зарубежных ученых)⁷. Его историографические труды имеют поистине непреходящее значение, и среди них достойное место занимает новое издание книги «История изучения тюркских языков в России».

Б. В. Лунин

⁷ См.: «Андрей Николаевич Кононов», М., 1980, стр. 29—46 («Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка». Вып. 13).

Т. САЙРАМБАЕВ. ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ КҮРДЕЛІ СӨЗ ТІРКЕСТЕРІ

«МЕКТЕП» БАСПАСЫ. АЛМАТЫ, 1981, 198 стр.

Появление первых исследований, посвященных общим вопросам синтаксиса словосочетаний в тюркских языках, относится к 50-м годам. В казахском языкознании изучение словосочетаний началось работами М. Б. Балакаева¹. В его статьях и монографиях определялись основные признаки и структурные типы словосочетаний. В дальнейшем ученые занялись более углубленным исследованием закономерностей образования словосочетания и взаимодействия их с другими более сложными грамматическими комплексами.

Еще в начале 50-х годов академик В. В. Виноградов, указывая на основные проблемы изучения словосочетаний, выделил вопрос «о способах распространения слов разных категорий или — что одно и то же — о способах образования разных типов словосочетаний», а также «о способах распространения словосочетаний и сцепления их друг с другом»². Однако до сих пор многие вопросы сложного словосочетания — его объема и границ, способов образования и распространения простого словосочетания, а также их лексического состава — остаются недостаточно изученной областью синтаксиса тюркских языков.

Рассмотрению указанных вопросов синтаксиса на материале казахского языка и

посвящена монография Т. Сайрамбаева. Работа состоит из введения и двух основных глав: «Синтаксическая структура словосочетания» и «Структурные типы сложного словосочетания». Во введении сказано, что автор ставит целью определение границ и выявление способов образования сложных словосочетаний в современном казахском языке в сопоставлении с другими тюркскими языками.

В первой главе монографии говорится об основных отличительных признаках словосочетания, о соотношении словосочетания с такими единицами, как сложное слово, фразеологизмы и т. д. Т. Сайрамбаев подробно освещает и анализирует пути и способы распространения простых словосочетаний, то есть особенности образования сложных словосочетаний. Во второй главе рассматриваются структурные типы словосочетаний и особенности их употребления в составе более сложных синтаксических единиц. Автор кратко останавливается и на истории изучения затронутых им проблем в тюркологии. Характеризуя словосочетание как самостоятельную синтаксическую единицу Т. Сайрамбаев исходит из того, что оно состоит из определения и определяемого, представляющих сочетание структурных и субстантивных элементов. Словосочетание, по его определению, является выражением мыслительного акта — конкретизации. Коммуникативность — характерная черта не только предложения, но, при известных условиях, и слова, и словосочетания. С другой стороны, словосочетание не всегда ограничивается от предложения по признаку наличия коммуникативной функции: поскольку предложение выражает и ситуативное значение, его право-

¹ М. Б. Балакаев. Типы именных словосочетаний в казахском языке. — «Вопросы языкознания», 1956, № 2; *его же*. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957.

² В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. От Ломоносова до Потебни и Фортунатова. М., 1958, стр. 394.

мерно считать не только коммуникативным, но и номинативно-коммуникативным комплексом. Такая точка зрения на словосочетания в казахском языкознании, если и не нова — то заметно отличается от трактовок других исследователей. Семантико-грамматический анализ компонентов, составляющих словосочетания, основывается на признании того, что при общности сочетаемости, связанной с принадлежностью к одной части речи, отдельные лексико-грамматические группы внутри последней обладают способностью сочетаться индивидуально. Эта особенность, присущая современному казахскому языку, получила полное и убедительное освещение в рецензируемой монографии.

На основе изучения большого фактического материала автор выявляет и дифференцирует закономерности выражения синтаксических связей, свойственных отдельным частям речи и отдельным лексико-грамматическим группам. Эти закономерности обусловлены характером соответствующих грамматических категорий. Так, при изучении способов распространения простых словосочетаний автором выявляются специфические свойства, предопределяющие сочетаемость некоторых групп знаменательных слов. Среди последних выделяются нумеративные слова типа *сағат*, *күн*, имена прилагательные с афф. *-сыз*-, *-дай*-, *-лы*-, *-лық*- и т. д., которые обладают своеобразной индивидуальной сочетаемостью. Нумеративные слова, хотя они в грамматиках тюркских языков и причисляются к знаменательным, однако, не употребляются в абсолютном значении без своих распространителей. Относительным прилагательным с афф. *-сыз*-, *-дай*-, *-лық*- присущи некоторые особенности: они обладают более широкими грамматическими возможностями распространения при помощи других слов, отсюда и заметная активность их функционирования при образовании сложных словосочетаний.

Особое внимание уделяется Т. Сайрамбаевым выяснению различительных признаков словосочетаний и сложных слов. Типы сложных слов и способы их образования в современном казахском языке многообразны. Среди них встречаются не отличающиеся от словосочетаний ни по формам связи, ни по выражаемому отношению составляющих их компонентов. Такие лексико-грамматические образования нередко становятся объектом обсуждения языковедов. Поэтому вполне понятен тот интерес, который вызывают выводы автора монографии. Т. Сайрамбаев выделяет отличительные признаки, разграничивающие словосочетания и сложные слова. Соглашаясь в этом с автором, следует, однако, помнить и о некоторых общих чертах словосочетания и сложного слова. Одним из тезисов Т. Сайрамбаева является признание недопустимости автономного изменения отдельного компонента сложного слова. Компоненты, составляющие сложные слова, располагаются

так, что все суффиксы присоединяются к главному — второму и последнему компоненту. Но эта же особенность свойственна и словосочетаниям. Принципиальное отличие сложного слова от словосочетания, по мнению автора, состоит в том, что слово вступает в грамматические отношения, следовательно, и в грамматическую связь с другим словом как целостная лексическая единица. Однако, некоторые словосочетания, такие, например, как *алтын қасық* 'золотая ложка', *темір күрек* 'железная лопата', *шоқпар бас темір таяқ* 'железная палка с холщеным концом' и т. д., именуемые в грамматиках атрибутивными словосочетаниями, в живой речи употребляются и вступают в синтаксическую связь с другими словами и синтаксическими конструкциями так же, как отдельное слово. Таким образом, думается, что выделение отмеченных признаков в качестве дифференцирующих, отличающих сложное слово от словосочетания, не подтверждается фактами языка. Полагаем, что более плодотворным было бы изучение взаимовлияния фонетического и морфологического уровней, а также роли лексической сочетаемости в структуре сложных слов. Такое изучение выявило бы сопоставимость сложного слова и словосочетания при их употреблении в составе более сложных синтаксических единиц.

На основе синхронного изучения языковых фактов автор различает два типа словосочетаний, каждый из которых обладает специфическими особенностями связи: 1) словосочетания, образованные на основе двух и более подчинительных связей, исходящих из одного господствующего компонента. Комбинация связей может быть различной: *үйіне қарай бара жату* 'направляться к дому' (управление, примыкание), *тебініп шаба жөнелу* 'сорваться с места' (примыкание). Эти словосочетания осложнены посредством распространения и зависимого, и стержневого компонентов, однако типы связи определяются одним стержневым словом, выступающим в качестве главенствующего компонента: *үйіне бара жату* 'идти домой'; *үйіне қарай бара жату* 'направляться к дому'; 2) словосочетания, образованные на основе связей, исходящих от разных стержневых компонентов: *Шардара өңірінің шежіресі* 'история Шардаринской местности' (примыкание, соподчинение), *сол күні кешке* 'вечером того же дня' (примыкание) и др. Зависимый компонент в таких словосочетаниях одновременно может являться господствующим компонентом простого словосочетания, входящего в качестве подчиненного компонента в состав сложного словосочетания: *сол күні* 'тот же день', *сол күні кешке* 'вечером того же дня'. Это явление наблюдается в словосочетаниях, образованных путем распространения зависимого компонента. Вместе с тем в современном казахском языке сложные словосочетания образуются и путем распространения стержневого компо-

нента простого словосочетания. Такие словосочетания в монографии рассматриваются отдельно.

Изучение материалов современного казахского языка показывает, что для него в основном характерно образование сложных словосочетаний путем распространения зависимого компонента, причем возможности этого процесса не исчерпываются способами, перечисленными в монографии Т. Сайрамбаева.

В речи, в составе сложного синтаксического целого допустимы связи, исходящие как от одного, так и от двух стержневых слов, и сложные словосочетания, таким образом, приобретают способность дальнейшего осложнения путем распространения как зависимого, так и главного компонентов.

Т. Сайрамбаев останавливается и на синтаксических способах осложнения простых словосочетаний. Функция знаменательных, вспомогательных слов, а также сложных лексических единиц (фразеологизмов, сложных слов и т. д.) получила в работе всестороннее освещение. Рассматривая указанные явления, автор исходит из того, что определяющие (зависимые) формы слов играют свою роль и располагают своим кругом синтаксических возможностей. Эти свойства зависимых слов вступают во взаимодействие и в грамматические отношения с лексико-грамматическими значениями господствующих компонентов.

В работе встречаются и спорные моменты. Так, например, в качестве структурного типа сложных словосочетаний указываются словосочетания с послелогами типа *үйге дейін бару* 'идти до дома' (стр. 182—183). Известно, что вспомогательные слова, особенно послелоги, не обладают теми лексико-грамматическими особенностями, которые присущи знаменательному слову и, частично, вспомогательным именам, поэтому послелоги, в отличие от других вспомогательных слов, рассматриваются наравне с па-

дежными окончаниями. Таким образом, определение автором конструкции типа *кеш-ке дейін босамау* 'быть занятым до вечера', как сложного словосочетания неубедительно. Совершенно иное происходит в случаях, когда послелоги в качестве грамматического способа связи употребляются в составе сложного словосочетания типа *түн ортасына дейін келу* 'прийти до полуночи'.

Не убедительно и мнение автора об образовании сложного словосочетания с участием недостаточного глагола *де* (стр. 125—128). Автор сам отмечает, что недостаточный глагол *де* не обладает собственной семантикой. Как известно, в современном казахском языке этот глагол употребляется в качестве грамматического форманта, служащего средством связи слов.

Нами уже отмечалось выше, что в монографии Т. Сайрамбаева более подробно рассмотрены особенности сочетаемости относительных прилагательных с аффиксами *-дай*, *-лы*, *-лық* (стр. 96—112). Присоединяя к себе эти аффиксы, относительные прилагательные приобретают возможность вступать в сочетание с другими словами, с которыми без данных аффиксов они не могли бы сочетаться. Например: *үй орнындай көде* 'скирда величиной с дом', *жел жақтағы саңлау* 'щель с ветреной стороны' (однако нельзя сказать *үй орны көде*, *жел жақ саңлау* и т. д.). Это свидетельствует о том, что указанные аффиксы в таком употреблении вступают в роли словоизменительных формантов. (На эту особенность аффиксов *-дай* указывал еще П. М. Мелноранский). Тем не менее Т. Сайрамбаев трактует их как *жұрнақ*, то есть как словообразовательные аффиксы.

В заключение отметим, что монография Т. Сайрамбаева посвящена актуальной проблеме, представляющей большой интерес, и заслуживает внимания специалистов-тюркологов.

М. Томанов

ҚАЙЫРБОЛАТ ЕСЕНОВ. САБАҚТАС ҚҰРМАЛАС СӨЙЛЕМНІҢ ҚҰРЫЛЫСЫ

ҚАЗАҚ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1982, 140 стр.

Рецензируемая книга Х. Есенова посвящена структуре сложноподчиненного предложения в казахском языке.

Известно, что стержневой специфической особенностью сложноподчиненного предложения, в отличие от других аналогичных сложных синтаксических конструкций, является наличие зависимой части, именуемой придаточным предложением. Сказуемое придаточного предложения является связующим элементом, между его частями и поэтому автор, анализируя отношения главно-

го и зависимого компонентов останавливается на формах сказуемого придаточного предложения, прежде всего на падежных формах причастия на *-ған*. Мнения тюркологов о данной проблеме, как известно, расходятся. Одни (Н. З. Гаджиева, М. З. Закиев, У. Б. Алиев, И. А. Андреев и др.), как пишет Х. Есенов, признают сказуемыми придаточного предложения глаголы в причастной форме с любым падежным окончанием, другие — глаголы в определенных падежных формах, а третьи (Н. А. Баска-

ков, М. Ш. Ширалиев, А. З. Абдуллаев и др.) вовсе не считают таковыми глаголы в причастной форме, независимо от падежных окончаний.

Вслед за узбекским ученым Г. А. Абдурахмановым, сторонником концепции Н. К. Дмитриева, Х. Есенов подчеркивает, что глаголы в изучаемой форме с окончаниями местного, исходного и инструментально-творительного падежей выступают в качестве сказуемых сложноподчиненного предложения при наличии своих собственных подлежащих. Эту точку зрения автор основывает не только на семантической целостности, но и на морфологической «сцепленности» глаголов, иллюстрируя это положение большим числом примеров, как из казахского, так и из других тюркских языков.

Столь же продуктивной формой выражения сказуемого сложноподчиненного предложения, по мнению автора, является деепричастие с простым аффиксом *-п* и со сложными аффиксами *-ғандай*, *-кендей*, *-ғанда* и др. И, наконец, третьей формой глагольного сказуемого придаточного предложения Х. Есенов считает условное наклонение с аффиксом *-са*, *-се*.

Второй тип связи зависимого и главного компонентов сложноподчиненного предложения осуществляется с помощью послелогов и их аналогов. Глаголы, соединяясь с ними в форме: *келген соң*, *айтқан кезде*, *білгенге дейін*, *есіткеннен кейін*, *айтудан бұрын*, *кету үшін* и т. д., выступают сказуемыми придаточного предложения и, таким образом, в сочетании с господствующим компонентом образуют цельное сложноподчиненное предложение, как по форме, так и по семантике.

Третьим средством связи предложений в сложной синтаксической конструкции автор считает относительные слова типа: *қанша* и *сонша*, *кім* и *сол*, *қандай* и *соңдай*, *қалай* и *солай*, *қайда* и *сонда*, *неғұрлым* и *соғұрлым* и др. Первые слова в парах квалифицируются автором как вопросительные местоимения, вторые — как ответы на них. Каждое из этих слов имеет свое местоположение: первые манифестируются в зависимом, вторые — в господствующем компонентах сложноподчиненного предложения.

Автор приводит примеры того, как одним из компонентов сложноподчиненного предложения выступает соответственно какое-либо одно из относительных слов.

Далее в работе характеризуются основные типы сложноподчиненного предложения. Как известно, в сложноподчиненных предложениях тюркских языков, в отличие от языков других семей, в том числе русского, преобладает бессоюзная связь, за исключением сложной конструкции с союзом *-ки* в огузских и карлукских языках.

Автор различает три типа сложноподчиненного предложения. Первым из них он считает синтетическое сложноподчиненное предложение (*синтетикалық*, *са-*

бақтас құрмалас). Подобные предложения по типу связи компонентов бывают и аналитико-синтетическими (*аналитико-синтетикалық сабақтас құрмалас*). В данном типе сложноподчиненного предложения сказуемое придаточного представляет собой сочетание послелогов с управляемыми или лексически полнозначными компонентами в той или иной падежной форме, в том числе чувевой. Как особый тип автором выделяется аналитическое сложноподчиненное предложение (*аналитикалық сабақтас құрмалас*).

При характеристике и классификации первых двух типов сложноподчиненного предложения автор разделяет и уточняет мнения своих предшественников, а для третьего типа — выдвигает собственную концепцию, противоречащую традиционной грамматике казахского языка.

Вторая глава монографии посвящена анализу придаточных предложений сложноподчиненного предложения. Автор выделяет общепринятые в отечественном языкознании три основных принципа классификации придаточных предложений: функциональный, формальный и структурно-семантический. В связи с этим автор подразделяет придаточные предложения на три группы: 1) относительные, 2) адвербиальные и 3) последовательные. Первая группа в свою очередь делится на две подгруппы: а) относительно-условные и б) относительно-сравнительные. Вторая группа делится на семь подгрупп: 1) придаточные предложения условия, 2) уступительности, 3) времени, 4) причины, 5) образа действия, 6) цели, 7) изъяснительные. В рецензируемой книге структурно-семантическому анализу подвергаются пять из последних подгрупп (первым двум подгруппам автор посвятил ранее изданную работу «Қазақ тіліндегі шартты және қарсылықты бағыныңқы сөйлемдер», Алматы, 1969).

Последовательные сложноподчиненные предложения Х. Есенов делит на подвиды: 1) последовательно-одновременные и 2) последовательно-сравнительные.

В третьей главе исследуется положение компонентов сложноподчиненного предложения, прежде всего его придаточного компонента. Последний обычно занимает препозитивное положение, в отличие от главного предложения занимающего постпозитивную позицию. Эта закономерность характерна для всех тюркских языков. Однако в разговорной речи говорящий, акцентируя внимание слушателя на нужной ему мысли, может менять местоположение придаточного предложения. Последнее может располагаться даже в середине предложения.

Х. Есенов останавливается также на усеченных сложноподчиненных предложениях (стр. 121). Автор пишет, что такие ученые, как Н. Ю. Шведова, А. П. Сковородников и другие рассматривают усеченный компонент этих предложений, как формант сложного

предложения, тогда как Е. В. Крупнова и другие считают его особым типом предложения, а некоторые ученые — даже относят к однородным членам предложения. По мнению Х. Есенова, стяженная форма придает выражению соответствующую стилистическую окраску, не изменяя его общей структуры.

В главе, посвященной комбинаторным изменениям в структуре сложноподчиненного предложения, особо характеризуются различные виды синтаксических отношений между его компонентами. Наиболее распространенным видом таких отношений автор считает одностороннее отношение, в соответствии с которым придаточное предложение уточняет и характеризует основное содержание главной части предложения. Связь относительных придаточных предложений с главными компонентами предложения составляет одну из форм двусторонних отношений.

Третий вид синтаксических отношений между частями сложноподчиненного предложения автор называет обратным отношением (стр. 132) и приводит примеры, в которых главное предложение проясняет содержание действия, сообщаемого в придаточном. Данный вид синтаксических отношений характерен, в основном, для

пояснительных сложноподчиненных предложений. Убедительно охарактеризован и вид синтаксической связи, названный свободным. В приведенных автором примерах связь компонентов сложноподчиненного предложения осуществляется незавершенными по структуре сказуемыми придаточного предложения, выраженными в предложествующем сложноподчиненном предложении в форме деепричастия (*оқып*), а в последующем — в форме условного наклонения (*тігіліп жатса*).

Таким образом, Х. Есеноз вышел далеко за пределы означенного им объекта исследования, что не помешало ему успешно справиться с поставленными задачами.

Книга не лишена некоторых второстепенных ошибок и упущений. К ним относятся неточности в орфографировании примеров из некоторых тюркских языков, несколько недооцениваются интонационные особенности придаточных предложений, отличающие их от других типов предложений и т. д. Однако эти отдельные недостатки ни в коей мере не снижают общей научной и практической значимости монографии Х. М. Есенова.

А. К. Қалыбаева-Хасенова

Б. ӘБІЛҚАСЫМОВ. ХІХ ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ КАЗАҚ ӘДЕБИ ТІЛІ! (БАСПА НҰСҚАЛАР ТІЛІ НЕГІЗІНДЕ)

ҚАЗАҚ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ. АЛМАТЫ, 1982, 224 стр.

Книга Б. Абилхасимова «Казахский литературный язык второй половины XIX века» является результатом многолетних исследований автора в области истории становления письменного казахского литературного языка предоктябрьского периода. Это время характеризуется весьма сложными и противоречивыми явлениями, связанными с борьбой за разработку норм письменного литературного языка в пору, когда еще были сильны каноны устно-поэтической традиции как наддиалектной формы речи.

Б. Абилхасимов — автор ранее написанных работ о языке первых казахских газет «Дала уалаяты» и «Түркістан уалаяты»¹, выходивших небольшими тиражами в конце XIX века. В своей новой книге он исследует язык всех казахских печатных изданий указанного периода.

Книга состоит из двух частей, каждая из которых включает по четыре главы. В первой части книги автор стремится устано-

вить круг письменных источников, легших в основу литературного языка казахского народа в изучаемый период. Причем, понятие «письменный» в авторской трактовке означает «опубликованный», поскольку он сознательно не использует рукописные материалы, за исключением тех, которые были предназначены для публикации. Так, в числе иллюстративных текстов приводится оригинальная статья Ибрая Алтыжарина, написанная им как передовица предполагавшейся к изданию газеты на казахском языке, так и не увидевшей света в результате запрещения царской администрации.

Таким образом, опубликованность текста автор взял за основной критерий при отборе источников письменного литературного языка. На наш взгляд, подобный подход к оценке языковых данных не является оптимальным. Однако он и не лишен некоторого рационального начала, так как опирается на чисто наглядные параметры письменной речи. Тем не менее Б. Абилхасимов, исходя из «стилевых признаков», группирует письменные источники следующим образом: а) художественная литература; б) общест-

¹ Б. Әбілқасымов. Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. Алматы, 1971.

енно-политическая литература; в) научно-популярная литература; г) официально-деловые документы. Основу всех этих стилистических разновидностей составляют материалы первых казахских газет, содержащие публицистические, научно-популярные, административно-официальные тексты, хронику; серии книг на восточные сюжеты в виде поэтических переложений светских и духовных литературных произведений и миссионерских брошюр; первые издания казахских народных эпических и лиро-эпических сказаний; редкие хрестоматийные и школьно-методические пособия; деловая переписка, циркуляры и другие официальные тексты.

Б. Абиляхасимов изучил и обобщил довольно обширный фактический материал. При классификации памятников по жанрам или тематике автор ограничивается лингвистическим описанием одного или двух источников каждой типизированной группы, выявляя при этом наиболее характерные черты лексико-грамматической организации различных подвидов функционально-стилевых дифференциаций. Необходимо отметить, что автор отнюдь не ставит целью фронтальный анализ различных языковых нюансов того или иного памятника. Он сосредоточивает внимание главным образом на отличительных чертах изучаемого объекта по сравнению с нормами современного литературного языка как в лексическом, так и в грамматическом аспектах.

Большинство исследуемых в книге письменных источников впервые вводится в научный обиход. В этом отношении заслуживает одобрения детальный анализ языка так называемых казахских хисса — полупоэтических или житий мучеников ислама. Как поясняет автор, арабское слово «хисса» адекватно слову «история» в значении повествование, рассказ. Однако в самой арабской литературе такого литературного жанра нет². Среди тюркоязычных памятников под таким названием известно лишь сочинение Рабгузи «Хиссасуль анбия» (XIV в.) («История пророков»). В Казахстане же в прошлом веке широкое распространение получили авантюрные сюжеты, именуемые «хисса» или «хисса-и эдэбият», авторами, а вернее, пересказчиками которых были поэты-книжники. Первоначально эта серия, по-видимому, была задумана в целях восхваления деяний поборников исламской религии. Но со временем в этих произведениях стали преобладать реалистические мотивы. В результате хисса стали отражать скорее светское, гражданское, нежели духовное мировоззрение. Мало того, эта форма стала впоследствии использоваться для издания народных эпических сказаний и исторических песен. Однако, в силу того, что невозможно было четко определить жанровую

принадлежность поэтических хисса и их идейно-тематическую направленность, трудно было выработать и единое мнение относительно языка этих произведений. Поэтому, на наш взгляд, предложение Б. Абиляхасимова дифференцированно изучать язык каждого памятника, относящегося к жанру хисса, является правильным.

Автор на основе собранного им материала выделяет разновидности стилей, отражающих характер печатных текстов. Так, он разграничивает наметившиеся в исследуемый период стили письменного-литературного языка: публицистический, научно-популярный, исторический, в процессе развития казахского общества.

Не вполне правомерно, по нашему мнению, что произведения казахского эпоса типа «Ер Таргын», «Кыз Жибек», «Айман—Шолпан» рассматриваются автором как образцы письменного-литературного языка только потому, что они были изданы во второй половине XIX века. Действительно, публикация повлияла на язык этих эпических сказаний, но все же они первоначально были созданы как устно-поэтические произведения. Следовательно такие речения, встречающиеся в их языке, как *мен емен*, вместо *мен емесін* в общепринятом, необходимо расценивать как поэтический прием, присутствующий «высокому стилю» сказителей, а не как явление, свойственное разговорному языку.

Вторая часть книги включает основные выводы и теоретические обобщения автора относительно характера и общественных функций письменного литературного языка второй половины прошлого столетия. В начале Б. Абиляхасимов делает экскурс в тот исторический период, когда видные представители отечественной тюркологии В. В. Григорьев, Н. И. Ильминский, В. В. Катаринский и другие, а также выдающиеся казахские демократы-просветители Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин вели борьбу за создание казахского национального письменного литературного языка.

В последующих главах исследуются лексика письменного казахского литературного языка, ее различные пласты, семантические переосмысления слов, история создания собственно казахского письма, вопросы орфографирования и унификации алфавита, транскрибирования и транслитерации казахского текста, написанного арабской графикой; даются достаточно полные сведения о казахских текстах, опубликованных тогда кириллицей.

Последняя глава книги посвящена грамматической структуре нового казахского литературного языка. Анализируется аффиксальная система словообразования и словоизменения письменного-литературного казахского языка. При этом особо отмечается, что целый ряд аффиксов имеет наибольшую

² Данное утверждение автор подкрепляет ссылкой на *Ханна аль-Фасури*. История арабской литературы. М., 1959.

активность именно в письменной традиции. Автор уделяет внимание и некоторым другим грамматическим особенностям, связанным с культурой письма.

Книга Б. Абилахасимова — полезное ис-

следование, имеющее значение как для казахской лингвистической науки, так и для тюркологии в целом.

Г. Айдаров, Е. Жубанов

Э. АБДЫЛДАЕВ. «МАНАС» ЭПОСУНУН ТАРЫХЫЙ ЭНУГУШУНУН НЕГИЗГИ ЭТАПТАРЫ

«ИЛИМ», БАСМАСЫ, ФРУНЗЕ, 1981, 265 стр.

Киргизский историко-героический эпос «Манас», как самобытный эпический памятник, привлекает внимание исследователей уже давно. Во второй половине XIX века его изучали Ч. Валиханов, В. В. Радлов, Дж. Алмаши, в советское время ему свои работы посвящали В. М. Жирмунов, А. Н. Бернштам, М. О. Ауэзов, Б. М. Юнусалиев, А. Маргулан, заложившие основы современного манасоведения.

В последние годы интерес к эпосу «Манас» значительно возрос. Появился целый ряд новых работ Р. Сарытбекова, Р. З. Кыдырбаевой, С. М. Мусаева, О. Сооронова. Последний в этом ряду стоит рецензируемая монография Э. Абдылдаева.

Книга включает шесть глав и введение. Во введении автор прослеживает историю изучения эпоса различными авторами.

Первая глава посвящена особенностям ранних форм героического эпоса тюрко-монгольских народов, которые прослеживаются и в эпосе «Манас».

Вслед за В. М. Жирмуновым, Е. М. Мелетинским, И. В. Пуховым, С. С. Суразаковым, А. И. Улановым, автор считает одной из дрезнейших тем тюрко-монгольского эпоса тему богатырского сватовства, затронутую и в эпосе «Манас». На основе сравнительного анализа этого мотива на широком фоне тюрко-монгольского фольклора Э. Абдылдаев приходит к заключению, что «эпические традиции подобного типа (богатырское сватовство. — С. К.) должны рассматриваться как культурные традиции, восходящие к этнической общности дрезнейших предков тюрко-монгольских народов» (стр. 14). Это утверждение подкрепляется материалами эпических произведений: алтайского («Ай Маньс»), шорского («Оглак»), бурятского («Аламжы мерген»), казахского («Таласпай мерген»), огузского («Китаби деде Коркуд»), башкирского («Алламыш и Барсын-хилуу») и т. д. Представляет интерес историко-филологическая интерпретация автором эпизода борьбы богатырей с дивами-циклопами, персонажами «Манаса». Образ циклопа-людоеда, имеющийся и в гомеровской «Одиссее» (IX песня), встречается в мифологии и фольклоре многих народов мира, в том числе и тюрко-монгольских. Сопоставив образ дива-циклопа эпоса «Манас» с аналогичными образами якутского, шорского, алтайского фольклора, автор делает вывод, что «...образ одноглазого Макел-дэ (Мадыкана, Мадыш-

кера) в эпосе „Манас“ генетически связан с одноглазыми мифологическими образами, сохранившимися в фольклоре тюрко-монгольских народов» (стр. 25).

В манасоведении спорным является вопрос об историчности образа главного героя Манаса и эпических событий, связанных с его биографией. Этой проблеме посвящена вторая глава «Исторические условия происхождения эпоса „Манас“». Исходя из сюжетно-композиционной структуры эпоса — его цикличности, Э. Абдылдаев рассматривает эпос в тесной связи с этногенезом киргизского народа и развитием его общественного строя.

Автор, полемизируя с учеными, высказывавшими различные мнения о времени создания эпоса и историчности героев и событий (М. О. Ауэзов, А. Н. Бернштам — VII—IX вв.; Б. М. Юнусалиев — IX—XI вв.; А. К. Борозков, И. Л. Климович — XVI—XVIII вв.), предлагает свою датировку: «Сложение исторической основы эпоса „Манас“ соответствует историческим условиям существования киргизов в эпоху государства Караханидов (X—XII вв.)» (стр. 55). Отрицая укоренившееся мнение об историчности «Манаса», автор заключает: «...Нет никаких научных оснований считать, что историческая основа эпоса сложилась в сфере киргизского государства (в Южной Сибири, Центральной Азии)» (стр. 50). Э. Абдылдаев аргументирует это положение тем, что у народов, родственных киргизам по языку, обитавших в древние времена на одной с ними территории (в Южной Сибири, Центральной Азии) и входивших в прошлое в состав киргизского государства (хакасы, алтайцы, тувинцы и др.), отсутствуют самостоятельные версии эпоса, нет даже фольклорных материалов о богатыре Манасе (стр. 48). Э. Абдылдаев полагает, что отсутствие самостоятельных национальных версий эпоса «Манас» или других фольклорных материалов о нем у хакасов, тувинцев и алтайских народностей свидетельствует о том, что эпос «Манас» не имеет генетических корней в их культуре.

Во второй главе Э. Абдылдаев приводит весьма любопытные исторические данные о том, что отец Манаса Жакып и его брат Карунас являются реальными историческими личностями, жившими в XI веке, и что они выходцы из кыпчакского племени каракара, обитавшего в Таласе. Историческими личностями, по мнению автора, можно

считать прадедов Манаса Каракана, Бууракана, связанных с династией Караханидов (стр. 60 и след.).

В третьей главе монографии говорится об образах эпических врагов богатыря Манаса. Соглашаясь с мнением В. М. Юнусалиева, автор утверждает, что врагами Манаса являлись кидани. Автор проследживает исторические корни образа эпического врага Манаса Жолоя, калчи (эпитет Конурбая, одного из постоянных врагов героя) и происхождение этнонимов *шибе*, *солон*, *кара-кытай*. Примечательна и дифференциация образов его эпических врагов: а) караки-тайцы (X—XII вв.); б) моңголы (XIII—XV вв.); в) ойрот-жунгарские феодалы (XV—XVII вв.); г) Цинская империя (вторая половина XVIII в.).

В этой же главе совершенно новое историко-филологическое толкование получает топоним *Бежин*, часто являющийся предметом научных споров. Э. Абдылдаев на основе исторических и литературных данных убедительно доказывает несостоятельность мнений, согласно которым эпический город Бежин отождествляется с реально существовавшим уйгурским городом Бейтин, завоеванным енисейскими кыргызами в 840 году. Он устанавливает два значения топонима *Бежин*: первое — это синоним названия страны Китай, второе, более узкое — название Синцзянской области. Автор останавливается и на некоторых терминах, например, *Бакбурчун* (др.-ир. *баг* 'бог', *фур* 'пур' 'сын'), *чин* 'Китай', то есть 'сын китайского бога'), *Какачын* (тюрко-ир. 'китайский император'), *Чынмачын* ('Чын-Махачын 'Великое китайское государство') и др.

Исследование «отличий и некоторых общих черт эпоса „Манас“ в сравнении с эпическими традициями казахского, узбекского, каракалпакского и других народов» составляет содержание четвертой главы монографии. Э. Абдылдаев устанавливает следующие общие черты: 1) идейный замысел, сюжет; 2) цикличность повествования; 3) образы эпических врагов — калмыков; 4) ногайская тематика, или историческое влияние Ногайской орды, состоявшей в XV веке из тюркских и монгольских народностей, на поэтическое творчество народов Средней Азии и Казахстана и т. д. В этой же главе дан сравнительный анализ одного из главных эпизодов «Манаса» — *Чон казат* ('Великий поход') и эпизодов казахского эпоса «Кобланды Батыр». Автор обнаружил сюжетно-композиционное сходство этих двух памятников, созданных близкими по этногенезу, языку и территории народами.

Э. Абдылдаев в той же главе исследует термины, обозначавшие различные виды оружия и доспехов богатырей в «Манасе» и в узбекском и казахском эпосах. Например, киргизское выражение *Жазайыл мылтык* 'винтовка Жазайыл', узбекское *Жазойл милтик* и казахское *Жезаир мылтык* (восходящие к арабскому названию Алжира — *Ал-Джезаир* 'острова'); киргизское *Сыр баран*, узбекское *фаранги милтик* 'европейская винтовка'; киргизское *Испани кылыч*

'меч Испании'; узбекское *Исфакхони олмас* 'сабля, сделанная в Исфгане' — все это, по мнению автора монографии, лексические элементы, попавшие в эпос трех родственных народов через Переднюю Азию. Описание оружия в «Манасе», отмечает автор, дано более подробно, чем в узбекском и казахском эпосах.

В пятой главе — «Об истории эпических событий в эпосе „Манас“» — автор исследует исторические истоки событий, отраженных в памятнике. Он связывает образы эпических богатырей Кошой и Шоорук хана с Джангиром-ходжа (1783—1826 гг.) и сыном Тимура Шахрухом (XV в.); эпический образ Кокотоя отождествляется им с исторической личностью Кокум-бием, который правил в Ташкенте в XVII веке. Автор находит параллели эпизодам, описанным в «Манасе», в истории. Новыми являются выводы автора и об исторической первооснове некоторых эпических названий. Например, до него считалось, что город Кенжут, завоеванный богатырем Манасом, реально существовал на территории современной Тувы и что это эпическое отражение древнекиргизского города Кемджикент (М. О. Ауэзов). Э. Абдылдаев, полностью отрицая эту гипотезу, на основе изучения обширного историко-филологического материала выдвигает свою собственную. По его мнению, эпический город Кенжут восходит к индийскому городу Канжут, расположенному на юге Кашмира. Народ, живущий в этом городе, в эпосе назван «народ кигит жаба», что легко ассоциируется с названием княжества Килгит, находившегося недалеко от Канжута (слово *жаба*, возможно, происходит от арабо-персидского *жабалы*, что означает «горные люди»). Более того, описанный в эпосе путь следования Манаса в Кенжут, в действительности, ведет в индийский город Канжут.

Основываясь на анализе нескольких эпизодов эпоса («История Кошой», «Победа Манаса над Шоорук ханом», «История Алмамбета», «История козкаманов», «Поминки по Кокетаю»), Э. Абдылдаев приходит к выводу: «Эпические события включались в сюжет произведения в разное время, составляя „биографию“ Манаса, и были отнесены к единому эпическому времени» (стр. 240).

В шестой главе автор останавливается на этапах исторического развития эпоса «Манас». До появления книги Э. Абдылдаева общепринятой считалась периодизация В. М. Жирмунского, выделявшего три основных пласта эпоса. Первый — древнейший, доисторический, в основном, сказочно-мифологический, который не может быть сколько-нибудь точно датирован; второй — исторический, вероятно, IX—XVII века; третий — с XVII по XIX век — характеризующийся мусульманизацией эпоса.¹

Э. Абдылдаев же считает, что эпос «Манас» прошел пять основных этапов в своем

¹ См.: В. М. Жирмунский. Введение в изучение «Манаса». Фрунзе, 1948, стр. 80.

историческом развитии. Начальный этап — это эпоха Караханидов (X—XII вв.); второй — монгольский период (XIII—XV вв.); третий — ойрот-джунгарский период (XV—XVIII вв.); четвертый — время завоевания Цинской династией Восточного Туркестана и включения киргизов в состав России (XVIII—XIX вв.); пятый, последний, этап начинается со второй половины XIX в. и завершается первой половиной XX в. (стр. 243—246).

В конце главы Э. Абдылдаев дает развернутую характеристику последнего этапа развития эпоса и пишет об использованных в эпосе литературных материалах.

Определение путей создания и развития эпических произведений — задача трудная, а при анализе эпоса «Манас» она осложняется еще и спецификой самого материала — большим количеством вариантов и огромным объемом. В настоящее время в Рукописном фонде Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР насчитывается более пятнадцати вариантов «Манаса», объем каждого из которых составляет от десятков до сотен тысяч стихотворных строк.

Помимо этого, затрудняет и осложняет проблему еще и то, что до сих пор мало изучены киргизская древняя и средневековая история.

При отсутствии достоверных исторических источников исследователь вынужден опираться главным образом на сам памятник. Однако автор рецензируемой книги все же постарался проследить историю развития памятника, проводя параллели с известными событиями истории киргизского народа. Он пишет: «Первоначальным этапом (развития) эпоса „Манас“ мы должны считать время его зарождения, происходившее в конкретную историческую эпоху. Исходя из этого, можно полагать, что первоначальный его (эпоса „Манас“). — С. К.) этап связан с эпохой Караханидов (X—XII вв.)» (стр. 243). Уязвимость такого подхода заключается в том, что историзация архаического материала вполне может произойти намного позже возникновения самого ма-

териала. Об этом свидетельствуют различные напластования в эпосе «Манас», раскрытию которых столько внимания уделил сам автор.

Конечно, героический эпос всегда отражает героический период в жизни народа и может создаваться только теми народами, которые вели самоотверженную борьбу за свое существование. И в киргизском эпосе «Манас», несомненно, нашла отражение борьба народа против иноземных завоевателей в разные эпохи, которая, однако, сведена в памятник к единому эпическому времени. Тем не менее, для создания героического эпоса недостаточно наличия самой героической истории, необходимо также ее эпическое переосмысление, то есть эпические традиции устного творчества народа.

При изучении эпоса «Манас», особенно — его исторического развития, нельзя оставлять без внимания древнейшие мифологические представления народа, которые сыграли важную роль в его возникновении и развитии.

Древнейшие образы и сказочно-мифологические элементы сюжетов в эпосе «Манас» встречаются весьма часто как в его художественной ткани, так и в обрамляющем его историческом фоне. Они позволяют считать, что эпос «Манас» своими архаическими чертами в большой мере связан с эпическими традициями центральноазиатского и южносибирского регионов.

Э. Абдылдаев, к сожалению, в решении проблемы традиций в сложении эпоса не последователен. Хотя в первой главе он, как бы мимоходом, и говорит о древних пластах эпоса (при анализе главы «Великий поход»), в дальнейшем основной упор делает на историю, забывая о том, что эпос — это синкретическое произведение народа с наличием архаических пластов. Народ по-своему осмысливает историю и воплощает ее в своем художественном творчестве.

Тем не менее рецензируемая монография Э. Абдылдаева является бесспорно новым словом в манасоведении.

С. Т. Кайыпов

МУХАММЕД ЯКУБ ЧИНГИ. КЕЛУР-НАМЕ (СТАРОУЗБЕКСКО-ТАДЖИКСКО-ПЕРСИДСКИЙ СЛОВАРЬ XVII в.)

ВВЕДЕНИЕ, ТРАНСКРИПЦИЯ И ПЕРЕВОД ТЕКСТА, ГЛОССАРИЙ,
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК, ГРАММАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
А. ИБРАГИМОВОЙ

ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1982, 148 стр.

Узбекский язык принадлежит к числу языков, имеющих многовековую письменную традицию и располагает множеством памятников, относящихся к различным периодам его исторического развития. В чис-

ле таких памятников филологические и лексикографические труды, созданные в разное время и содержащие богатый грамматический и лексический материал, отражающий становление и развитие грамматического

строю и лексического состава узбекского языка. Часть этих трудов представляет собой различного характера литературные произведения, написанные либо на арабском, либо на таджикском и персидском языках, другую их часть составляют двуязычные тюркско-арабские и тюркско-таджикско-персидские словари.

Одним из таких словарей является староузбекско-таджикско-персидский словарь «Келур-наме» (XVII в.), составленный Мухаммед Якубом Чинги за пределами Средней Азии, в отдаленной от места обитания носителей староузбекского языка далекой Индии. Всестороннее лингвистическое и лексикологическое исследование этого памятника, естественно, представляет значительный научный интерес как для истории языка, исторической лексикологии и лексикографии, так и для диалектологии.

А. Ибрагимова всесторонне лингвистически и лексикологически исследовала «Келур-наме».

Сам памятник, сравнительно небольшой по объему, содержит всего 36 листов или 72 страницы лексического материала.

Во введении автор, отметив значение изучения памятников письменности для истории языка, приводит необходимые сведения о «Келур-наме» и его авторе, сообщает об основных результатах сверки двух известных списков этого памятника, дает краткое филологическое описание последнего, анализирует структуру и принципы, которыми руководствовался автор при его составлении, характеризует графические и орфографические особенности.

Как утверждает А. Ибрагимова, в период правления бабуридов *тюрки* (здесь — староузбекский язык) играл существенную роль в развитии тюркоязычной литературы. И, хотя он не являлся официальным языком империи бабуридов, последние стремились сохранить свой родной язык, создавая на нем литературные произведения. Само существование «Келур-наме» является убедительным доказательством справедливости такой точки зрения.

На основе глубокого анализа лексических и грамматических материалов памятника и сопоставления с современными языками, автор приходит к выводу, что толкования староузбекской лексики в словаре ближе к современному таджикскому, нежели к персидскому языку. А. Ибрагимова отмечает ряд тонких языковых закономерностей, установленных ею в процессе изучения памятника, позволяющих сделать ряд научно обоснованных выводов. Так, например, староузбекские слова *улуг*, *эрта*, *бада-на*, *тургузмак*, *минмак* на таджикский и персидский языки переведены соответственно словами и словосочетаниями: *калән* 'большой', *тагāх* 'завтра', *вартиш* 'перепелка', *истада кардан* 'заставить стоять', *бар асп савār шудан* 'сесть на коня' и т. д., которые, как показывает автор, более характерны для современного таджикского языка, нежели для персидского. А. Ибрагимова отмечает также, что староузбекские прила-

жательные местоимения *мэники*, *сэники* и *аныки* соответственно переизданы словосочетаниями *аз ман*, *аз ту* и *аз у*, характерными для кабульского диалекта персидского языка, близкого таджикскому.

Среди отмеченных автором недостатков словаря наибольший интерес представляет замечание о том, что отдельные глагольные формы в нем образованы только теоретически и практически в языке не функционировали. Подобные глагольные формы в разделе «Глоссарий» выделены особым знаком (*).

В графически искаженные слова автор работы вносит нужные исправления, а в сносках приводит их написания согласно тексту оригинала. Перевод таджикско-персидской части словаря на русский язык осуществлен в соответствии с оригиналом, исправленные же тексты (в случаях, когда в таджикско-персидской части лексики обнаружены искажения) также приведены в сносках.

На основе своих наблюдений А. Ибрагимова приходит к весьма важному заключению, что при составлении словаря автор широко использовал живую разговорную речь тюркоязычного населения Индии, стремясь зафиксировать тюркскую (староузбекскую) лексику и ее грамматические особенности.

При толковании словарного материала автор для сравнения широко привлекает важнейшие лексикографические памятники и богатые диалектологические материалы.

В разделе «Транскрипция и перевод текста» тюркская часть лексики, написанная арабским шрифтом, транскрибирована на основе русской графики, а таджикско-персидская часть переиздана на русский язык. Каждая глава словаря и составляющие ее части разбиты на разделы, которые в необходимых случаях снабжены соответствующими пояснениями и комментариями. Исправления переводов таджикско-персидской части (в тех случаях, когда они искажены), а также неправильные написания тюркских (староузбекских) слов и другие поправки приведены в сносках.

Значительную часть исследования составляет глоссарий, где все зарегистрированные тюркские лексические единицы памятника приводятся в алфавитном порядке, транскрибированными на основе русской графики; таджикско-персидская часть переведена на русский язык. В издании указываются листы (страницы) и строки фиксации в оригинале каждого слова, что значительно облегчает пользование глоссарием.

Слова, не имеющие соответствий в лексике современного узбекского языка, толкуются с привлечением других лексикографических памятников, таких как «Дивану лугат-ит-тюрк», «Бадаи ал-лугат», «Абушка», «Лугати чагатайи ва турки усмани», среднеазиатский «Тефсир». Лексические единицы памятника, зафиксированные и в других словарях, сопровождаются соответствующими сравнительными материалами из этих

словарей (словари В. В. Радлова, Л. Будагова, И. Д. Ягелло и ряд двуязычных).

В самом конце глоссария в алфавитном порядке дается список ста слов из стихотворной оды в честь правителя, с переводом на русский язык и с указанием на листы (страницы) и строки их фиксации в оригинале. Составитель не включил эти слова в глоссарий, поскольку большинство из них являлись арабскими или таджикско-персидскими заимствованиями.

В лексико-грамматическом разделе исследования весь лексический материал памятника подразделен на шестнадцать тематических групп. А. Ибрагимова критически оценивает эти отдельные группы, так как составитель словаря допустил смешение ряда тематических разнородных лексических единиц. В этом разделе выделены архаизмы, слова, претерпевшие в современном узбекском языке структурно-фонетические и семантические изменения, слова, характерные для различных диалектов и говоров узбекского языка; в отдельных подразделах описаны синонимы, омонимы, антонимы и дана их структурно-семантическая характеристика.

Хотя автор словаря и делает оговорку, что им приводятся «некоторые грамматические правила и слова, дабы читающие могли понять и использовать их» (стр. 123 монографии), однако, в памятнике отсутствуют связный текст, а также отдельные словосочетания или предложения, позволяющие воссоздать грамматический строй языка. Тем не менее, А. Ибрагимова на основе морфологического (структурного) анализа лексического материала сумела выделить корневые и аффиксальные морфемы и представить достаточный материал по морфологии имен — существительного, прилагательного, числительного, местоимения. Особо богат морфологическим материалом раздел глагола, в котором описываются неопределенная форма, формы лица, числа, склонения, времени, залоги, а также функциональные формы глагола. Краткие сведения даются и о вспомогательных частях речи (послелогах, союзах, частицах).

Значительное место отведено словообразованию: представлены все без исключения словообразовательные модели, зафиксированные в словарной статье, и их смысловые функции. Приводятся, хотя и скудные, сведения по синтаксическому способу словообразования (здесь имеются в виду сложные слова, состоящие только из двух корней).

В конце исследования дан грамматический указатель всех зафиксированных в памятнике аффиксов и служебных элементов, каждый из которых сопровождается одним или несколькими примерами и указанием на листы (страницы) и строки словаря, где они встречаются.

Все это свидетельствует о кропотливой и трудоемкой работе, проведенной А. Ибрагимовой в процессе изучения «Келур-наме».

В то же время приходится отметить, что это ценное исследование не лишено и некоторых недостатков.

Автором допущены ошибки орфографического и графического характера, недостаточно указать на следующие из них: нечетко разграничена разница в передаче таджикско-персидских звуков (букв) в транскрипции, например, вместо *кэлур-наме* — *кэлур-нама*, вместо *йэк—йак*; встречается двойное написание одного и того же слова: *сэ* и *се*, *баб* и *баб*, а также ошибки в написании некоторых слов: *навду нух фасл*, соединительный союз *у* передается двойко: *чэхэл-у сэ* и *чэхэлу йак*; в некоторых случаях опущен персидский изафет: *фэхраст абваб-и кэлур-наме*, вместо *фэхраст-и абваб и кэлур-наме* и др.

Неправильно написанные в глоссарии староузбекские слова исследователь исправляет на основе их таджикско-персидского перевода, или приводит в соответствии с их правильным написанием в других словарях, давая при этом в сноске слово в том виде, в каком оно зафиксировано в памятнике. С нашей точки зрения, внесение изменений в оригинал неправомерно. Следовало бы указывать правильную форму и написание слова в сноске, а не править сам глоссарий.

По каким-то необъяснимым причинам в издании отсутствует начальная часть вступления, традиционная для книг этого времени, а также такой интересный для исследователя текстовый материал как ода в честь правителя.

Отсутствие факсимального текста столь важного лексикографического памятника, состоящего всего из тридцати шести листов материала — существенный недостаток данного издания. И, наконец, весьма огорчает малый тираж книги, представляющей общетюркологический научный интерес.

Высказанные нами критические замечания несколько не умаляют общего значения трудоемкого и многосложного труда А. Ибрагимовой.

К. Каримов, Д. Базарова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ЛИНГВИСТОВ-ТЮРКОЛОГОВ

21—23 октября 1982 года в Алма-Ате проходила Первая межреспубликанская научно-теоретическая конференция молодых лингвистов-тюркологов, научных сотрудников академий наук Казахской, Азербайджанской, Узбекской, Киргизской и Туркменской ССР, посвященная 60-летию образования СССР, организованная по инициативе Совета молодых ученых Института языкознания Академии наук Казахской ССР и Фрунзенского райкома комсомола Алма-Аты. В работе конференции приняли участие также молодые научные сотрудники сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, Нукусского государственного университета, Министерства просвещения Казахской ССР, Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР, Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, Казахского педагогического института им. Абая, Женского педагогического института, Алма-Атинского педагогического института иностранных языков, Кокчетавского и Семипалатинского педагогических институтов.

Конференцию открыл председатель Совета молодых ученых Института языкознания Академии наук Казахской ССР **Е. З. Кажыбеков** (Алма-Ата).

Первый секретарь Фрунзенского райкома комсомола **А. Э. Андронов** (Алма-Ата) рассказал о достижениях молодых ученых Казахстана. Директор Института языкознания Академии наук Казахской ССР **А. Т. Кайдаров** (Алма-Ата) в своем выступлении говорил о важности налаживания научных контактов и совместной разработки актуальных проблем тюркологии.

Поэт **О. О. Сулейменов** (Алма-Ата) остановился на вопросах изучения древнетюркских памятников (каменных протографов), палеографии, этимологии букв древнетюрк-

ского алфавита, исторической грамматики тюркских языков.

С докладом «Вопросы фонетической мотивированности слова», посвященным проблемам формы и значения слова как языкового знака, выступил **К. Ш. Хусаинов** (Алма-Ата). Основное внимание докладчик уделил возможности примарной мотивированности слова с его звуковым выражением. Одной из актуальных проблем инженерной лингвистики и тюркологии — разработке теоретических и практических принципов автоматического морфологического анализа агглютинативной тюркской словоформы — был посвящен доклад **М. А. Махмудова** (Баку). Вопросы лексико-аффиксального плеоназма в узбекском языке рассматривались в докладе **Н. Махкамова** (Ташкент), изучавшего интересный тип плеоназма в узбекском языке («слово + синонимичное ему слово» или «аффикс + синонимичный ему аффикс»). Следы различных тюркских языков в топонимии Киргизии были рассмотрены **К. Конкобаевым** (Фрунзе) на обширном лингвистическом материале. В докладе **Ы. Б. Чарыярова** (Ашхабад) говорилось о роли периодической печати в образовании функциональных стилей туркменского литературного языка.

На двух Секциях конференции «Лексикология, лексикография, ономастика, терминология, история языка, письменные памятники, диалектология» и «Фонетика, статистическая лингвистика, синтаксис, морфология, процессы формирования литературного языка, вопросы взаимодействия и взаимовлияния родственных и разноструктурных языков» было заслушано около шестидесяти выступлений.

Первая секция. В докладе «Опыт историко-типологического изучения названий растений в азербайджанском языке» **Э. С. Кулиев** (Баку), этимологизируя всего несколько лексем (*алла, həjva, zoğal*), проиллюстрировал релевантность чисто лингвистических данных для изучения истории и

этнографии народа, его языковых связей. Сообщение *Г. Ажибековой* (Алма-Ата) было посвящено исследованию способов выражения избыточности в плеоназмах. Анализу коннотативных терминов в киргизском языке с привлечением материалов близкородственных тюркских языков было посвящено выступление *И. Абдувалиева* (Фрунзе). О некоторых проблемах изучения тюркской антропонимии говорил в своем сообщении *В. У. Махпиров* (Алма-Ата). В выступлении *М. К. Шаковой* (Нальчик) была дана сравнительно-типологическая характеристика выражений эмоций в языке и речи в разносистемных языках, позволяющая выявить общие структурные лексико-семантические модели, их особенности и закономерности, присущие ряду языков. *Е. А. Керимбаев* (Алма-Ата) посвятил свое выступление рассмотрению принципов ономастической номинации реальных географических объектов, расположенных на территории Казахстана. В сообщении *А. Сапарбековой* (Алма-Ата) об исследовании семантической структуры слова в казахском языке говорилось о некоторых особенностях изучения лексической семантики, смысловой структуры слова в казахском языке. Критерии изучения смысловой структуры казахских пословиц и поговорок были предложены *Г. Турабаевой* (Алма-Ата). Проблема развития гомогенных комплексов и лексикализационным процессам на уровне тюркских моносиллабов посвятил свое выступление *Е. З. Кажыбеков* (Алма-Ата). Некоторые вопросы упорядочения узбекской химической терминологии рассмотрел *А. Мадвалиев* (Ташкент). *С. Утениязов* (Алма-Ата) систематизировал данные по истории этимологии имени гуинского вождя Аттилы и предложил свою этимологию данного антропонима. В сообщении *С. Ж. Кудасова* (Алма-Ата) рассматривались вопросы изучения лексики армянописьменных кыпчакских памятников XVI века, в частности, делопроизводственная лексика актовых книг каменецкого суда. В сообщении *К. Ф. Кулиевой* (Баку) анализировались лексические параллели в азербайджанском языке и в восточно-анатолийских диалектах турецкого языка, имеющие многовековую историю. Названиям инструментов в ювелирном искусстве казахов был посвящен доклад *Р. Шойбекова* (Алма-Ата). Вопросы структурного оформления киргизского односложного корня и происхождения структурных типов ГГС и ГГСС в киргизском языке рассматривались *Ч. К. Дыйкановой* (Фрунзе), подтвердившей вторичность образования долгих гласных в этих структурах, генетически восходящих к основам типа ГСГС и ГСГСС.

Семантическому развитию казахских производных основ, образованных от гомогенных корней, посвятил свое выступление *Г. Анесов* (Алма-Ата), акцентировавший внимание на фоно-морфологическом развитии и семантической эволюции слов. В сообщении *М. Сапарова* (Ташкент) анализировались лексические соответствия в тюрк-

менском языке и огузском наречии узбекского языка. *Ж. Манкеева* (Алма-Ата)ложила некоторые результаты этимологических исследований лексики казахского языка, предложив конкретные методы выявления мертвых корней в глаголах-императивах. Изучению некоторых общественно-политических терминов в языке газеты «Эркин-Тоо» было посвящено сообщение *Г. Карагуловой* (Фрунзе). *М. Атабаева* (Кокчетав) говорила о полисемантической лексике казахских говоров. Об изучении и классификации стилистических функций тюркизмов и других восточных слов в русских произведениях современных азербайджанских писателей говорилось в выступлении *З. Р. Алекперовой* (Баку). В сообщении *Ж. Жапбасбаевой* (Алма-Ата) были рассмотрены вопросы, связанные с лексическим освоением арабских и персидских заимствований в казахском языке. В своем выступлении *Г. Айназарова* (Нукус) говорила о двухкомпонентных фразеологизмах каракалпакского языка симметричной структуры, состоящих из четырех слов. Названия слов, обозначающих части света в казахском языке были рассмотрены в сообщении *Р. Иманалиевой* (Алма-Ата). *З. Исмаинова* (Алма-Ата) остановилась на классификации по различным признакам названий продуктов питания в словаре Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк». О разнообразии в употреблении терминов в казахском языке и необходимости их упорядочения говорила *Р. Саркулова* (Алма-Ата). *К. Рысбергенова* (Алма-Ата), проанализировав существующие версии этимологии топонима Отрар, пришла к выводу, что данное название содержит указание на определенное состояние оседлости жителей этой территории. *Ш. Даулеткулов* (Алма-Ата) доложил некоторые результаты изучения названий растений в казахском языке, образованных путем сложения основ.

Вторая секция. О результатах статистико-дистрибутивного анализа азербайджанского текста на уровне графем сообщил в своем выступлении *Дж. А. Рахманов* (Баку). *А. Белботаев* (Алма-Ата) остановился на статолитингвистическом описании лексико-морфологической структуры «Куманско-казахского частотного словаря» (Алма-Ата, 1978). Результаты исследования редукции узких гласных узбекского языка, происходящей в зависимости от изменения их количественных свойств, были доложены в выступлении *Дж. Маматова* (Ташкент). В докладе *А. Зекеновой* (Алма-Ата) путем сопоставления частотных словарей пьес М. О. Ауэзова и Г. Мукрепова с текстом словаря научного стиля была раскрыта морфологическая структура частей речи и окончаний имени существительного. В выступлении *Дж. Гокленова* (Ашхабад) были приведены результаты исследования спектральной характеристики безударных узких гласных в туркменском языке. *З. К. Ахметжанова* (Алма-Ата) попыталась обосновать необходимость сопоставительного исследования функционально-семантических полей

русского и казахского языков и проанализировать общие закономерности их структуры. *Т. Садыков* (Фрунзе) привел в своем выступлении некоторые результаты изучения теории тюркских морфем, в частности, выявленные им четыре типа морфем и особенности их реализации. Изучению ситуативной вариативности использования билингвизма казахского и русского языков было посвящено выступление *С. Т. Саиной* (Алма-Ата). *К. Т. Токтоналиев* (Фрунзе) доложил результаты экспериментального исследования интонаций побудительных предложений в киргизском языке. Интонационной характеристике вводных единиц во французском, казахском и русском языках, выявлению интонационной зависимости этих единиц от их местоположения и смысловой соотношенности было посвящено сообщение *З. М. Базарбаевой* (Алма-Ата). Статоморфологический анализ (структуры) слов, заимствованных из русского и через русский язык был дан в совместном сообщении *К. Алдабергеновой* и *А. Белботаева* (Алма-Ата). *К. Д. Кыдырштева* (Фрунзе) на конкретном материале киргизского языка показала развитие и расширение общественных функций национального языка, благодаря контактированию с русским языком. Интонации в казахском языке были посвящены сообщения *Б. К. Мурзалыной* (Жокчетав) и *Ж. М. Утебаевой* (Алма-Ата). На некоторых вопросах изучения именных фразеологических единиц казахского языка с пересмысленным атрибутивным компонентом остановилась в своем выступлении *Р. Таева* (Алма-Ата). В сообщении *Л. М. Кисамединовой* (Алма-Ата) рассматривалась проблема современной фразеологии и разработка принципов составления русско-казахского фразеологического словаря. О проблемах русско-казахской фразеологии говорилось в выступлении *А. Тажмуратовой* (Алма-Ата). О некоторых аспектах влияния языка русской периодики на язык казахской периодической печати говорила *А. Алдашева* (Алма-Ата). Общие черты временного параметра причастия и некоторые семантические особенности причастной формы на -ган в киргизском языке рассматривались в сообщении *Н. А. Кенешбековой* (Фрунзе). Об исследовании употребления форм прошедшего времени в казахской разговорной речи доложил *Ж. Туймебаев* (Ал-

ма-Ата). Роли адъективаций в образовании имен прилагательных как грамматических слов в современном казахском языке посвятил свое сообщение *Ж. Т. Сарбалаев* (Семипалатинск). *Б. Касимова* (Алма-Ата) в своем выступлении рассмотрела опорные компоненты сложных глаголов современного казахского языка — конкретизацию их роли в образовании сложных глаголов, а также классификацию этих компонентов по семантическим группам. В сообщении *М. А. Хасеновой* (Алма-Ата) были проанализированы экстралингвистические и лингвистические факторы функционирования аббревиатур в казахском языке. Сложным словам в современном киргизском языке было посвящено выступление *Т. Токова* (Фрунзе). *А. Тулегенов* (Алма-Ата) рассмотрел формы множественного числа арабских слов в казахском языке. В выступлении *Ж. Балтабаевой* (Алма-Ата) говорилось о нулевых падежных формах в древнетюркском языке, в частности, о нулевой форме родительного падежа.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны сообщения руководителей секций *А. Т. Кайдарова* и *Ш. Ш. Сарыбаева*, отметивших, что конференция способствовала укреплению научных связей молодых ученых, координированию их усилий в области общих и частных проблем тюркского языкознания и выявила уровень их теоретической подготовки.

Участники конференции высказали единодушное пожелание сделать межреспубликанские конференции молодых ученых традиционными. Было признано целесообразным создание Совета молодых ученых при Советском комитете тюркологов, в задачу которого входило бы координирование научно-исследовательской и научно-организационной деятельности советов молодых ученых языковедческих и литературоведческих институтов языкознания и литературы академий наук тюркоязычных республик и проведение подобных молодежных форумов.

Материалы межреспубликанской конференции включены в план изданий Института языкознания Академии наук Казахской ССР и будут выпущены отдельной книгой.

Е. З. Кажибек

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. З. Гаджиева* (Москва), *Р. М. Бирюкович* (Саратов). Реликты древнетюркского синтаксиса в современных тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Т. А. Кильдибекова, В. П. Гуцина* (Уфа). Семантическая эволюция тюркизмов в лексике русского языка 16

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- М. С. Фомкин* (Ленинград). Об изучении тюркских стихов Султана Веледа 25

ОНОМАСТИКА

- О. Т. Молчанова* (Ярославль). Морфологические характеристики тюркских географических имен Горно-Алтайской Автономной области 32
Ю. М. Насибов (Баку). О географическом термине «Агджакала» из эпоса «Деде Коркут» 43

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ф. А. Ганиев* (Казань). Способы и типы образования сложных слов в современном татарском языке 48
Ш. Курбанов (Баку). Об учителе азербайджанского языка М. Ю. Лермонтова и источнике сказки «Ашик Кериб» 60

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- М. И. Трофимов* (Ош). Проблемы тюркского ударения, аномалии и геминаты 68
А. Мадрахимов (Ургенч). Огузское наречие узбекского языка и тюркские языки огузской группы 79
И. Я. Селютин (Новосибирск). Фонетические исследования в Сибири 85

РЕЦЕНЗИИ

- Б. В. Лукин* (Ташкент). *А. Н. Канонов. История изучения тюркских языков в России* 94
М. Томанов (Алма-Ата). *Т. Сайрамбаев. Қазіргі қазақ тіліндегі күрделі сөз тіркестері* 96
А. К. Калыбаева-Хасенова (Алма-Ата). *Қайырболат Есенов. Сабақтағ кұрмалас сөйлемнің кұрылысы* 98

<i>Г. Айдаров, Е. Жубанов</i> (Алма-Ата). Б. Әбілқасымов. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі	100
<i>С. Т. Қайыпов</i> (Москва). Э. Абдылдаев. «Манас» эпосунун тарыхый энүгүшүнүн негизги этаптары	102
<i>К. Каримов, Д. Базарова.</i> (Ташкент). Мухаммед Якуб Чинги. Келур-наме	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Е. Э. Қажибеков</i> (Алма-Ата). Первая межреспубликанская конференция молодых лингвистов-тюркологов	107
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. Z. Gadzhiyeva</i> (Moscow), <i>R. M. Biryukovich</i> (Saratov). Relics of early Turkic syntax in modern Turkic languages	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>T. A. Kildibekova, V. P. Gushina</i> (Ufa). Semantic evolution of turkisms in the vocabulary of Russian	16
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>M. S. Fomkin</i> (Leningrad). On the study of poems in Turkic by Sultan Veled	25
--	----

ONOMASTICS

<i>O. T. Molchanova</i> (Yaroslavl). Morphological characteristics of Turkic geographical names of the Altay Mountainous Autonomous region	32
<i>Y. M. Nasibov</i> (Baku). On geographical term «Агджакала» in the epos «Dede Korkud»	43

DISCUSSIONS

<i>F. A. Ganiyev</i> (Kazan). Methods and types of formation of compound words in modern Tatar	48
<i>Sh. Kurbanov</i> (Baku). On Azerbaijan teacher of M. Y. Lermontov and the origin of the tale «Ашик Кериб»	60

REPORTS, SURVEYS

<i>M. I. Trofimov</i> (Osh). Problems of Turkic stress, anomalies and geminats	68
<i>A. Madrakhimov</i> (Urgench). Oguz dialect of Uzbek and the Turkic languages of Oguz group	79
<i>I. Y. Selyutina</i> (Novosibirsk). Phonetic research in Siberia	85

REVIEWS

<i>B. V. Lunin</i> (Tashkent). А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России	94
<i>M. Топанов</i> (Алма-Ата). Т. Сайрамбаев. Қазіргі қазақ тіліндегі күрделі сөз тіркестері	96

<i>A. K. Kalybayeva-Khasanova</i> (Alma-Ata). Қайырболат Есенов. Сабақтас құрмалас сөйлемнің құрылысы	98
<i>G. Aidarov, E. Zhubanov</i> (Alma-Ata). Б. Әбілқасымов. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі	100
<i>S. T. Kayurov</i> (Moscow). Э. Абдылдаев. «Манас» эпосунун тарыхый энүгүшүнүн негизги этаптары	102
<i>K. Karimov, D. Bazarova</i> (Tashkent). Мухаммед Якуб Чинпи. Келур-наме	104

SCIENTIFIC LIFE

<i>E. Z. Kazhibekov</i> (Alma-Ata). The First interrepublican conference of young linguist-turkologists	107
---	-----

© «Советская тюркология» 1983 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 14.11.1983 г. Подписано к печати 24.5.1983 г. ФГ 16259. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5 Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 2383. Тираж 3101. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.